

BULLETIN ANNUEL

de l'association

CHEMINS DE MÉMOIRE

et

D'HISTOIRE

Щорічний бюлетень асоціації
«Дорогами пам'яті та історії»

Ежегодный бюллетень ассоциации
«Дорогами памяти и истории»

Tome I – 1re année

Chemins de Mémoire et d'Histoire
Paris
MMXXVI

© Nicolas Bielopolski, Andriy Korolivskiy, Viacheslav Landakov,
Andrei Samokhotkin, Chemins de Mémoire et d'Histoire, 2026

Computer Modern Unicode est un caractère typographique distribué sous licence
SIL Open Font License (OFL). © Andrey V. Panov, 2005

UAF Memory est un caractère typographique distribué sous licence CC BY-ND 4.0.
© Dmytro Rastvortsev, 2023

Les lettrines, vignettes de début et de fin de chapitre sont tirées
d'anciens imprimés numérisés et mis à disposition du public
par le projet Starodrouk (<https://starodruk.com/>)

CHEMINS DE MÉMOIRE ET D'HISTOIRE

9 B, Boulevard Jourdan – BP 192

75014 Paris

association@waluiki.eu

SIRET : 923 476 550 00010

RNA : W292 007 864

DIRECTION DE LA PUBLICATION : Andrei Samokhotkin

RELECTURE : Denis Larionov

ISSN en cours d'attribution

DÉPÔT LÉGAL : juillet 2026

Imprimé en Slovaquie

IMPRIMEUR :

EXPRESTA S.R.O.

Obchodno-výstavný objekt B

Devínska Nová Ves 7465

841 07 Bratislava

Slovaquie

Le Code de la propriété intellectuelle n'autorise, aux termes de l'article L. 122-5, 2° et 3°a, que les
« copies ou reproductions strictement réservées à l'usage privé du copiste et non destinées à
une utilisation collective » et que les analyses et les courtes citations dans un but d'exemple et
d'illustration. Ainsi, « toute représentation ou reproduction intégrale ou partielle faite sans le
consentement de l'auteur ou de ses ayants droit ou ayants cause est illicite » (art. L. 122-4).

D'où le fait que toute reproduction ou représentation intégrale ou partielle de cet ouvrage, par
quelque procédé que ce soit, sans l'autorisation écrite des ayants droit, est strictement interdite et
constitue une contrefaçon sanctionnée par les articles L. 335-2 et suivants du Code de la propriété
intellectuelle.

Любое копирование, цитирование или использование информации из этого бюллетеня без сноски на него является нарушением статей L. 122-4, L. 122-5, 2° и 3°а Кодекса Франции об интеллектуальной собственности и преследуется по закону. Недобросовестное цитирование, таким образом, является преступлением. Если нарушители будут обнаружены, в чем не приходится сомневаться, мы, в частности, оставляем за собой право писать о них на нашем сайте waluiki.eu и в следующих выпусках ежегодного бюллетеня.

JUSTIFICATION DU TIRAGE

IL A ÉTÉ TIRÉ DE CE RECUEIL CENT QUATRE-
VINGTS EXEMPLAIRES, NUMÉROTÉS DE 1 À 180
ET NON MIS DANS LE COMMERCE. LE TOUT
CONSTITUANT L'ÉDITION ORIGINALE.

EXEMPLAIRE N°

Содержание

Содержание	i
Посвящение	v
Об этом издании	ix
Принятые сокращения	xiii
Résumés en français	xv
Andrei Samokhotkin. Tomarovka, village ukrainien de l'ouïezd de Belgorod	xv
Nicolas Bielopolski. Les prisonniers politiques polonais à Valouïki	xvi
Arkadi Jivotko. De mon journal, avec une préface de Viacheslav Landakov	xvi
Andrei Samokhotkin, Andriy Korolivskiy. Les prêtres tués dans l'ouïezd de Valouïki en 1918	xvii
САМОХОТКИН АНДРЕЙ, КОРОЛЕВСКИЙ АНДРЕЙ. Томаровка – украинское село Белгородского уезда	1
Предисловие	1
Об отсутствии средств для бедных учащихся в с. Томаровка при наличии средств на строительство памятника Александру II	5
П. И. Слюнин-Стодоля в с. Томаровке и запрет торговли спиртными напитками в 1906 г.	6
Эмиграция священника с. Томаровка Иоанна Слюнина в Северную Америку	7
Украинские спектакли в с. Мирополье Суджанского уезда и с. Томаровка в постановке П. И. Слюнина-Стодоли	8
О потребности крестьян с. Томаровка в украинских книгах	10
Об отсутствии библиотеки в с. Томаровка, пьянстве местных жителей	13
О препятствовании открытию украинской читальни в с. Томаровка, тяжелом положении украинского просвещения в селе, роли «перевертней»	15
П. И. Слюнин-Стодоля как собиратель фольклора на Курщине	17

О безразличии жителей с. Томаровка	17
Об участии Павла Слюнина в студенческой жизни в Тарту	19
О провале сбора помощи солдатам в Томаровке	20
Украинские спектакли в постановке кружка молодежи с. Томаровка	21
Об организации Общества «Просвита» П. И. Слюниным-Стодолей в с. Томаровка и трудностях с доступом к украинской литературе	23
Письмо П. И. Слюнина- Стодоли в Главную комиссию по выборам в Украинское Учредительное собрание, г. Киев. Декабрь 1917	25
Ответ на письмо П. И. Слюнина-Стодоли в Главную комиссию по выборам в Украинское Учредительное собрание, г. Киев. 24 декабря 1917	26
О лекциях в Обществе «Просвита», желании солдат с. Томаровка присоединить их населенный пункт к Украине	27
Письмо М. Данько к С. Русовой о П. И. Слюнине. 22 мая 1918	29
Закрытие сельского Общества «Просвита» после вынужденного отъезда П. И. Слюнина-Стодоли	31
Протокол общего собрания жителей Томаровской волости. 4 апреля 1920 года	32
Белопольский Николай. Польские политические заключенные в Валуйках	39
Предисловие	39
Из воспоминаний Марцина Залеского	44
Из писем Кароля Качковского	54
Животко Аркадий, Ландаков Вячеслав. Арест Аркадия Животко большевиками в 1918 году в его воспоминаниях	63
Предисловие	63
Аркадий Животко. «Из моего дневника» : перевод на русский язык с примечаниями	67
Аркадій Животко. «З мого щоденника» : оригінальний текст українською мовою	78
Самохоткин Андрей, Королевский Андрей. Гражданская война и преследование духовенства в Валуйском уезде	89

Предисловие	89
Присвоение 20 000 рублей В.Н. Гаевского Валуйским советом рабочих и солдатских депутатов	91
Сообщение 19 июня 1918 г. о служащих железных дорог в Валуйках, отряде Сиверса	91
Поездка из Харькова в Валуйки 30 июня 1918 г. Сведения о состоянии железных дорог, вокзалов, о расстреле священников Валуйского уезда Бедина, Сахарова, Садовского, Погребникова, Набивача	92
Повседневная жизнь и беженцы в Валуйках, злодеяния красноармейцев в Никитовке, положение в Купянске	95
О положении Валуйского Успенского монастыря, об аресте почитаемой иконы Николая Чудотворца в Алексеевке, о реквизициях, хищениях монастырской собственности, о гибели рыбы в реках Валуй и Оскол	99
Злодеяния красноармейцев в сообщении беженцев из Валук, Уразово, Троицкого	102
Захват крестьянами Николо-Тихвинского монастыря в селе Пятницкое	102
Безвыходное положение с продовольствием в Валуйках в феврале 1918 г.	103
Отправка хлеба из Валук в голодающий Петроград	103
Нападение на Валуйский Успенский монастырь в феврале 1918 г.	103
Собрание братства св. Николая в Валуйском Успенском монастыре	104
О контрибуции, наложенной на Валуйский Успенский монастырь в феврале 1918 г.	105
Нападение на священника Михаила Погребникова 9-10 марта 1918 г.	105
Нападение на Валуйский Успенский монастырь 26 февраля 1918 г.	106
Эвакуация продовольствия из Валук	106
Детали организации эвакуации продовольствия из Валук	107
Украинские и германские разъезды в Валуйках в апреле 1918 г.	107
Убийство священников в сообщении «Воронежского вестника церковного единения»	108

Телеграмма, адресованная валуйскими беженцами Роману Будбергу, о поиске защиты у гетмана Скоро- падского	108
Священник Федор Бедин : некролог в «Воронежском вестнике церковного единения»	109
Убийство священника Михаила Погребникова в сооб- щении «Воронежского телеграфа»	110
Расправа над представителями духовенства и бывши- ми землевладельцами Валуйского уезда в сообщении «Воронежского телеграфа»	111
Приложение : отдельные сведения о священниках, убитых в 1918 году	112
Составители	117

Посвящение

ЭТОТ БЮЛЛЕТЕНЬ МЫ ПОСВЯЩАЕМ УКРАИНЦАМ, ставшим жертвами пыток в исправительных колониях №6, №7 и №9 города Валуйки Белгородской области. Так, в Валуйской колонии №6, по данным газеты «*The Guardian*», которая опирается на отчеты ООН, заключенных подвергают жестоким пыткам: их душат, избивают, оставляют ожоги на теле, применяют к ним электрошок, угрожают им сексуальным насилием, оскорбляют словесно и совершают над ними сексуальное насилие¹. По сообщению Русской службы ВВС, пытки практикуются также в исправительной колонии №7².

Кроме того, в Валуйской колонии №9, по сообщению Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, одну из украинских заключенных «персонал заставлял обнаженной делать приседания в присутствии мужчин и позволял ей пользоваться туалетом только под надзором мужчины-охранника»³.

Там же, как сообщает украинский проект «*Медійна ініціатива за права людини*», пленных украинских женщин со-

¹ Ganguly, M., Walker, S., Sauer, P., Mazhulin, A., & Swan, L. (2025, April 30). Inside Taganrog : Beatings, electrocution and starvation at prison where Ukrainians were tortured. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/world/2025/apr/30/inside-taganrog-beatings-electrocution-and-starvation-at-prison-where-ukrainians-were-tortured>

² Безпятчук, Ж., и Горяшко, С. (2025, сентябрь 17). «Самая страшная колония»: Что украинские военнопленные рассказывают о мордовской ИК-10. BBC News Русская служба. <https://www.bbc.com/russian/articles/ce861d3vg360>

³ Управление Верховного комиссара по правам человека. (2023, октябрь 4). Доклад о ситуации с правами человека в Украине, 1 февраля – 31 июля 2023 года (с. 16). <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/hrbodies/hrcouncil/coiukraine/23-10-04-ONCHR-36th-periodic-report-ukraine-ru.pdf>

держат в бараках, разделенных на камеры по 8–22 человека, и они подвержены не только физическому, но и системному психологическому давлению: женщинам приходится выполнять унижительные требования, например, петь русский гимн и делать приседания, а по пути в столовую охранники склонны жестоко задерживать, сталкивать и бить тех, кто не успевает к назначенному небольшому времени приема пищи, что приводит к падениям и травмам при попытке поесть за 3–5 минут. Женщины могут принимать душ только раз в неделю, обычно на очень короткое время и с ограниченным количеством мыла или шампуня. В течение дня их зачастую лишают права сидеть в камерах, а прогулки на свежем воздухе ограничены всего 10–15 минутами. Медицинская помощь в Валуйской колонии №9 крайне ограничена, а иногда медицинский персонал отказывался реагировать на запросы о помощи, демонстрируя враждебное отношение к заключенным⁴.

ВСЕМ ЗАПЫТАННЫМ В ВАЛУЙКАХ УКРАЙНЦАМ МЫ ПОСВЯЩАЕМ ЭТОТ НОМЕР БЮЛЛЕТЕНЯ. ПАМЯТЬ О НИХ БУДЕТ ЖИТЬ, И БОЛЬ ИХ НЕ БУДЕТ ЗАБЫТА.

ЛІС БЮЛЕТЕНЬ МИ ПРИСВЯЧУЄМО УКРАЙНЦЯМ, які стали жертвами тортур у виправних колоніях №6, №7 та №9 міста Валуйки Белгородської області. Так, у Валуйській колонії №6, за даними газети «*The Guardian*», що спирається на звіти ООН, ув'язнених піддають жорстоким тортурам: їх душать, б'ють, залишають опіки на тілі, застосовують електрошок, загрожують сексуальним насильством, словесно ображають і чинять над ними сексуальне насильство. За повідомленням Російської служби ВВС, тортури практикуються також у виправній колонії №7.

Крім того, у Валуйській колонії №9, за повідомленням Управління Верховного комісара ООН з прав людини, одну з ув'язнених «персонал змушував оголеною робити присідання

⁴ Климик, М. (2023, Травень 9). Виправна колонія № 9 у Валуйках. *Що роблять із українськими полоненими жінками в російській в'язниці: Свідчення очевидців*. Медійна ініціатива за права людини. <https://mipl.org.ua/vypravna-koloniya-%e2%84%96-9-u-valujkah-shho-robyat-iz-ukrayinskymy-polonenymy-zhinkamy-v-rosijskij-v%ca%bcaznychy-svidchennya-ocheydcziv/>

у присутності чоловіків та дозволяв користуватися туалетом лише під наглядом чоловіка-охоронця».

Там же, як повідомляє проєкт «Медійна ініціатива за права людини», полонених українських жінок утримують у бараках, розділених на камери по 8–22 особи, і вони піддаються не лише фізичному, а й системному психологічному тиску: жінки змушені виконувати принизливі вимоги, наприклад співати російський гімн і робити присідання, а по дорозі до їдальні охоронці схильні жорстоко затримувати, штовхати та бити тих, хто не встигає до призначеного часу прийому їжі, що призводить до падінь і травм при спробі поїсти за 3–5 хвилин. Жінки можуть приймати душ лише раз на тиждень, зазвичай дуже коротко і з обмеженою кількістю мила чи шампуню. Протягом дня їх часто позбавляють права сидіти у камерах, а прогулянки на свіжому повітрі обмежені всього 10–15 хвилинами. Медична допомога у Валуйській колонії №9 надзвичайно обмежена, а іноді медичний персонал відмовляв у реагуванні на прохання про допомогу, демонструючи ворожість до ув'язнених.

УСІМ УКРАЇНЦЯМ, ЯКІ ЗАЗНАЛИ ТОРТУР У ВАЛУЙКАХ, МИ ПРИСВЯЧУЄМО ЦЕЙ НОМЕР БЮЛЕТЕНЯ. ПАМ'ЯТЬ ПРО НИХ ЖИТИМЕ, А ЇХНІЙ БІЛЬ НЕ БУДЕ ЗАБУТИЙ.

CE BULLETIN EST DÉDIÉ AUX UKRAINIENS qui ont été victimes de tortures dans les colonies pénitentiaires n°6, n°7 et n°9 de la ville de Valouïki, dans l'oblast de Belgorod. Ainsi, dans la colonie pénitentiaire de Valouïki n°6, selon le journal *The Guardian*, qui se base sur des rapports de l'ONU, les détenus sont soumis à des tortures sévères : ils sont étranglés, battus, marqués de brûlures, on leur applique des électrochocs, on les menace de violences sexuelles, on les insulte verbalement et on commet des violences sexuelles sur eux. Selon le *Service russe de la BBC*, les tortures se pratiquent également dans la colonie pénitentiaire n°7.

De plus, dans la colonie de Valouïki n°9, selon le Haut-Commissariat des Nations Unies aux droits de l'homme, une détenue ukrainienne a été « forcée par le personnel de faire des

squats nue en présence d'hommes et n'était autorisée à utiliser les toilettes que sous la surveillance d'un gardien masculin ».

Toujours selon le projet ukrainien *Initiative médiatique pour les droits humains*, les femmes ukrainiennes prisonnières sont logées dans des baraquements subdivisés en cellules de 8 à 22 personnes et subissent non seulement des violences physiques mais aussi une pression psychologique systémique : elles doivent obéir à des exigences humiliantes, comme chanter l'hymne russe ou faire des squats, et en se rendant à la cantine, les gardiens retiennent, bousculent et frappent violemment celles qui n'arrivent pas à temps, entraînant des chutes et des blessures lorsqu'elles essaient de manger en 3 à 5 minutes. Les femmes ne peuvent prendre une douche qu'une fois par semaine, souvent très brièvement et avec peu de savon ou de shampoing. Pendant la journée, elles sont souvent privées du droit de s'asseoir dans les cellules et les promenades à l'air libre sont limitées à seulement 10–15 minutes. Les soins médicaux dans la colonie n°9 de Valouïki sont extrêmement limités et parfois le personnel médical refusait de répondre aux demandes d'aide, faisant preuve d'hostilité envers les détenues.

**À TOUTS LES UKRAINIENS TORTURÉS À VALOUÏKI,
NOUS DÉDIONS CE NUMÉRO DU BULLETIN. LEUR
MÉMOIRE VIVRA ET LEUR SOUFFRANCE NE SERA PAS
OUBLIÉE.**

Об этом издании

ВХОДЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРВОГО НОМЕРА ЕЖЕГОДНОГО БЮЛЛЕТЕНЯ ассоциации «Дорогами памяти и истории» мы использовали множество утилит для верстки, заимствовали декоративные элементы из старопечатных украинских книг и одной западноевропейской инкунабулы, использовали несколько шрифтов.

Мы верстали бюллетень с помощью $\text{\LaTeX}$, используя утилиту Pandoc (v3.8.3), доступную по свободной лицензии GPLv3, а также искусственный интеллект, совместно с которым мы решали стоявшие перед нами задачи (ChatGPT, Mistral, Anthropic Claude)^{5 6}. В частности, мы использовали искусственный интеллект для перевода фрагмента дневника Аркадия Животкого с украинского на русский язык с последующей редактурой получившегося перевода.

Работая в приложении Visual Studio Code и терминале, мы автоматизировали часть повторяющихся действий с помощью менеджера пакетов npm^{7 8}.

Для более гибкой верстки мы создали ряд Lua-фильтров, которые выполнялись встроенным в Pandoc интерпретатором Lua, доступным по лицензии MIT.

Среди многих пакетов $\text{\LaTeX}$, к которым мы прибегли, особо выделим fontspec, babel, lettrine, graphicx, todonotes, pgfornament, zref-savepos (последний из них

⁵ *LaTeX - A document preparation system*. Retrieved 29 March 2026, from <https://www.latex-project.org/>

⁶ *Releases*. Pandoc. Retrieved 27 March 2026, from <https://pandoc.org/releases.html>

⁷ *Visual Studio Code: The open source AI code editor*. Retrieved 1 April 2026, from <https://code.visualstudio.com/>

⁸ *Npm*. Retrieved 1 April 2026, from <https://www.npmjs.com/>

— для маргиналий)^{9 10 11 12 13 14 15}. Путем многочисленных манипуляций, комбинируя разметку **Markdown**, возможности **Pandoc** и **Л^AT_EX**, мы добились генерации сверстанного бюллетеня вводом одной команды.

Для подготовки декоративных элементов мы векторизовали растровые изображения, повысив их контрастность и резкость, после чего упростили полученные векторы с помощью свободно распространяемого графического редактора **Inkscape**¹⁶. Затем мы привели эти векторы к модели цветопередачи **СМУК** посредством утилиты **Ghostscript** (v10.07.0) в ее свободной версии, распространяемой по лицензии **GNU Affero General Public License**¹⁷.

В нашем издании мы используем два шрифта — **Computer Modern Unicode** (**CMU**) для основного текста, созданный Андреем Пановым в 2003 году, и **UAF Memory** для заголовков, который украинский дизайнер шрифтов Дмитро Растворцев разработал для Министерства обороны Украины в 2023 году и который является бесплатным для коммерческого и некоммерческого использования, будучи доступным по лицензии **CC BY-ND 4.0**^{18 19}.

Декоративные элементы мы заимствовали из украинских книг XVII века, оцифрованных и любезно выложенных в открытый доступ проектом «*Стародрук*», онлайн-платформой старопечатных книг, изданных на территории современной Украины с 1574 по 1800 год²⁰. Заставка с фитоморфным орнаментом в начале каждого раздела бюллетеня, кириллические буквы, фигурные концовки мы взяли из старопечатной книги «*Зерцало богословій*», изданной в городе Почаеве Кириллом Транквиллионом-Ставровецким в 1618

⁹ *fontspec*. CTAN. Retrieved 1 April 2026, from <https://ctan.org/pkg/fontspec>

¹⁰ *babel*. CTAN. Retrieved 1 April 2026, from <https://ctan.org/pkg/babel>

¹¹ *lettrine*. CTAN. Retrieved 1 April 2026, from <https://ctan.org/pkg/lettrine>

¹² *graphicx*. CTAN. Retrieved 1 April 2026, from <https://ctan.org/pkg/graphicx>

¹³ *todonotes*. CTAN. Retrieved 1 April 2026, from <https://ctan.org/pkg/todonotes>

¹⁴ *pgforament*. CTAN. Retrieved 1 April 2026, from <https://ctan.org/pkg/pgforament>

¹⁵ *zref-savepos*. CTAN. Retrieved 1 April 2026, from <https://ctan.org/pkg/zref-savepos>

¹⁶ *Inkscape*. GitLab. Retrieved 31 March 2026, from <https://gitlab.com/inkscape/inkscape>

¹⁷ *Ghostscript*. Retrieved 31 March 2026, from <https://www.ghostscript.com/>

¹⁸ Panov, A. V. *Computer Modern Unicode fonts*. SourceForge.Net. Retrieved 31 March 2026, from <https://cm-unicode.sourceforge.io/>

¹⁹ Rastvortsev, D. (2023, December 6). *UAF Memory Freeware variable typeface*. Behance. <https://www.behance.net/gallery/186125291/UAF-Memory-Freeware-variable-typeface>

²⁰ *Стародрук* : Цифрова бібліотека. Вилучено 31, Березень 2026, із <https://starodruk.com/>

году и из ее переиздания 1692 года^{21 22}. Дополнительная гравюра, изображающая крест и терновый венок, происходит из книги Иоанникия Галатовского «*Душі людей умерлих*» 1687 года издания²³.

Единственный латинский инициал в нашем бюллетене происходит из инкунабулы *De consolatione Philosophiæ* с текстом Боэция : эта инкунабула была издана в Лионе не раньше 1489 года, и наш инициал является векторизированной версией из экземпляра, хранящегося в Архивах департамента Канталь во Франции²⁴.

За все упомянутые выше ухищрения был ответственен редактор этого бюллетеня и член ассоциации «*Дорогами памяти и истории*» **АНДРЕЙ САМОХОТКИН**.

²¹ Транквіліон-Ставровецький, К. (1618). *Зерцало богословії*. Друкарня Кирила Транквіліона. <https://starodruk.com/books/zercalo-bogosloviyi>

²² Транквіліон-Ставровецький, К. (1692). *Зерцало богословії*. https://starodruk.com/books/zercalo-bogosloviyi_1

²³ Галятівський, І. (1687). *Душі людей умерлих*. Друкарня Троїцько-Лілінського монастиря. <https://starodruk.com/books/dushi-lyudej-umerlih>

²⁴ Aurillac. Archives départementales du Cantal, 1 BIB 5335. BOETHIUS (Anicius Manlius Seuerinus) : *De Consolatione philosophiæ*. BOETHIUS, Pseudo- : *De Disciplina scholarium*. Lyon (Rhône, France) Jean Dupré (14..-1503?), non post 1489. Identifiant Biblissima+ : <https://data.biblissima.fr/entity/Q130390>

Принятые сокращения

ВЕВ	Воронежские епархиальные ведомости (Воронеж).
ВЕВЧН	Воронежские епархиальные ведомости : Часть неофициальная (Воронеж).
ВТ	Воронежский телеграф (Воронеж).
ВЦЕ	Воронежский вестник церковного единения (Воронеж).
ДЦДОЕ	Шегольков, А. Г. <i>Духовенство и церковные деятели Оренбургской епархии по публикациям «Оренбургских епархиальных ведомостей» 1912–1917 гг. : Справочное издание.</i> Под редакцией В. Максимова, свящ. Т. 3 : Н-Р. 4 тт. Челябинск, 2012.
ЕСУ	І. М. Дзюба, А. І. Жуковский, М. Г. Железняк та ін. (Редкол.). <i>Енциклопедія Сучасної України.</i> Київ : Інститут енциклопедичних досліджень НАН України.
ГАКО	Государственный архив Курской области (Курск).
ЛСПАО	Овчинников, П. «Выпускники полного курса Воронежской духовной семинарии 1780-1918 гг.» <i>Иерей Павел Андреевич Овчинников : Личный сайт клирика Санкт-Петербургской митрополии РПЦ.</i> https://priest.cerkov.ru/materialy-vypuskniki-do-1918-goda/
НГ	Нова Громада (Харків).
НР	Нова Рада (Київ).
ОЕВ	Оренбургские епархиальные ведомости (Оренбург).
ОЕВЧН	Оренбургские епархиальные ведомости : Часть неофициальная (Оренбург).
РГИА	Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
РК	Рада (Київ).

СЖХ

Бирюкова, М. А. «Содержание журнала Христианин за 1907, 1909, 1911, 1912 годы : Указатель». *Библио-Бюро Стрижева-Бирюковой* (блог), 5 ноября 2022 г. <https://proza.ru/2022/11/05/432>

СКДВЕ

Никольский, П. *Справочная книга для духовенства Воронежской епархии : Особое приложение к Воронежским Епархиальным Ведомостям за 1900 год*. Под редакцией А. М. Спасского. Воронеж: Типография В. И. Исаева, 1900.

ЦВ

Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде : еженедельное издание с прибавлениями (Санкт-Петербург).

ЦГАВОВУ

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Киев).

ЦДАВОУ

Центральный державний архів вищих органів влади та управління України (Київ).

УТХ

Утро (Харьков).

ЮК

Южный край (Харьков).

ЮКВВ

Южный край : Вечерний выпуск (Харьков).

Résumés en français

Andrei Samokhotkin. Tomarovka, village ukrainien de l'ouïezd de Belgorod

Ce premier dossier documentaire rassemble une série de sources historiques consacrées au bourg de Tomarovka (auj. district de Yakovlevo, région de Belgorod), qui relevait avant 1917 de l'ouïezd de Belgorod dans le gouvernement de Koursk. La sélection est composée d'articles de presse en grande majorité anonymes, tirés des journaux russophones de Kharkiv *Iouzhny kraï* et *Utro*, ainsi que des journaux ukrainophones de Kyïv *Rada* et *Nova Rada* (période 1905–1918), auxquels s'ajoutent des documents d'archives provenant des Archives centrales d'État des organes supérieurs du pouvoir d'Ukraine (CDAVOU, fonds 1133). Le fil conducteur du dossier documentaire est la trajectoire de Pavel Sliounine-Stodolia, figure locale du mouvement de renaissance ukrainienne, fondateur et président de la section locale de la Prosvita (société culturelle ukrainienne portant le nom de Taras Chevtchenko) : ses voyages à Saint-Pétersbourg en 1906, ses activités théâtrales dans les villages de Tomarovka et de Miropillia (gouvernement de Koursk), son courrier à la Commission électorale ukrainienne en décembre 1917 pour demander si Tomarovka — avec ses 20 000 habitants ukrainophones — pouvait envoyer un représentant à l'Assemblée constituante de la République ukrainienne, et finalement la fermeture de la Prosvita après son départ contraint en 1918. L'ensemble dépeint la tension entre l'aspiration à une conscience nationale ukrainienne et la réalité d'une population que ses propres militants jugent russifiée, ivrogne et indifférente.

Nicolas Bielopolski. Les prisonniers politiques polonais à Valouïki

Ce deuxième dossier documentaire se concentre sur des déportés polonais ayant séjourné dans la ville de Valouïki (gouvernement de Voronej) à la suite de l'insurrection de Janvier 1863. Deux sources principales sont présentées et traduites en russe. La première est un extrait des mémoires de Marcin Zaleski (1826–1891), noble polonais originaire de Volhynie, publiés à titre posthume à Lviv en 1893 par les éditions Gubrynowicz et Schmidt ; l'extrait décrit son voyage à travers l'Ukraine des slobodes orientales et son séjour de deux ans à Valouïki (septembre 1864 – octobre 1866). La seconde source est un ensemble de lettres de Karol Kaczkowski, médecin militaire polonais (1797–1867), lui aussi déporté à Valouïki. Les deux textes donnent à voir la vie quotidienne des exilés, leurs relations avec la population locale et les fonctionnaires russes, et constituent un témoignage de première main sur la déportation des Polonais dans la partie européenne de l'Empire.

Arkadi Jivotko. De mon journal, avec une préface de Viatcheslav Landakov

Dans cette troisième partie, un texte autobiographique d'Arkadi Jivotko (1890–1973) est publié en version bilingue. Arkadi Jivotko est la figure du mouvement ukrainien dans le gouvernement de Voronej, futur historien de la presse ukrainienne en émigration. L'extrait, paru en 1923 dans la revue *Vilna spilka*, relate des événements de janvier 1918 dans l'ouïezd d'Ostrogojsk (le gouvernement de Voronej) au moment de l'établissement du pouvoir soviétique. Jivotko y décrit sa participation au mouvement de renaissance ukrainienne locale — la Prosvita du village de Poukhovaïa, le Congrès paysan, la diffusion de la propagande politique pour la Rada centrale ukrainienne —, puis son arrestation dramatique par les commissaires bolcheviks dans un village voisin, l'interrogatoire dans lequel il revendique son appartenance à la Rada centrale et au parti des socialistes-révolutionnaires ukrainiens, et enfin son évasion spectaculaire sous des wagons de marchandises lors d'une nuit de gel. La source éclaire les tensions linguistiques, politiques et nationales à la frontière russo-ukrainienne en 1917–1918, dans un espace géographique comprenant Ostrogojsk, Poukhovaïa et Kharkiv.

Andrei Samokhotkin, Andriy Korolivskiy. Les prêtres tués dans l'ouïezd de Valouïki en 1918

Le quatrième et dernier dossier documentaire réunit deux types de documents complémentaires. D'abord, une série de reportages et de dépêches publiés en 1918 dans le *Iouzhny kraï, édition du soir* (Kharkiv) et dans le *Vestnik tserkovnogo edinenya* (Voronej), décrivant la situation de l'ouïezd de Valouïki durant la guerre civile : pillages systématiques, réquisitions bolcheviques, chaos ferroviaire sur la ligne Kharkiv–Valouïki, présence des troupes germano-ukrainiennes, condition des réfugiés, et surtout l'exécution de six prêtres orthodoxes, le protopape Ioann Sakharov et les pères Fiodor Biedin, Khristophor Kourbatov, Ioann Nabivatch, Mikhaïl Pogrebnikov, Ioann Sadovski. Ensuite, en annexe de ces reportages, une série de notices biographiques détaillées consacrées à chacun de ces membres du clergé, compilées à partir d'un large corpus de publications : les bulletins diocésains de Voronej et d'Orenbourg, le *Voronejski telegraf*, le *Vestnik tserkovnogo edinenya*, ainsi que divers annuaires et ouvrages de référence sur le clergé de la région. Ces notices reconstituent les itinéraires biographiques de prêtres inconnus, actifs dans de petits villages de l'ouïezd de Valouïki, et témoignent de la violence anti-cléricale de la période révolutionnaire. La géographie de ce dossier couvre l'ouïezd de Valouïki (villages de Chélaïevo, Ourazovo, Saryi Khoutor, Prysten, Salovka, Pyatnitskoe) et le monastère Ouspenski de Valouïki.

Томаровка — украинское село Белгородского уезда

АНДРЕЙ САМОХОТКИН, АНДРЕЙ КОРОЛЕВСКИЙ

Предисловие

ПУБЛИКУЕМАЯ НИЖЕ ПОДБОРКА ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ посвящена прошлому поселка городского типа Томаровка, ныне входящего в состав Яковлевского городского округа Белгородской области, а до революции 1917 года бывшего частью Белгородского уезда Курской губернии. Население поселка Томаровка по итогам Всероссийской переписи населения 2020 года составило 7 394 человека.

В подборку включены газетные статьи, большей частью анонимные, публиковавшиеся в русскоязычных харьковских газетах «Южный край» и «Утро», украиноязычных киевских газетах «Рада» и «Нова Рада», а также архивные материалы из ЦГАВОВУ в Киеве, найденные исследователем Андреем Королевским.

На первый взгляд, речь в этих исторических источниках идет об украинской истории села Томаровка, открытии и увядании местного общества «Просвещение» имени Тараса Шевченко («Просвіта»), проблемах доступа украинцев села к своей культуре. Однако, эти материалы рассказывают также другую историю, а именно историю местного деятеля украинского возрождения Павла Ивановича Слюнина-Стодоли. Действительно, мы видим определенное стилисти-

ческое и тематическое единство ряда публикаций в газетах «Рада» и «Нова Рада», позволяющее нам выдвинуть гипотезу о том, что их автором был не кто иной, как Павел Слюнин-Стодоля. Что же говорят нам эти и другие тексты о перипетиях его индивидуальной траектории?

Мы не знаем ни даты рождения, ни даты смерти Павла Слюнина. Мы можем предположить, что он был уроженцем Томаровки или, по меньшей мере, был тесно связан с жизнью села. Так, в 1906 году по поручению томаровцев он направился в Санкт-Петербург для участия в решении аграрного вопроса, где некоторое время работал в типографии газеты «Мысль»¹. Публикация в газете «Утро» в 1907 году информирует читателя об эмиграции в Северную Америку томаровского священника Иоанна Слюнина, который, предположительно, был отцом интересующего нас Павла Слюнина². В 1909 году сообщалось, что Павел Слюнин был членом драматического студенческого Дерптского кружка, так что архивные изыскания в Эстонии могли бы оказаться плодотворными³. Кроме того, Павел Слюнин был сторонником развития украиноязычного образования на селе и был озабочен отсутствием национальной сознательности у местных украинцев⁴. Силами Павла Слюнина в Томаровке открылось отделение «Просвиты», председателем которого он был и которое, как указывал томаровский корреспондент Василий Мирошниченко, прекратило свою деятельность после отъезда Слюнина из Томаровки, что свидетельствует, в частности, о его первостепенной роли в организации украинской жизни села⁵. В этом отношении также показательно письмо Слюнина в Комиссию по выборам в Учредительное собрание Украинской Республики, где он задается вопросом, может ли Томаровка направить туда своего представителя⁶.

После того как в 1918 году Павел Слюнин-Стодоля покинул Томаровку, он стал учителем в городе Лохвица сегодняшней Полтавской области, что известно благодаря литературоведу Петру Ротачу⁷. Предположительно, там Слюнин-

¹ ЮК. 1906. Воскресенье. 27 августа (2 сентября). №8875. С. 5

² УТХ. 1907. Четверг. 23 августа. №220. С. 4

³ РК. 1909. Субота. 8 (21) серпня. №178. С. 2

⁴ РК. 1909. Четвер. 10 (23) вересня. №204. С. 4

⁵ НР. 1918. Середа. 13 листопада (30 жовтня). №212. С. 3

⁶ ЦДАВОУ. Ф. 1133. «Головна комісія по виборах до Українських Установчих зборів, м. Київ». Оп. 1. Спр. 9. Л. 56

⁷ Ротач, П. П. (1999). *Колоски з літературної ниви: Короткий літературний календар Полтавщини*. Полтавський літератор. <https://web.archive.org/web/20260329185752/https://histpol.pl.ua/ru/lichnosti/kooperativnyeyateli?id=3193>

Стодоля стал литературным душеприказчиком украинского писателя Архипа Ефимовича Тесленко, умершего в 1911 году, то есть задолго до прибытия Павла Слюнина в Лохвицу; тем не менее, по сообщению Петра Ротача, именно Слюнин передал писателю Сергею Пилипенко рукописи Архипа Тесленко⁸. В этот же период Слюнин написал биографию Архипа Тесленко «*Вінок на могилу рідному письменнику А. Тесленку*», которую опубликовал в Лохвице в 1919 году. Сегодня она доступна в Цифровой библиотеке историко-культурного наследия, будучи оцифрованной Национальной библиотекой Украины имени В. И. Вернадского⁹. Место хранения других опубликованных Слюниным в Лохвице брошюр, «*Червона просвіта*» и «*Під сонечком весняним: п'єса з шкільного життя на 3 дії: (По творам А. Тесленка)*», остается неизвестным^{10 11}. Впоследствии Павел Слюнин продолжил свою деятельность и опубликовал несколько заметок в украинском журнале «*Музыка*» в 1924 и 1925 годы, после чего его следы теряются¹². В одном из фондов Государственного архива Курской области с личными делами безработных с крайними датами 1924-1930 гг. есть дело некоего Павла Ивановича Слюнина, и можно надеяться, что речь в нем идет именно о нужном нам Слюнине, однако, у нас нет возможности ознакомиться с этим делом¹³.

Обращает на себя внимание, что рефреном украиноязычных газетных публикаций Павла Слюнина, которые мы приводим ниже, является его беспокойство в связи с потерей жителями Томаровки своей украинской идентичности, а также в связи с их пьянством и невежеством. Мы едва ли можем сказать, что сельские жители Томаровки обладали той степенью национальной сознательности, которой от них ожидал

⁸ Там же

⁹ Слюнін-Стодоля, П. (1919). *Вінок на могилу рідному письменнику А. Тесленку*. <https://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0005150>

¹⁰ Дей, О. І. (1969). *Словник українських псевдонімів та криптонімів (XVI - XX ст.)* (с. 357, 532). Наукова думка. <https://irbis-nbuv.gov.ua/dlib/item/0001285>

¹¹ *Бібліографічний покажчик книжкових, періодичних і продовжуваних видань 1919–1920 рр., відсутніх у фонді Державного архіву друку*. (2011). [PDF]. Державна наукова установа «Книжкова палата України імені Івана Федорова». https://web.archive.org/web/20250212231402/http://www.ukrbook.net/DAD/Bibl_pok_lakun_1919-1920.pdf

¹² Шеремета, І. (2011). Дешифрування псевдонімів як аспект вивчення музичної культури (за матеріалами журналу *Музыка* 1920-х років). *Студії мистецтвознавчі*, (3), 49–59.

¹³ ОАКО. Ф. Р-378. «Кассы социального страхования Курской губернии и округов (объединенный фонд)». Оп. 4. «Личные дела безработных (1924-1930 гг.)». Д. 395.

Павел Слюнин. Мы считаем продуктивным рассматривать тексты Слюнина в перспективе национальной «мечты», возникающей в результате работы воображения, которое является неотъемлемой составляющей национализма¹⁴. Французский историк Себастьян Карни уже продемонстрировал, в какой степени концепция «мечты» (*rêve*) может быть полезна при осмыслении личных траекторий бретонских националистов периода между двумя мировыми войнами¹⁵. Мы полагаем, что эта объяснительная модель применима и к описанию феномена Павла Слюнина, а также других деятелей национального украинского движения Восточной Слобожанщины.

Наконец, своеобразным послесловием к этой подборке источников является последний опубликованный в этой части документ — протокол общего собрания жителей Томаровской волости от 4 апреля 1920 года, сопровождаемый сотнями подписей, часто неразборчивых, список которых мы не решились привести целиком. На этом собрании жители призвали ходатайствовать о присоединении Томаровской волости к Украинской Советской Социалистической Республике.

Павел Слюнин уехал из Томаровки в конце 1918 года, то есть всего за полтора года до этого собрания. За прошедшее с момента его отъезда короткое время томаровцы стали значительно более чувствительны к своей украинской идентичности. Остается открытым вопрос: как так получилось?

¹⁴ Андерсон, Б. (2016). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* (С. П. Баньковская, Ред. и Пер.). Кучково поле.

¹⁵ Carney, S. (2015). *Breiz Atao! Mordrel, Delaporte, Lainé, Fouéré une mystique nationale, 1901-1948*. Presses universitaires de Rennes.

I. Об отсутствии средств для бедных учащихся в с. Томаровка при наличии средств на строительство памятника Александру II

По России. Сл. Томаровка, Белгородск. уезда. *От нашего корреспондента.*

Недавно здесь происходил волостной сход, сопровождавшийся немалым шумом. Выбрали нового старшину и нового попечителя богадельни; наконец, решили и давно жданный и всеми сильно желанный вопрос, что делать со своим больным местом — земской школой, стоящей «возле речки возле мосту». Много лет стоит это здание для школы в ужасном виде, служа постоянным упреком несправедливости томаровских воротил. Не раз уже и писали, и говорили об этой школе, и только теперь решили перенести школу на другое место и переделать в земскую, женскую, нужда в которой просто невероятная, а на месте, теперь занятом этой школой, поставить памятник Царю-Освободителю. Решение на постановку памятника уже получено, и вопрос только во времени да в энергии и настойчивости самих томаровцев.

Большой спор возбудил вопрос о том, какой ставить памятник: бюст или во весь рост. Земский начальник настаивал, что лучше бюст, мотивируя это тем, что дешевле обойдется; но все единогласно и решительно заявили, чтобы фигура Царя-Освободителя была во весь его рост; тем это легче, что для томаровцев вопрос о средствах вовсе не затруднителен. Общество обладает наличностью в несколько десятков тысяч, и кроме того, все изъявили желание, сколько бы ни понадобилось, покрыть расходы добровольной подпиской.

Одно только «Общество помощи бедным ученикам Томаровки» все еще не может пробудиться от долговременной летаргии, а помощь его ой как нужна ученикам!.. Нужда школьников особенно сказалась, когда взяты были кормильцы семей на войну*.

* Речь идет о русско-японской войне 1904-1905 годов.

ЮК. 1905. Пятница. 25 марта (7 апреля). №8402. С. 6.

II. П. И. Слюнин-Стодоля в с. Томаровке и запрет торговли спиртными напитками в 1906 г.

По России. Сл. Томаровка. (*От нашего корреспондента*).

В то время, когда Государственная дума проявляла особенно сильно свою деятельность в разрешении аграрного вопроса, туда был послан в качестве ходока П. И. Слюнин, которого население снабдило известными полномочиями.

По приезде в Петербург г. Слюнин некоторое время находился в квартире члена Государственной думы от Грайворонского уезда Курской губернии М. Д. Кутоманова и, кроме того, работал в типографии газеты «Мысль», издававшейся под редакцией члена Государственной думы от той Курской же губернии г. Соломко¹⁶ ¹⁷. После «разгона» Государственной думы г. Слюнин исчез неизвестно куда; оставшаяся дома его мать не имеет никаких известий от сына¹⁸.

13-го августа в слободе Томаровке был назначен волостной сход для производства выборов в землеустроительную комиссию. Сход этот уже третий, созывавшийся для одной и той же цели, но и он не дал *[результата — примеч. ред.]*. Так, два первые схода не состоялись. Не состоялся и третий сход за неявкой нескольких лиц, несмотря на разосланные участникам его повестки. Да если бы и состоялся, то результаты его оказались бы очень плачевны: присутствовавшие на волостном сходе выборные (хотя и без составления приговора, ввиду несостоявшегося схода, за отсутствием 4–5 недостающих выборов) единогласно постановили отказаться от уча-

¹⁶ Кутоманов Михаил Данилович (род. 29 ноября 1856, сл. Ракитная, Грайворонский уезд, Курская губ. – † 1925) — земский статистик, общественный деятель, журналист, член партии эсеров. Был избран депутатом I Государственной думы Российской империи от Курской губернии, входил в Трудовую группу, участвовал в комиссиях по проверке полномочий, подписал законопроекты о гражданском равенстве и неприкосновенности депутатов, поддержал Выборгское воззвание. См.: Кутоманов, Михаил Данилович. (16 июля 2025). *Википедия, свободная энциклопедия*. Загружено 11 августа 2025 с <https://ru.wikipedia.org/?curid=4095225/&oldid=146483535>

¹⁷ Соломко Илларион Егорович (род. 1873, с. Кондратовка, Суджанский уезд, Курская губ. – † не позднее 1916) — крестьянин-штундист, депутат I Государственной думы от Курской губернии, входил в Трудовую группу. В мае 1906 года был объявлен редактором легальной эсеровской газеты «Мысль» (фактически, был фиктивным редактором, а настоящим редактором являлся В. М. Чернов). См.: Соломко, Илларион Егорович. (16 июля 2025). *Википедия, свободная энциклопедия*. Загружено 11 августа 2025 с <https://ru.wikipedia.org/?curid=4164055/&oldid=146499040>

¹⁸ Государственная дума Российской империи I созыва начала свою работу 10 мая 1906 г., а уже 22 июля 1906 г. была распущена по указу императора Николая II.

ствия в землеустроительной комиссии ввиду того, что народные представители разогнаны и что земельный вопрос должен быть решен Государственной думой.

Состоявшийся в сл. Томаровке два месяца назад приговор общества об изгнании из слободы торговли всякого рода спиртными напитками: водкой, вином, водочными изделиями, пивом, всеми жителями слободы Томаровки исполняется аккуратно, и результаты этого постановления сказываются очень рельефно для жителей Томаровки: так, дни базарной торговли проходят тихо, спокойно, тогда как прежде, ввиду громадного стечения народа и «при благосклонном участии» монополюшки, почти постоянно происходили драки, скандалы¹⁹.

Настроение соседней слободы Борисовки (Грайворонского уезда) тревожное.

ЮК. 1906. Воскресенье. 27 августа (2 сентября). №8875. С. 5.

III. Эмиграция священника с. Томаровка Иоанна Слюнина в Северную Америку

Слобода ТОМАРОВКА, Белгородск. у.

16-го августа выехал в Северную Америку священник Михайловской церкви о. Иоанн Слюнин²⁰. Тяжелое было про-

¹⁹ Здесь и далее под «монополюшкой» или «монополией» подразумеваются казенные винные лавки. В 1894 г. В Российской империи по инициативе С. Ю. Витте был издан закон о винной монополии. Монополия фактически перестала действовать в 1914 г. после запрета на продажу алкоголя в период мобилизации и войны. См.: Суменкова, М. В. (2006). Винная монополия. В *Большая российская энциклопедия* (Т. 5). https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1914910

²⁰ Благодаря ведомостям пассажиров, прибывших на остров Эллис в США, мы знаем, что священник Иван Слюнин, которому на момент отъезда было 38 лет, добрался до США в сентябре 1907 г. вместе со своей семьей (женой Марией и двумя дочерьми — Марией и Ольгой), отправившись туда на пароходе «Москва» из города Лиеная. В номинативном списке прибывших он указал Марию Слюнину из Томаровки как свой контакт в России, а в другом списке указал себя как священника, что позволяет однозначно связать информацию, содержащуюся в этих источниках, с ним. Отметим, что в описи личных бумаг якутского эмигранта Михаила Зиновьевича Винокурова, хранящихся в Alaska State Library, присутствует дневник дочери Ивана Слюнина, Ольги Слюниной, написанный в Нью-Йорке в 1910-1911 гг. В США Слюнин был известен как *Father John Slunin*. В сентябре 1920 г. Иоанн Слюнин был направлен в г. Варна в Болгарии. См.: “New York, Passenger Arrival Lists (Ellis Island), 1892-1925”, *FamilySearch* (<https://www.familysearch.org/ark:/61903/1:1:JXGM-YQ9> : Sun Aug 31 21:59:26 UTC 2025), Entry for Fivan Slunin and Mrs Maria Slunin, 19 September 1907. А ТАКЖЕ: “New York, Passenger Arrival Lists

щение крестьян со своим дорогим «батьюшкою». В день отъезда церковь наполнилась народом и, когда появился о. Иоанн, раздались рыдания: рыдал народ, рыдали сослуживцы, не говоря уже о родных и родственниках. За небольшое время о. Иоанн приобрел себе всеобщую любовь. Никогда он не позволял вымогать за требы, отдавая, наоборот, последнее бедноте. Отзывчивый на все светлое, не жалея себя, неутомимо боролся с народным невежеством.

На «крамольного» священника сыпались доносы²¹. О. Слюнин попал «под надзор». Нравственная мука, тяжелая нужда, в конце концов, вынудили о. Иоанна покинуть родное гнездо и с слабым здоровьем искать за морем другой жизни.

УТХ. 1907. Четверг. 23 августа. №220. С. 4.

IV. Украинские спектакли в с. Мирополье Суджанского уезда и с. Томаровка в постановке П. И. Слюнина-Стодоли

♦ Перевод на русский язык

С Курщины. УКРАИНСКИЕ СПЕКТАКЛИ. 20 июля в с. Мирополье Суджанского уезда * кружок драматических любителей устроил украинский спектакль. Ставили «Мартина Борулю» Карпенко-Карого и «С ревизией» Кропивницкого под

* Сегодня село
в Сумском р-не
Сумской обл.
в Украине

(Ellis Island), 1892-1925", *FamilySearch* (<https://www.familysearch.org/ark:/61903/1:1:JJGW-Y3P> : Sun Aug 31 21:44:09 UTC 2025), Entry for Iwan Slunin and Iwan Limorow, 22 September 1911. А ТАКЖЕ: "Michael Z. Vinokouff Papers, 1764-1984. MS 81. Box 16 Documents and writings by various authors. Folder 10 Diary of Olga Slunin (New York City). 1911-1912. In Russian and English", *Alaska State Library : Historical Collections* (<https://library.alaska.gov/documents/hist/vinokouff-michael.pdf> : A profile and inventory published in 1986, edited by Louise Martin, Ph.D.). А ТАКЖЕ: Кострюков, А. А. (2015). *Русская Зарубежная Церковь в 1939-1964 гг.: Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве* (с. 22-23). Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

²¹ Проживая в Томаровке, священник Иоанн Слюнин, по-видимому, идейно сблизился с движением за обновление церкви, появившимся в 1905 г. и известным под именем «Братства церковного обновления», о чем свидетельствует публикация Иоанна Слюнина в «Курских епархиальных ведомостях», датируемая 1905 г. См.: Тарасов, В. Е. (2023). Предпосылки появления идей обновленческого движения в предреволюционные годы в России. *Вестник государственного и муниципального управления*, 12(3), 124-133.

руководством действительного члена драматического студенческого Дерптского кружка Павла Слюнина^{22 23}. Украинские спектакли очень нужны для Мирополья, где до 20 тысяч населения, говорящего по-украински. Но, к великому сожалению, забывается родной язык, и только после украинских спектаклей вспоминают об украинстве.

15 августа в сл. Томаровке Белгородского уезда под руководством того же г. Слюнина будет снова поставлен «Мартин Боруля» в пользу народной библиотеки.

(От собствен. корр.)

РК. 1909. Суббота. 8 (21) августа. №178. С. 2.

♦ Оригінал українською мовою

З Курщини. УКРАЇНСЬКІ СПЕКТАКЛІ. 20 іюля в с. Мирополлі Суджанського пов., гурток драматичних аматорів улаштував український спектакль. Ставили «Мартина Борулю» Карпенка-Карого та «По ревизії» Кропивницького під орудою дійсного члена драматичного студентського Дорпатського гуртка Павла Слюнина. Українські спектаклі дуже потрібні для Мирополля, де до 20-ти тисяч людности, що балакає по українському. Ну великий жаль забувається рідна мова і тільки після українських спектаклів згадують про українство.

15 августа в сл. Томарівці Білгородського пов. під орудою того самого д. Слюнина буде знов поставлено «Мартина Борулю» на користь народньої бібліотеки.

(Од власн. кор.)

РК. 1909. Субота. 8 (21) серпня. №178. С. 2.

²² Карпенко-Карый Иван Карпович (наст. фам. Тобилевич, род. 1845 – † 1907) — выдающийся украинский драматург, актер и режиссер, один из основателей нового украинского театра, автор 18 оригинальных пьес, включая трагикомедию «Мартин Боруля» (1886). См.: Мороз, Л. З. (2024). Карпенко-Карый Иван (Вперше опубліковано 2012). В *ЕСУ* (Т. 12). <https://esu.com.ua/article-10051>

²³ Кропивницький Марк Лукич (род. 1840 – † 1910) — выдающийся украинский драматург, актер и режиссер, основатель театра корифеев, автор около 40 пьес, включая «С ревизией» (1882). Его творчество заложило основы современной украинской сцены. См.: Кропивницький, Марк Лукич. (21 июля 2025). *Википедия, свободная энциклопедия*. Загружено 12 августа 2025 с <https://ru.wikipedia.org/?curid=86257/&oldid=147065777>

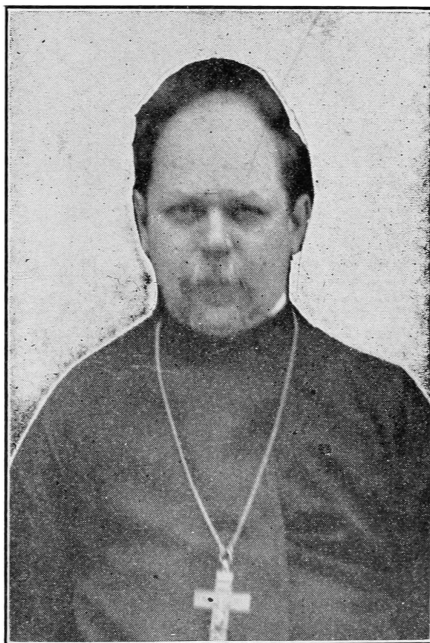

Рис. 1: Священник Иоанн Слюнин в 1920-е годы.
Предположительно — отец Павла Слюнина²⁴

У. О потребности крестьян с. Томаровка в украинских книгах

♦ Перевод на русский язык

КУРЩИНА. Северная часть Курской губернии полностью заселена московским населением. Это уезды, которые граничат с Орловской и Воронежской губерниями, но юго-западная часть Курщины, примыкающая к Харьковской, Полтавской, Черниговской губерниям, с уездами Белгородским, Грайворонским, Суджанским, Путивльским, Рыльским, Корочанским и Старооскольским, имеет до 300 тысяч украинцев.

Украинским культурно-просветительным обществам следует обратить внимание на то беспомощное положение, в котором находится украинское население Курщины, лишенное научных обществ и деятелей.

Часто окруженные москвичами украинцы постепенно теряют свое родное, русеют, становятся перевертышами.

²⁴ Dudikoff, J. F. (1924). *Beasts in Cassocks: The Crimes of the Heads of the Russian Greek Catholic Orthodox Church in America* (p. 15). Nurkin Press.

Правда, в последние годы в таких городах, как Курск и Белгород, создаются «кружки украинцев», но это лишь мелкие кружки без системы, без определенной задачи. Это «любители», а не деятели, и вся их любовь к своему родному проявляется в том, что соберутся, поболтают, погрустят, попоют — и... снова разойдутся. И никакого оздоровительного влияния эти кружки на население не оказывают. Они случайны и временны. Здесь есть большие слободы, как Томаровка Белгородского уезда (16 тысяч жителей, она же станция Белгород Сумской железной дороги), Борисовка Грайворонского уезда (24 тысячи). Население здесь украинское — и язык, и песни, и обычаи, лишь одежда, ввиду близости города и московских сел, представляет собой смесь украинского с московским.

Не раз приходилось наблюдать вот что: ставят любители какую-нибудь московскую пьесу — и крестьяне идут смотреть без особого желания: «то барское!..» Зато с какой охотой они идут на украинские пьесы! Там каждое слово, каждое движение — понятны. Благодаря «Обществу украинских студентов в Дерпте», прошлым летом автор этого письма имел возможность привезти в Томаровку несколько экземпляров полного «Кобзаря» и «Истории» Аркаса; и стоило только одному их приобрести, как все привезенные украинские книги были тут же расхвачены^{25 26}. Если бы были дешевые издания таких произведений, они расходились бы быстро, а 1 р. 50 к. заплатить далеко не каждому крестьянину по силам. Многие слобожане высказывали желание иметь обе эти книги — но «жаль — это для нас дорого!» Через некоторое время уже можно было заметить влияние украинских книг. Песни пели из «Кобзаря». «Вот спасибо — теперь и у нас есть слова, а то песни чудесные, а слов не знали», — говорили крестьяне. Сходились на лугах, и кто-нибудь читал вслух. Новыми книгами

²⁵ «Кобзарь» — сборник поэтических произведений Тараса Шевченко, впервые изданный в 1840 году в Санкт-Петербурге с восемью стихотворениями, обозначивший новый этап в развитии украинской литературы. Впоследствии название «Кобзарь» закрепилось за большинством изданий поэтических произведений Шевченко, включая как прижизненные (1844, 1860), так и посмертные. См.: Бородин, В. С. (2013). Кобзар. В *ЕСУ* (Т. 13). <https://esu.com.ua/article-8810>

²⁶ Аркас Николай Николаевич (род. 1853 — † 1909) — украинский композитор-любитель, меценат и историк-любитель, автор первой оперы на сюжет Т. Шевченко «Катерина» (1891). Его научно-популярная «История Украины-Руси» (1908), первая иллюстрированная книга по истории Украины на украинском языке, получила широкую популярность, несмотря на критику М. Грушевского, и многократно переиздавалась. См.: Ульяновский, В. И. (2001). Аркас Микола Миколайович. В *ЕСУ* (Т. 1). <https://esu.com.ua/article-43245>

заинтересовались учителя, батюшки. В Томаровке 2 школы: земская и образцовая министерская, а этой весной открыли третью, думают основать народный дом со сценой и залом для популярных лекций. Таким образом, только случайно Томаровка впервые увидела полный «Кобзарь» и «Историю» Аркаса, а о том, что существуют украинские газеты, там все не знали. Неужели невозможно оказывать не случайную, а планомерную культурную помощь украинскому населению на Курщине? Здесь нужна украинская книга.

РК. 1909. Четверг. 10 (23) сентября. №204. С. 4.

♦ Оригінал українською мовою

КУРЩИНА. Північна частина курської губернії цілком заселена московською людністю. Це повіти, котрі межують з орловською та вороніжською губерніями, але південно-західна частина Курщини, прилегла до харківської, полтавської, чернігівської губернії з повітами білгородським, гравіворонським, суджанським, путивльським, рильським, корочанським та старо-оскольським, має до 300 тисяч українців.

Слід українським культурно-просвітним товариствам звернути увагу на ту безпомічність, в якій знаходиться українська людність на Курщині, позбавлена наукових товариств і діячів.

Часто оточені московщиною українці поволі втрачають своє рідне, обмосковлюються, стають перевертнями. Правда, останніми роками засновуються в таких городах, як Курськ та Білгород «гуртки українців», але це лиш дрібні гуртки без системи, без певного завдання. Це «аматори», а не діячі, і вся їхня любов до свого рідного виявляється в тому, що зійдуться, побалакають, посумують, поспівають і... знов розійдуться. І ніякого цілющого впливу гуртки на людність не роблять. Вони випадкові і тимчасові. Єсть тут величезні слободи, як Томарівка, білгородського повіту (16 тисяч, вона-ж станція Білгород Сумської залізниці), Борисівка, гравіворонського повіту (24 тисячі). Людність тут українська: і мова, і пісні, звичаї, лиш одіж, бо близько город і московські села, уявляє з себе мішанину українського з московським.

Не раз приходится бачити таке. Ставлять аматори якусь московську пієсу і селяне не з охотою йдуть дивитись; «то панське!...» За те з якою охотою йдуть вони на пієси українські! Там кожне слово, кожний рух — зрозумілі. Дякуючи «Товариству студентів українців у Дорпаті», минулим літом автор цього допису мав нагоду привезти в Томарівку

скільки примірників повного «Кобзаря» і «Історії» Аркаса; і от треба було тільки одному придбати їх, як всі українські книжки привезені були розхванані. Як би були дешеві видання таких творів, вони розходились би хутко, а 1 р. 50 к. заплатити далеко не всякому селянинові під силу. Багато слобожан висловлювали бажання мати і ту й другу книжку — та «жаль — це для нас дорого!» Через де-який час вже можливо було спостерігти вплив українських книжок. Пісні співали з «Кобзаря». «От спасибі — тепер і у нас є слова, а то пісні чудові, а слів не знали», говорили селяне. Сходилися на левадах і хто-небудь читав голосно. Зацікавились новими книжками вчителі, батьюшки. В Томарівці 2 школи: земська і зразкова міністерська, а цеї весни відкрили третю, думають заснувати народній дім з сценою і залемою для популярних лекцій. Таким способом тільки випадково Томарівка уперше побачила повного «Кобзаря» та «Історію» Аракаса, а що є українські газети, того зовсім там не знали. Невже неможливо подавати не випадкову, а планомірну культурну поміч українській людности на Курщині? Потрібна тут українська книжка.

РК. 1909. Четвер. 10 (23) вересня. №204. С. 4.

VI. Об отсутствии библиотеки в с. Томаровка, пьянстве местных жителей

♦ Перевод на русский язык

С. ТОМАРОВКА, Белгородского уезда (на Курщине). Самая большая слобода в Белгородском уезде — это Томаровка. С одной стороны, она совсем похожа на город: три церкви, почта, телеграф, телефон, больница, аптека, земская и образцовая министерская школы, много лавок, каменных домов, станция Белгород Сумской железной дороги; но с другой — это медвежий угол. На 15 тысяч крестьян нет самого главного — духовной пищи, библиотеки; не хватает школ, и из-за этого люди живут как в болоте. Голодные до образования и лишённые его, они тратят свое свободное время на водку. Пьют деды, бабы, парни, девушки, простые крестьяне, батьюшки, учителя. В слободе две «монопольки», и люди одурманиваются, переставая быть людьми.

Культурно-просветительных развлечений никаких. Раз или два за целый год любители поставят какую-нибудь пьесу,

и все. Очень трудно ставить спектакли в Томаровке, потому что нет сцены.

Более года, как томаровское «Общество помощи ученикам» добивается открыть библиотеку, но начальство не спешит. Да, видимо, и не очень одобряет желание общества. Отослали устав, выбрали распорядителя, а он — «неблагонадежен». Теперь ищи другого. И остается томаровцам одно утешение, которое никто не запрещает, — это монополия.

РК. 1909. Пятница. 13 (26) ноября. №257. С. 4.

♦ Оригінал українською мовою

С. ТОМАРІВКА, Білгородського повіту (на Курщині). Сама найбільша слобода у Білгородському повіті — це Томарівка. З одного боку зовсім схожа вона на город: три церкви, пошта, телеграф, телефон, лікарня, аптека, земська та зразкова міністерська школи, багато крамниць, кам'яних будинків, станція Білгород Сумської залізниці, але з другого — це медвіжий куток. На 15 тисяч селян нема самого найголовнішого, духовної страви — бібліотеки, не достає шкіл, і через те люди живуть, як у багні. Голодні що до освіти і позбавлені її вони свій гулящий час тратають на горілку. П'ють діди, баби, хлопці, дівчата, прості селяне, батюшки, вчителі. В слободі дві монополії, і одурманюються люди, і перестають бути людьми.

Культурно-просвітних утіх ніяких. Раз або двічі за цілий рік постановляють аматори яку-небудь п'єсу, та й годі. Дуже тяжко виставлять у Томарівці, бо нема сцени.

Більше року, як томарівське «Товариство заемоги учням» добивається відкрити бібліотеку, але начальство не поспіша. Та, мабуть, і не дуже ухвалює бажання товариства. Одіслали устава, вибрали распорядчика, він «неблагонадежный». Тепер шукай другого. І зостається томарівцям одна утіха, котрої ніхто не забороняє — це монополія.

РК. 1909. П'ятниця. 13 (26) листопада. №257. С. 4.

VII. О препятствовании открытию украинской читальни в с. Томаровка, тяжелом положении украинского просвещения в селе, роли «перевертней»

♦ Перевод на русский язык

Сл. ТОМАРОВКА, Белгородского уезда (в Курской губернии). *Без просвета*. Грустно, тяжело в нашей слободе. Пьянство, невежество, бесправие господствуют над крестьянами, особенно среди молодежи. Некуда в свободный от работы час деть молодую силу, энергию, нет просвещения — только «монополья» да «ресторации», что десятками раскинулись, как паучьи гнезда по слободе, не говоря уже о тайных кабаках на каждой улице. Целых пять в слободе батюшек — «пастырей душ», но им до темных крестьянских душ дела нет. Сколько лет уже крестьяне добиваются, хлопчут, просят открыть читальню-книжную лавку, а начальство запрещает. И никто не заступится за окутанных тьмой крестьян! Некому. Много грамотных в слободе, но читать нечего, потому что негде взять. Из украинских газет приходят только «Рада», «Засев» и «Литературно-Научный Вестник» — и больше ничего на 15 тысяч жителей²⁷.

Была мысль устроить юбилейный праздник в честь Тараса, но до сих пор ничего не слышно; надежда только на молодежь, которая летом возвращается с университетских мест — может, хоть она вспомнит великана Украины, его завет: «своего не чуждаться», не чуждаться родного языка, который в Томаровке сильно портят сторонники «расейского». Издеваются над родным языком в школе, запрещают спектакли, издеваются над всем родным... и не только враги, но

²⁷ «Литературно-научный вестник» («ЛНВ») — украинский литературно-научный и общественно-политический ежемесячный журнал, основанный в 1898 г. по инициативе М. Грушевского (редактор до 1912 г.). Выходил во Львове (1898–1906, 1922–32) и Киеве (1907–14, 1917–19), издавался Научным обществом им. Шевченко. Фактическим редактором журнала в первый львовский период был И. Франко, привлечший к сотрудничеству ведущих писателей со всей Украины — Лесю Украинку, В. Стефаника, В. Винниченко и мн. др. В 1920 г. журнал был закрыт большевистской властью; возобновлен в 1922 г. во Львове под редакцией Д. Донцова, однако в июле 1932 г. прекратил выходить окончательно. См.: Бартко, О. А. (2016). Літературно-науковий вістник. В *ЕСУ* (Т. 17). <https://esu.com.ua/article-55809>

и свои «перевертни», которые рвутся в господа, а таких тут немало. И эта небольшая, но честная компания приучает молодежь к «лиссабонскому» *, разбавленному водой, к водке, к картам. «Пей, ребята! Лучше хороший трактир, чем какая-то там читальня!»

РК. 1911. Суббота. 28 мая (10 июня). №120. С. 3.

* Дешевое вино.

♦ Оригінал українською мовою

Сл. ТОМАРІВКА, Білгородського повіту (на Курщині). *Без просвітку*. Сумно, тяжко в нашій слободі. Піяцтво, темнота, безправ'є панують над селянами, особливо серед молоді. Нема куди у вільну од праці годину подіти молоду силу, енергію, нема просвіти, тільки «монополія» та «ресторації», що десятками пороскинулись, як павучі гнізда по слободі, не кажучи вже про потайні шинки на кожній вулиці. Цілих п'ять у слободі батюшок «пастирів душ», але їм про темні селянські душі байдуже. Скільки вже років як селяне добиваються, клопочуться, просять відкрити читальню-книгарню, а начальство забороняє. І ніхто не заступиться за окутих темрявою селян! Нема кому. Багато грамотних у слободі, але читати нічого, бо ніде взяти. З українських часописів приходять «Рада», «Засів» і «Літературно-Науковий Вістник» та й більш нічого на 15 тисяч людности.

Була думка упорядкувати ювілейне Тарасове свято, та й досі не чуті; надія тільки на молодь, котра літом збирається з університетських країн, — може вона хоч згадає велетня України, його заповіт: «свого не цураться», не цураться рідної мови, котра дуже псується в Томарівці прихильниками «расейскаго». Знущують рідну мову в школі, забороняють вистави, глузують над усім рідним... і не тільки вороги, а свої «перевертні», що пнуться в пани, а таких тут не мало. І ця невеличка, але чесна кумпанія приохочує молодь до «лиссабонського» розбовтаного водою, до горілки, карт. «Пей ребята! Лучше хороший трактир, чем какая-то там читальня!»

РК. 1911. Субота. 28 мая (10 червня). №120. С. 3.

VIII. П. И. Слюнин-Стодоля как собиратель фольклора на Курщине

♦ Перевод на русский язык

В Научное общество Т. Г. Шевченко в Киеве присланы этнографические материалы студента дерптского ун-та П. И. Слюнина, записанные по поручению академии в Курщине²⁸. Материал интересен тем, что доказывает, что украинский язык при тяжелых условиях для своего развития все же мало поддавался «обрусению». В сборник вошли щедровки, колядки, загадки, заговоры, песни, сказки и др.

РК. 1911. Вторник. 18 (31) октября. №234. С. 4.

♦ Оригінал українською мовою

В Наукове товариство Т. Г. Шевченка у Києві надіслані етнографічні матеріали студента дорпатського ун-ту П. І. Слюніна, записані по дорученню академії на Курщині. Матеріал цікавий тим, що доказує, як українська мова при тяжких умовах для свого розвитку все ж мало піддалась «обрусенію». У збірник увійшли щедрівки, колядки, загадки, заговори, пісні, казки та инш.

РК. 1911. Вівторок. 18 (31) жовтня. №234. С. 4.

IX. О безразличии жителей с. Томаровка

♦ Перевод на русский язык

ТОМАРОВКА, Белгородского уезда (Курщина). Томаровка занимает первое место в уезде: первое — по своей огромности, первое — по пьянству, потому что в других слободах нет больше нигде столько шинков*, «ресторанов», «монополий» и всякой иной дряни; первое — по темноте, потому что слобода, имея телефоны, телеграф, аптекарские и винные лавки... не имеет библиотеки, читальни; первое — по страшным пожа-

* Шинок — небольшое питейное заведение

²⁸ Научное общество имени Шевченко (НТШ), основанное в 1873 г. Во Львове как литературное общество, в 1892 г. стало академией наук, достигнув расцвета под руководством Михаила Грушевского (1897–1916). Активно издавало научные труды, включая «Записки НТШ». Пострадало во время Первой мировой войны. Разгромлено советской властью в 1940 г. Общество продолжило работу в эмиграции. С 1989 г. — вновь в Украине. См.: Фелонюк, А. В. (2020). Наукове товариство імені Шевченка. В *ЕСУ* (Т. 22). <https://esu.com.ua/article-70776>

рам, которые в течение каких-нибудь 10–15 лет совсем уничтожат слободу. Первое и по той безразличности к общим интересам, которая царит среди граждан и так называемой интеллигенции, учителей (8), батюшек (5), врача, провизора, почтовых, станционных чиновников и т. д. Все они хорошо знают про жалованье, а что до того печального положения слободы, то тут сразу — «моя хата с краю». Есть много кулаков.

Только студенческая молодежь поддерживает интерес к общим делам, но за последние годы и она что-то охладела, потому что нет старых руководителей, которые своей культурной деятельностью подбадривали молодежь и показывали, каким путем идти, чтобы не дать погибнуть родным крестьянам от темноты и пьянства, а родному слову — от «обрусения»...

РК. 1913. Четверг. 21 февраля (6 марта). №43. С. 4.

♦ Оригінал українською мовою

ТОМАРІВКА, білгородського повіту (Курщина). Томарівка займає перше місце у повіті: перше по своїй величезности, перше по п'яцтву, бо по других слободах нема більш ніде стільки шинків, «ресторацій», «монополій», і всякої иншої погані; перше по темноті, бо слобода, маючи телефони, телеграф, аптекарські та винні крамниці... не має бібліотеки, читальні; перше по страшеним пожежам, котрі на протязі яких-небудь 10-15 років геть знищують слободу. Перше і по тій байдужости до загальних інтересів, котра панує серед громадянства, та так званої інтелігенції, вчителів (8), батюшок (5), лікаря, провизора, почтовых, станційних чиновників і т. и. Всі вони добре знають про жалування, що ж до того сумного становища слободи, то тут зараз «моя хата с краю». Єсть сила глитаїв.

Тільки студентська молодь піддержує цікавість до загальних інтересів, але за останні роки і вона щось охолонула, бо немає старих керманичів, котрі своєю культурною діяльністю підбадьорювали молодь і показували, яким шляхом прямувати, щоб не дати загинути рідним селянам від темноти і п'яцтва, а рідному слову від «обрусіння»...

РК. 1913. Четвер. 21 лютого (6 березня). №43. С. 4.

Х. Об участии Павла Слюнина в студенческой жизни в Тарту

♦ Перевод на русский язык

ДОРПАТ (ЮРЬЕВ). ОБЩЕСТВО СТУДЕНТОВ-УКРАИНЦЕВ. 23 февраля совет общества устроил вечер в немецком театре Бюргермуссе — малом зале. Вечер состоял из 2 частей: I. вокально-музыкальная с участием членов совета Базилевича (скрипка), мелодекламация («Тополя» Т. Г. Шевченко), Овчарова — дуэт скрипки с виолончелью, на которой играл член общества Богомазов.

В целом, музыкальная часть была исполнена собственными силами, и только для вокальных номеров пришлось просить россиянина, так как свой отказался... Во второй части — комедия Старицкого «Как колбаса да чарка» под руководством члена совета П. Слюнина, при участии г-жи: Л. Головащенко, О. Мальваной; г-д: Жученко, Трутня, П. Слюнина, С. Чернявского, Бондарева и Суховия²⁹.

Постановка была сделана наспех, однако прошла хорошо, живо и без ошибок; слушателям понравилась.

На сцене пели украинские песни; к сожалению, при обществе нет собственного сплочённого хора, который так необходим для вечеров общества. К недостаткам вечера следует отметить, что хотя в зале и был украинский киоск, в нём сидели *[барышни]*, совершенно чуждые украинству..., а ведь были же и свои девушки...

Дохода с вечера получено более 80 рублей, и теперь общество выбралось из долгов. Следует отметить, что этот вечер был устроен по инициативе и предложению П. Слюнина, который на свой риск взялся за его организацию.

10 марта общество отмечает Тарасов праздник, а 31-го совет намерен устроить вечер памяти М. Лысенко.

РК. 1913. Пятница. 8 марта (21 марта). №56. С. 2.

²⁹ Старицкий Михаил Петрович (род. 1840 – † 1904) — украинский писатель, драматург и театральный деятель, родился в с. Клешицы Полтавской губ. С 1864 г. Выступал в театральных кружках, в 1882 г. организовал первую украинскую профессиональную театральную труппу с М. Кропивницким, писал пьесы и исторические романы. Издавал литературный альманах «Рада» (1883–1884). Ввел в украинский язык ряд новых слов, таких как «мрія» и «майбутнє». См.: Старицкий, Михаил Петрович. (09 октября 2024). *Википедия, свободная энциклопедия*. Загружено 12 августа 2025 с <https://ru.wikipedia.org/?curid=2025595/&oldid=140669417>

Дорпат (Юрьєв). Товариство студентів українців. 23-го лютого рада т-ва улаштувала вечір в німецькому театрі Бюргермуссе — малому залі. Вечір складався з 2-х частин: І. вокально-музична з участю членів ради Базілевича (скрипка), мелодекламація — (Тополя — Т. Г. Шевченка), Овчарова — дует скрипки з віолончеллю, на котрій грав член т-ва Богомазов.

Взагалі музична частина виконана була власними силами і тільки на вокальні нумері прийшлося прохати росіянина, бо свій одмовився... В другій частині — комедія Старицького «Як ковбаса та чарка» під орудою члена ради П. Слюніна, при участі д-ки: Л. Головащенко, О. Мальованої; д-ка: Жуценка, Трутня, П. Слюніна, С. Чорнявського, Бондарева і Суховія.

Виставу зроблено на швидку руку, але пройшла вона гарно, жваво і без помилок; слухачам вподобалась.

На сцені співали українських пісень; на жаль при т-ві немає власного згуртованого хору, котрий є такий необхідний для вечорів т-ва. До дефектів вечора треба зазначити, що хоч в залі й був український кіоск, але в ньому сиділи д-ки, котрі українству зовсім чужі..., а були ж і свої дівчата...

Прибутку з вечора одержано більш 80 карб. і тепер т-во вискочило з боргів. Треба зазначити, що вечір цей зроблено з ініціативи і пропозиції П. Слюніна, котрий на свій риск брався за його улаштування.

10-го марта т-во справляє Тарасове свято, а 31-го рада думає улаштувати вечір пам'яті М. Лисенка.

РК. 1913. П'ятниця. 8 березня (21 березня). №56. С. 2.

ХІ. О провале сбора помощи солдатам в Томаровке

Несмотря на внешнюю культурность Томаровки, она не проявила интенсивности в деле помощи семьям запасных, как того можно было ожидать от коммерсантов-предпринимателей, коих в Томаровке, насчитывающей до 15 тысяч населения, не один десяток.

Правда, существует и в Томаровке попечительный комитет, собирающий и раздающий небольшие суммы солдатам.

Но своего, самостоятельного Томаровка пока ничего не придумала. Даже такого бесхитростного способа увеличить

сумму в пользу семей, призванных на войну, как день флагов, и того томаровцы не устроили. А ведь он в соседней слободе Борисовке дал сбору 1200 руб.

Пагубная привычка к водке настолько въелась, что отсутствие водки стало заменяться какою-то одурманивающей настойкой из грибка на крепком чае. На такую изобретательность следовало обратить бы внимание тем, кому вверена охрана общественной безопасности.

К большому сожалению, трезвая поневоле Томаровка все еще остается без духовной пищи, так кстати бы заменившей прежний разгул грамотного населения. Томаровка, при семи школах, не имеет даже грошевой библиотеки-читальни, и такое отсутствие рассадника послешкольного развития низводит Томаровку с ее школами-дворцами, телефонами, почтовой конторой, железнодорожной линией и другими признаками культурности на степень захолустья, медвежьего угла, болота...

УТХ. 1914. Четверг. 4 сентября. №2418. С. 7.

ХII. Украинские спектакли в постановке кружка молодежи с. Томаровка

♦ Перевод на русский язык

Слобода ТОМАРОВКА (в Курской губернии). Волна великого национального движения докатилась и до нашей Томаровки. Томаровка насчитывает около 18 тысяч жителей украинской национальности. У нас много и интеллигенции, но она вся полностью русифицирована. Только сейчас, с обретением свободы *, интеллигенция вспомнила «чьи мы дети» и начинает становиться на национальный путь. К сожалению, этот процесс идет очень вяло, так как не хватает вожаков, которые могли бы стать ферментом, превращающим инертную массу в творческую энергию.

28 мая в двухклассном училище у нас состоялся спектакль, устроенный кружком молодежи под руководством местного фельдшера Коноваленко; чистый доход от него

* Подразумевается
Февральская
революция 1917 г.

пошел в фонд Народного дома и на обновление декораций кружка. Ставили «Зимний вечер» Старицкого и «На первое гулянье» Васильченко³⁰. Все играли хорошо. Постановка имела и большой материальный успех.

Это был первый спектакль, устроенный исключительно местными силами. Надеемся, что он будет не последним.

НР. 1917. Пятница. 16 июня. №65. С. 4.

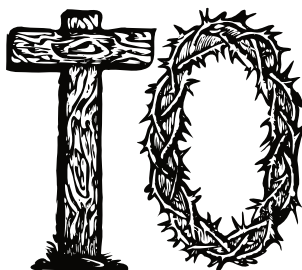
♦ Оригінал українською мовою

Сл. ТОМАРІВКА (на Курщині). Хвиля великого національного руху докотилась і до нашої Томарівки. Томарівка має біля 18 тисяч мешканців української національності. Багато у нас і інтелігенції, але вона вся чисто русифікована. Тільки зараз за волі інтелігенція згадала «чиї ми діти» і починає повертати на національний шлях. На жаль цей процес йде дуже мляво, бо бракує поводиторів, котрі б стали за фермент, перетворюючий інертну масу в творчу енергію.

28 травня у 2 класовій школі відбувся у нас спектакль, улаштований гуртком молоді на чолі з місцевим фершалом Коноваленком, чистий прибуток з якого пішов в фонд Народного дому і на поновлення декораций гуртка. Виставляли «Зімовий вечір» Старицького і «На перші гулі» Васильченка. Грали всі гарне. Вистава мала й великий матеріальний успіх.

Це перша вистава улаштована виключно місцевими силами. Сподіваємось, що вона буде не останньою.

НР. 1917. П'ятниця. 16 червня. №65. С. 4.

³⁰ Васильченко Степан Васильевич (род. 1879 – † 1932) — украинский писатель, педагог и переводчик, родился в г. Ичня Черниговской губ. В семье крестьянина-сапожника. Учительствовал на Киевщине и Полтавщине, писал рассказы и новеллы о жизни народных учителей и крестьян. См.: Васильченко, Степан Васильевич. (16 июля 2025). *Википедия, свободная энциклопедия*. Загружено 12 августа 2025 с <https://ru.wikipedia.org/?curid=2773151/&oldid=146379628>

ХІІІ. Об организации Общества «Просвита» П. И. Слюниным-Стодолей в с. Томаровка и трудностях с доступом к украинской литературе

♦ Перевод на русский язык

СЛОБОДА ТОМАРОВКА (КУРЩИНА). * Северная часть Курской губернии полностью заселена московским населением. Это уезды, которые граничат с Орловской и Воронежской губерниями, но юго-западная часть, примыкающая к Харьковской, Полтавской и Черниговской губерниям, с уездами Белгородским, Грайворонским, Суджанским, Путивльским, Рыльским, Корочанским и Старооскольским, насчитывает до 300 тысяч украинцев. Окруженные московщиной украинцы постепенно теряли свое родное и становились перевертнями. Нет ничего удивительного, ведь царизм выжил все, без чего украинское население утрачивает свое национальное лицо. Такая система довела наш народ до того, что он в некоторых местах и теперь боится своего родного и не знает, кто он и что нужно для его национального развития. Так было на Курщине, в том числе и в Томаровке, где проживает 20 тысяч человек. Но заря свободной жизни, ее луч, коснулись и таких обрусевших сел, как Томаровка. Она лишь ждала разумного живого слова, чтобы выйти на настоящий путь и приобщиться к родному, освобожденному краю. 6 октября, усилиями приехавшего сюда популярного деятеля и ссыльного в 1906 году Павла Слюнина-Стодоли, бывшего председателя Общества студентов-украинцев в Дерпте, Юрьеве-Лифляндском, была основана томаровская «Просвита». Председателем избран П. Слюнин-Стодоля. В «Просвиту» больше всего вступает молодежь. Общество имеет собственный хор, организует оркестр и готовится к большому празднику в честь Шевченко. К сожалению, «Просвита» пока имеет мало средств, чтобы содержать украинскую книжную лавку, и поэтому обращается ко всем украинским издательствам, книжным магазинам, редакциям институтов, обществам — помочь молодой «Просвите». Помощь тем более необходима, что на Курщине невозможно достать украинскую литературу. Адрес: Тома-

* Текст повторяет заметку 1909 г. В газете «Рада» (№204). Эта версия показывает, что трудности с доступом к украинской литературе сохранялись и в 1917 г.

ровка Белгородского уезда, Курщина, председателю «Просвиту» Слюнину-Стодоле.

НР. 1917. Воскресенье. 29 октября. №175. С. 4.

♦ Оригінал українською мовою

СЛОБОДА ТОМАРІВКА (КУРЩИНА). Північна частина Курської губернії цілком заселена московською людністю. Це повіти, котрі межують з Орловською, та Вороніжською губерніями, але південно-західна частина, що прилягає до Харківської, Полтавської, Чернігівської губерній з повітами Білгородським, Грайворонським, Суджанським, Путивльським, Рильським, Корочанським та Старо-Оскольським має до 300 тисяч українців. Оточені московщиною українці поволі втрачали своє рідне і ставали перевертнями. Не дивно, коли царат вишив все, без чого українська людність втрачала своє національне обличчя. Така система довела наш народ до того, що він по деяких місцях і тепер лякається свого рідного і не знає хто він і чого треба для його національного розвитку. Так було на Курщині і між иншим в Томарівці, котра налічує 20 тисяч. Але заря вільного життя, промінь її, торкнулися і таких обмосковлених сел, як Томарівка. Вона тільки дожидала розумного живого слова, щоб вийти на справжній шлях і прилучатись до рідного визволеного краю. 6-го жовтня заходами прибувшого сюди популярного діяча і засланця в 1906 році Павла Слюнина-Стодоли б. голова Товариства студентів-українців у Дорпаті Юр'їві-Ліфляндському засновано Томарівську Просвіту. Головою обрано П. Слюнина-Стодолу. До Просвіти більше вступає молоді. Просвіта має власний хор, організується оркестр і готується до великого Шевченківського свята. На жаль Просвіта має мало ще коштів, щоб мати українську книгарню і тому звертається до всіх українських видавництв, книгарень, редакцій інституцій, товариств допомогти молодій «Просвіті». Поміч тим більш необхідна, що на Курщині неможливо дістати української літератури. Адреса Томарівка, Білгородського повіту, Курщина, голові Просвіти Слюніну-Стодолі.

НР. 1917. Неділя. 29 жовтня. №175. С. 4.

XIV. Письмо П. И. Слюнина- Стодоли в Главную комиссию по выборам в Украинское Учредительное собрание, г. Киев. Декабрь 1917

♦ Перевод на русский язык

Курщина
Белгородский уезд
Томаровка
Председателю Народного управления
Павлу Ивановичу Слюнину-Стодоле

[надстр.: №477 22/XII]

Вел. Владимирская ул., д. №33
Губернская управа.

Комиссия по выборам в Учредительное собрание Украинской Республики

Будьте любезны сообщить, как быть в следующем положении: наша огромная слобода Томаровка на Курщине с 20 тыс. украинского населения не *[прикреплена?]* к Украинской Республике, а между тем хотела бы послать своего представителя в Учредительное собрание Украинской Республики — имеет ли она на это право или нет? И вообще, если бы был избран представитель от слободы, то к какому уезду обращаться, ведь наш Белгородский уезд также не вошел в состав Украинской Республики.

С глубоким уважением, председатель «Просвиты» П. Слюнин-Стодоля.

Кажется, что представителям от тех мест, которые остались за пределами Украинской Республики, но с украинским населением, желательно было бы быть в Учредительном собрании.

ЦГАВОВУ. Ф. 1133. «Главная комиссия
по выборам в Украинское Учредительное
собрание, г. Киев». Оп. 1. Д. 9. Л. 56.

♦ Оригінал українською мовою

Курщина
Білгородський повіт.
Томарівка

Народни управи председатель
Павлу Івановичу Слюніну-Стодоли

[надрядк.: №477 22/XII]

Вел. Володимирська д. №33

Губерніяльна Управа.

Комісія виборів до Установчих Зборів Української Республіки

Будте ласкаві повідомить, як бути з таким становищем — величезна наша слобода Томарівка на Курщині з 20 тис. україн. людності не *[прикріплена?]* до Укр. Республіки, а між іншим, хотіла-б послати свого представника до Установч. Зборів Укр. Республіки — має вона право, чи ні? І взагалі як би було обрано представника від слободи, то до якого повіту звертатися, бо наш Білгородський повіт теж не вийшов до Укр. Республіки.

З гл. пошаною голова Просвіти П. Слюнін-Стодоля.

Здається що представникам від тих місць, що zostалися поза межами Укр. Республіки, а з укр. людністю, бажано б бути в Устан. Зборах

ЦДАВОУ. Ф. 1133. «Головна комісія по виборах до Українських Установчих зборів, м. Київ». Оп. 1. Спр. 9. Л. 56.

XV. Ответ на письмо П. И. Слюнина-Стодоли в Главную комиссию по выборам в Украинское Учредительное собрание, г. Киев. 24 декабря 1917

♦ Перевод на русский язык

Главе Народного управления слободы
Томаровки, Белгородского уезда
Курской губернии

[надстр.: Исх. №403 24/XII]

Главная комиссия по делам выборов в Учредительное собрание Украинской Республики сообщает, что присоединение населения слободы Томаровки к участку для выборов в Учредительное собрание Украинской Республики может быть сделано только при предоставлении сведений о том, граничит ли эта слобода непосредственно с каким-либо уездом на территории Украины, указанным в Универсале Украинской Цен-

тральной Рады от 7 ноября 1917 года, и с каким именно, — и имеется ли решение местной сельской общины о согласии на такое присоединение.

Г л а в а

Руководитель дел Комиссии *[подпись]*

ЦГАВОВУ. Ф. 1133. «Главная комиссия
по выборам в Украинское Учредительное
собрание, г. Киев». Оп. 1. Д. 9. Л. 64.

♦ Оригінал українською мовою

Голові Народньої Управи слободи
Тамарівки, Білгородського повіту
Курської губернії

[надрук.: Вих №403 24/XII]

Головна Комісія по справах виборів до Установчих Зборів Української Народньої Республіки повідомляє, що приєднання населення слободи Тамарівки до участків виборах Установчих Зборів Української Народньої Республіки може бути зроблено тільки по поданню відомостей про те, чи межує ця слобода безпосередньо з яким-небудь повітом на території України, зазначеним в Універсалі Української Центральної Ради від 7 листопаду 1917 року, і з яким саме, — і чи є приговор місцевої сільської громади про згоду на се приєднання.

Г о л о в а

Керовничий справами Ком *[підпис]*

ЦДАВОВУ. Ф. 1133. «Головна комісія по виборах до
Українських Установчих зборів, м. Київ». Оп. 1. Спр. 9. Л. 64.

XVI. О лекциях в Обществе «Просвита», желании солдат с. Томаровка присоединить их населенный пункт к Украине

♦ Перевод на русский язык

ТОМАРОВКА, Белгородского уезда, на Курщине.

Томаровская «Просвита» с 10 декабря устроила лекции по истории Украины (лектор т. П. Слюнин-Стодоля, председатель «Просвиты»). Временно «Просвита» нашла приют

в Народном доме. Деятельность ее расширяется. На святках «Просвита» устраивает лекцию-вечер и спектакли.

К председателю «Просвиты» поступают письма военнопленных, которые очень желают, чтобы Томаровку присоединили к Украинской Республике.

С началом лекций можно надеяться, что томаровцы больше заинтересуются родным делом и будут знать, кто они и к кому им присоединиться, а пока — господствующее обрусение так изуродовало людей, что они не знают, какой они нации. Некоторые из богатеев-кулаков враждебно относятся к Украине.

Стодоля.

НГ. 1917. Четверг. 21 декабря (3 января). №33. С. 4.

♦ Оригінал українською мовою

ТОМАРІВКА, Білгородського пов., на Курщині.

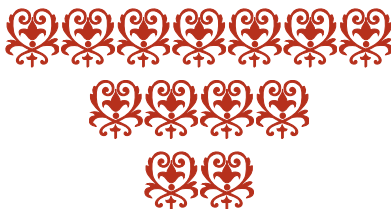
Томарівська Просвіта з 10 грудня влаштувала лекції по історії України (лектор т. П. Слюнін-Стодоля, голова Просвіти). Тимчасово Просвіта знайшла притулок в Народньому домі. Діяльність її поширюється. На святках Просвіта влаштовує лекцію-вечір та вистави.

До голови Просвіти надходять листя бранців, котрі дуже бажають щоб Томарівку прилучити до Української Республіки.

З початком лекцій можна сподіватись, що Томарівці більше зацікавляться рідною справою й будуть знати хто вони й куду їм приєднатись, а поки — пануюче обрусіння так знівечило людей, що вони не знають якої вони нації. Де-які з багатіїв-глитів вороже відносяться до України.

Стодоля.

НГ. 1917. Четвер. 21 грудня (3 січня). №33. С. 4.

XVII. Письмо М. Данько к С. Русовой о П. И. Слюнине. 22 мая 1918

♦ Перевод на русский язык

Курщина
Высокоуважаемая
София Федоровна!

Податель сего письма, как Вам уже известно, — Павел Иванович Слюнин-Стодоля, председатель Томаровской Прогимназии (которую он сам и основал). Томаровка — весьма большой город Белгородского уезда (за Грайвороном), важный как пограничный пункт с Московщиной. Она немного омозолилась, правда, но имея таких общественных деятелей, как Павел Иванович, можно смело надеяться, что старая Украина вернется назад.

Павел Иванович — это неумолимый, искренний деятель, которому нужно помочь, чтобы он остался там на месте и проводил всю творческую работу.

Я очень прошу Вас помочь своему. И если возможно сделать, чтобы назначили его там комиссаром по внешкольному образованию, то это было бы очень хорошо.

Если же он уедет оттуда прочь, то пропадет вся работа, которую он до сих пор создавал, и Прогимназия тоже погибнет.

Точно так же есть еще там — в Томаровке — два человека, которых я знаю и которые тоже помогают Павлу Ивановичу, и вот одного из них тоже нужно удержать там в Томаровке дольше и ему (там же) какую-нибудь должность на месте.

Нам нужно на границе с Московщиной создать крепкий оплот, и когда находятся люди там на месте, — то это счастье. Тогда и творить можно великое дело. А когда мы будем их оттуда забирать и загонять в неизвестные им углы, к неизвестным им людям, то работа будет затормаживаться и будет все это по образцу старой московской системы.

Надеюсь, что Вы согласитесь с моим взглядом и не откажете в моей просьбе.

С искренним уважением,
всегда Ваш Михаил
Данько
28 / 15.

Курщина *

Високоповожонна

Софія Хведірвна!

* Красным
карандашом.

Подавець сього листа, як Вам вже відомо, є Павло Іванович Слюнин * Стодоля — голова Тамарівської Просвіти (котру він сам і засновов). Таморівка [—] дуже велике /українське/ * місто Білагородського повіту (за гайвороном) * важне, як кордонний пункт з московщиною. Воно трохи омосковилось, правда, але моючи таких діячів громадських, як Пав.[ло] Іванов.[ич], можна сміло сподіватись, що [старе?] україн. повернется назад.

* Подчеркивания
в тексте красным
и синим
карандашом.

Пав.[ло] Ів.[анович] — це невтомний, щирий діяч, котрому треба допомогти, щоб він зостався там на місті і проводив всю творчу роботу.

* Supra lineam.

Я дуже Вас прохаю допомогти свому. І коли можливо зробіть щоб призначить його там комисаром по позашкільній освіті, то це було б дуже добре.

* Грайворон.

Коли ж він поїде з [відтіля?] геть, то пропаде вся робота яку він досі утворив і просвіта /ж/ загине.

Так само є ще там — у Таморівці — дві людини, котрих я знаю і котрі теж допомагают Пав.[ло] Ів.[ановичу] і от одну з ніх теж треба удержать там в Тамарівці довши і йому (там же) яку на місті посаду.

Нам треба на кордоні з Московщиною зробіть міцний оплот і коли трапляються люди, там на місці, — то це щастє. Тоді і творити можно велике діло. А коли ми будемо їх звідтіль забирать і заганять в невідомі ім кутки, до невідомих ім людей, то /вирід/ робота буде затримувать і буде се все на зразок старої московської системи.

Маю надію, що Ви згодитесь з моїм поглядом і не одмовите в моїм проханні.

З щирим поваженнєм

Завди до Вас Михайло

Данько

28 / 15.

ЦДАВОУ. Ф. 2201. «Міністерство освіти Української
Держави, м. Київ». Оп. 2. Спр. 1. Л. 1-2.

XVIII. Закрытие сельскаго Общества «Просвита» после вынужденнаго отъезда П. И. Слюнина-Стодоли

♦ Перевод на русский язык

Томаровка Белгородскаго уезда. Еще не так давно наша огромная богатая слобода гордилась своей «Просвитой», которая своими лекциями, спектаклями, хором производила очень приятное впечатление на крестьян, особенно на молодежь. Но сейчас «Просвита» умерла, погибла, потому что не стало главного руководителя, искреннего работника, ее основателя и председателя — г. Слюнина-Стодоли, которого жизненные условия, страшная нищета заставили покинуть родину и работу. С его отъездом погибло святое дело, столь нужное здесь на границе.

Неужели такие работники, свои родные, должны где-то скитаться и зарабатывать на тот кусок хлеба, неужели никакая государственная инстанция не может назначить нам, слепым, таких деятелей, как председатель нашей «Просвиты» Слюнин-Стодоля?

Василий Мирошниченко.

НР. 1918. Среда. 13 ноября (30 октября). №212. С. 3.

♦ Оригінал українською мовою

ТАМАРІВКА БІЛГОРОДСЬКОГО ПОВІТУ. Ще не так давно наша величезна богата слобода пишалася своєю «Просвітою», яка своїми лекціями, виставами, хором робила дуже приємне враження на селян, особливо на молодь. Але зараз «Просвіта» вмерла, загинула, бо не стало головного керівника щирого робітника, її фундатора і голови — д. Слюніна-Стодолі, котрого життєві умови, страшенні злидні примусили покинути батьківщину й працю. За його виїздом загинуло святе діло, так потрібне тут на кордоні.

Невже ж такі робітники, свої рідні мусять десь тинятися й заробляти на той шматок хліба, невже ж ніяка державна інституція не може призначити нам, сліпим, таких діячів, як голова нашої «Просвіти» Слюнін-Стодоля?

Василь Мирошниченко.

НР. 1918. Середа. 13 листопада (30 жовтня). №212. С. 3.

ХІХ. Протокол общего собрания жителей Томаровской волости. 4 апреля 1920 года

♦ Перевод с украинского на русский язык основной части протокола без подписей

Протокол

Общего собрания граждан Томаровской волости. 4 апреля 1920 года.

Собрание состоялось под председательством председателя Волисполкома В. И. Герусова; на собрании присутствовало 956 человек.

Заслушав доклад участников Белгородской уездной конференции беспартийных по вопросу о присоединении к Украине, собрание единогласно постановило — обратиться с просьбой о ходатайстве перед надлежащими центральными учреждениями по поводу присоединения Томаровской волости Белгородского уезда к территории Украинской Советской Республики по следующим, единогласно принятым собранием, мотивам:

1. По происхождению население Томаровской волости — украинское, со своей самобытной культурой, языком, обычаями, нравами и историческим прошлым.
2. Томаровская волость является прямым продолжением однородного чисто украинского населения Харьковской губернии, следовательно, никаких технических препятствий для присоединения ее к территории Украинской Советской Республики нет.
3. В экономико-хозяйственной жизни Томаровская волость, как и весь Белгородский уезд, тяготеет к Харькову как к ближайшему центру, из которого всегда получала как потребительские товары, так, равным образом, и различные сельскохозяйственные изделия и иные предметы сельского обихода.
4. Кроме того, для Томаровской волости Харьков является ближайшим центром, из которого она черпает духовно-нравственные ценности родной украинской культуры, приобщение к которым легче осуществить при обучении на родном языке (украинском), а последнее (обучение) выгоднее и с технической точки зрения более осуществимо в общеукраинском масштабе.
5. Благодаря небольшой удаленности и удобству путей сообщения, все культурные ценности, а именно: книги, га-

зеты и т. п. — могут получаться значительно быстрее, чем из других культурных центров; так, например, газеты получают в день их выхода.

ЦГАВОВУ. Ф. 5. «Народный комиссариат внутренних дел
УССР, г. Киев». Оп. 1. Д. 320. Л. 23-27.

♦ Оригинал на украинском и русском языках

В Н.К.В.Д. для заключения в недельный срок 29/VI*

* Красными чернилами.

[Штамп: «Ц.И.К. Общая канцелярия 29 июня 1920 г.
Вход. №987»]

Протокол

Загальних зборів громадян Томарівської волості. 4 квітня 1920 року.

Збори відбулись під головуванням голови Волисполкома В. І. Герусова; на зборах було 956 душ присутніх.

Вислухавши доклад учасників Білгородської повітової конференції безпартійних по питанню о прилученні до України збори одноголосно вирішили — звернутись з проханням заступництва перед належними центральними установами з приводу прилучення Томарівської волости Білгородського повіту до території Української Східної Республіки по слідуючим, одноголосно ухваленим зборами, мотивам:

1. По походженню населення Томарівської волості українське з своєю самобутньою культурою, мовою, звичаями, нормами і історичним минулим.
2. Томарівська волость є простим продовженням однородного чисто українського населення Харківської губернії, отже ніяких технічних перешкод для прилучення її до території Української Східної Республіки немає.
3. В економічно-господарському житті Томарівська волость, як і цілий Білгородський повіт, тягнеться до Харкова, як до найближчого центру, з котрого завше забирала як споживчі продукти, так, однаково, і різні сільсько-господарські вироби і інші предмети сільського вжитку.
4. Окрім того для Томарівської волости Харків є найближчим центром, із котрого вона почерпає духовно-моральні вартості рідної української культури, придбання котрих легше здійснити при навчанні на материній мові (українській), а останнє (навчання) користніше і з технічного боку більш справедливо у всеукраїнському масштабі.

5. Дякуючи малій віддаленості і зручності шляхів, всі культурні вартості, а саме: книги, газети і т. и. можуть одержуватись дуже швидко чим з інших культурних центрів, так, наприклад: газети одержуються у день їх виходу.

[Далее — 2 листа подписей, от нижней части оборота листа 23 до середины оборота листа 25, большинство неразборчивы. С середины оборота 25 листа следует список неграмотных:]

Список неграмотных 2-го Томаровского общества

Мирошников Трофим. Мирошников Дмитрий. Ярославцева Ирина. Солодовникова Марина. Фальков Иван. Дяченко Марья. Саенко Герасим. Волощенко Петр. Волощенко Сидор. Голосовский Трофим. Дроботов Семен. Маслиева Харитина. Приходченко Марина. Горячий Семен. *Дроботушенко(?)* * Павел. Маслиев Николай. Маслиев Максим. Маслиев Василий. Солодовникова Ефросиния. Кисленко Андрей. Кисленко Гавриил. Герусова Евдокия. Маслиев Ефим. Смоленко Петр. Мощенская Евдокия. Шве́ц Яков. Маслиев *Ион(?)*. Покойников Михаил. *Коломыченко(?)* Дмитрий. Коломыченко Козьма. Покойникова Евдокия. Солодовников Иван. Саенко Осип. Волохова Матрена. Падюков Борис. Гончаров Петр. Гончаров Андрей. Фальков Степан. Литвишкова Акулина. Мирошников Андрей. Воронин Петр. Падюков Григорий. Соснов Афанасий. Кравцов Матвей. Саенко Иван. Падюков Архип. Шелудченко Козьма. *Рутенко(?)* Максим.

[Лист 26:] Солодовников Захар. Сокрутенко Иван. Солодовников Егор. Дроботушенко Никита. Дроботушенко Лукьян. Журбенко Федор. Падюков Иван. Солодовников Василий. Солодовников Кирилл. Добрунов Иван. Панченко Андрей. Неженцев Петр. Панченко Иван. Носков Иван. Цыбулькина Александра. Носкова Акси́нья. Юрченко Леонтий. Маслиев Петр. Гордиенко Степан. Добрунов Василий. Добрунов Иван. Маслиев Иван. Цыбулькин Матвей. Цыбулькин Иван. Цыбулькин Мария. Цыбулькин Яков. Носков Константин. Носков Иван. Кучмистый Андрей. Кучмистый Федор. Мирошников Даниил. Швецов Дмитрий. Иванчихин Прохор. Носков Григорий. Носков Петр. Гончаров Николай. Сегедин Козьма. Сегедин Семен. Макиев Григорий. Овчаров Иван. Иванчихин Павел. Макиева Ксения. Овчарова Авдотья. Борисовский Павел. Добрунов Алексей. Сегедин Деомид. Макиев Матвей. Переворочаева Елена. Красненко Прасковья. Во-

* Здесь и далее знаки вопроса ставятся редактором в случае, если мы не уверены в прочтении.

лоскова Василиса. Мушенко Иван. Добрунов Денис. Козлов Антон. Козлов Степан. Шве́ц Иван. Маслиев Даниил. Бондарева Зиновия Бондарева. Романченко Иван. Козлов Харитон. Макиев Николай. Журбенко Григорий. Чупринин Роман. Герусов Никита. *Машков(?)* Сергей. Фалькова Феодора. Фальков Филипп. Колганов Михаил. Сокрутенко Федор. Мирошников *Карп(?)*. Ольшанский Иван. Гончаров Григорий. Неженцев Матвей. Неженцев Федор. Ольшанский Кирилл. Гудименко Мирон. Гудименко Филипп. *Турьянский(?)* Федор. Фальков Иван. Чупринин Петр. Гученко Никита. Чупринин Емельян. Фальков Трофим. Артеменко Емельян. Неженцев Тихон. Овчаров Козьма. Колганов Иван. Ольшанский Илья. Ольшанский Захар. Ольшанский Андрей. Ольшанский Федор. Клименков Евграф. Коновалов Лукьян. Мирошников Егор. Масликов Роман. Гудименко Иван. Ольшанская Акси́нья. Суджанский Трофим. Солодовников Василий. Суджанский Федор. Гончаров Прохор. Будниченко Дмитрий. Чупринин Никифор. Козлов Петр. Мирошников Павел. Маслиев Василий. Гармашов Афанасий. Саенко Ефим. Гармашов Григорий. Суджанский Петр. Мирошников Тимофей. *Мазницын(?)* Семен. Калашников Василий. Гонтарев Павел. Гордиенко Иосиф. Маслиев Кондрат. Приходченко Трофим. Козельский Сидор. Олейников Прохор. Волосков Яков. Ольшанский Ефим.

[*Лист 26 об.:*] Панченко Дмитрий. Мушенков Егор. Николенко Петр. Артеменко Иван. Переворочаев Иван. Иванчихин Иван. Мирошников Иван. Макиев Владимир. Николенко Семен. Николенко Самуил. Грубниченко Артем. Мирошников Иван. Ткачов Козьма. Воронцов Петр. Фальков Иван. Гученко Дмитрий. Бовкунов *Улас(?)*. Сегедин Прокофий. Рутенко Иван. Мирошников Антон. Мирошников Кирилл. Мирошников Григорий. *Талащенко(?)* Козьма. Мирошников Тихон. Волченко Василий. Маликов Яков. Маликов Тимофей. Юрченко Виктор. Сидоренко Яков. Рутенко Василий. Рутенко Иван. Маслиев Петр. Саенко Прокофий. Ольшанский Дмитрий. Саенко Тихон. Мирошников Андрей. Кондарев Иван. Шве́ц Павел. Мазницын Петр. Говорушенко Андрей. Турьянский Прокофий. Турьянский Иван. Турьянский Андрей. Гудименко *Стритон(?)*. Кашубина Анастасия. Мушенко Даниил. Козлов Иван. Фалькова Ольга. Гончаров Андрей. Юрченко Ион. Дяченко Павел. Фальков Василий. Фальков Захар. Солодовников Никонор. Переворочаева Ирина. Саенко Владимир. Рутенко Наталья. Дяченко Иван. Добрунов Василий. Маликов Андрей. Литвишков Петр. Ге-

зенко Сергей. Кучмистый Никита. Козлов [нрзб]. * Маликов Григорий. Дедушенко Даниил. Гудименко Яков. Лазченко Иван. Иванчихин Фома. Калашников Алексей. *Нижурин(?)* Никита. Рутенко Иван. Гудименко Ефим. Маслиев Тарас. Нитаев Яков. Быченко. Гордиенко Аким. Гончарова Мारья. Гезенко Степанида. Швец Иван. Переворочаев Матвей. Еременко Трофим. Цыхман Даниил. Мирошников Михаил. Олейников Иван. Маслиев Прокофий. Шевцова Евдокия. Чеховской Тимофей. Олейников Павел. *Дроботриенко(?)* Дмитрий. Бабичев Ефим. Бабичев Федор. Бердникова Феодосия. Бабичев Петр. Маликов Иван. Коломацкий Андрей. Коломацкий Антон. Калашников Павел. Калашникова Мария. Овчаров Николай. Мирошников Петр. Цыхман Анна. Маслиева Ефимия. Смолкин Иван. Смолкин Григорий. Коломацкий Леонтий. Трояненко Василий. Давиденко Трофим. Коломацкий Иван.

[Лист 27:] Коломацкий Емельян. Шевченко Михаил. Касашникова Ирина. Солодовилов Иван. Черняев Андрей. *Здесенко(?)* Герасим. Ищенко Петр. Найдашова Параскева. Кайдашов Козьма. Иванчихин Алексей. Косовцов Александр. Кравцов Филипп. Маслиев Михаил. Маслиев Яков. Сидоренко Андрей. *Хижняков(?)* Григорий. Кравцов Николай. Юрченко Анна. Маликов Яков. Кидленко Захар. Кидленко Василиса. Дедушенко Петр. Гребеников Прокофий. Мозговая Устинья. Дедушенко Ефимия. Дедушенко Прасковья. Макиев Сергей. Ярославцев Иван. Гребеников Сергей. Кисленко Гавриил. Семененко Стефан. Макогонов Алексей. Макогонов Козьма. Солодовников Илья. Солодовников Даниил. Семененко Захар. Макогонов Михаил. Махно Игнат. Семененко Матвей. Бердников Павел. Кисленко Михаил. Мирошников Степан. Макогонов Леонтий. Макогонов Семен. Бердников Дмитрий. Маслиев Савва. Вернигоренко Михаил. Вернигоренко Роман. Моренко Акулина. Спасский Иван. Иванчихин Петр. Лахнов Григорий. Лахнов Петр. Маслиев Филипп. Макогонов Тихон. Василенко Семен. Василенко Федор. Моренко Григорий. Мирошников Матвей. Махно Ефим. Маслиев Михаил. *Бовкунов(?)* Пантелимон.

[Изменилась рука, другой почерк:] Степанъ Мирошниковъ. Андреянъ Сосновъ. Петро Неженцовъ. Александръ Горячий. Тимофей Поляковъ. Афанасий Сосновъ. Симень Мирошниковъ. Андрей Солодовниковъ. Горигорий Юзенко. Иванъ Проходченко. Аликсейко Иванъ. Федоръ Гетмановъ. Никита Кучмистый. Федоръ Кучмистый. Михаилъ Рутенко. Петръ Бондаровъ. Николай Иванчихинъ.

Архипъ Маслиевъ. Михайль Капустинъ. [нрзб] Близнюченко. Сипанъ Близнюченко. *Симонъ(?)* Близнюченко. Матвей Горячий. Иванъ Горячий. Иванъ Маликовъ. Кузьма Лебидевъ. Федоръ Мушенко. Тимофей. Чипиженко. Григорий Артеменко. Иванъ Ольшанский. Игнатъ Артеменко. Федоръ

[*Лист 27 об.:*] Волченко. Василий Пириворочаевъ. Степанъ Горячий. Андрей Калашниковъ. Степанъ Глушковъ. *Ягоръ(?)* Абраменко. Горигорий Голосовский. *Стехвимъ(?)* Солодовниковъ. Данило Гладенко. Иванъ Носков. Яковъ Пиришивайловъ. *Иосий(?)* Никоновъ. Петръ Сосновъ. Иванъ Горячий. *Титъ(?)* Мушенко. Иванъ Мушенко. Динисъ Твердохлебовъ. Романъ Калашниковъ. Симень Бондаревъ. Филиппъ [нрзб]. Карпъ Бондаровъ. Максимъ Бондаровъ. Сергей Мушенко. Сергей Дроботушенко. Осипъ Иванчихинъ. Павелъ Иванчихинъ. Иванъ Мирошниковъ. Димитрий Мушенко. Тихонъ Кашубинъ. Никита Либиденко. Василий Калашниковъ. Николай Рокитянский. Моисей *Цв[нрзб]*. Иванъ *Сиридинъ(?)*. Константинъ Бондаровъ. Филиппъ Мушенко. Владимиръ Целовалниковъ. Иванъ Чипигинъ. Прокохвий Криничный. Максимъ Немченко. Ягоръ Мирошниковъ. Артемъ Волченко. Фома Перекупневъ. Савелий Карпенко. Гордей Мошонский. Григорий Василенко. Никита Карпенко. Авириянъ Карпенко. Гавриль Косовцовъ. Алиексей *Нижуринъ(?)*. Николай *Пасшевъ(?)*, а за [нрзб] неграмотных и за себя расписался Павелъ Коломацкий

Подписи грамотных и за неграмотных Павла Коломацкого Томаровской Вол. Исполком Белгородского уезда, Курской губернии удостоверяет 24 июня 1920 года № 4940.

Председатель [подпись]

Секретарь [подпись]

ЦДАВОУ. Ф. 5. «Народний комісаріат внутрішніх справ
УСРР, м. Київ». Оп. 1. Спр. 320. Л. 23-27.

Польские политические заключенные в Валуйках

НИКОЛАЙ БЕЛОПОЛЬСКИЙ

Предисловие

СЛЕД ЗА ПОДАВЛЕНИЕМ ЯНВАРСКОГО ВОССТАНИЯ 1863 ГОДА около тридцати тысяч поляков были отправлены в ссылку или на каторгу в различные селения по всей Российской империи. Ссылные оставили после себя обширное литературное и мемуарное наследие, знакомое русскоязычному читателю по таким издательским проектам, как «Польско-сибирская библиотека». Помимо Сибири и Урала, значительная часть ссыльных оказалась и в европейской части России. Так, в Воронежской губернии основными городами, где проживали ссыльные, были Бобров, Новохоперск, Валуйки и сам Воронеж, который в то же время служил перевалочным пунктом на пути в Сибирь¹. В настоящем издании мы приводим два источника, которые касаются

¹ Список городов Воронежской губернии, в которых проживали польские политические заключенные, приводится в так называемом «Альбоме варшавского полицмейстера» (другое название — «Память мятежа. От 1860 до 1865 г.»), изданном Сикорской-Кулешей и Будрович-Новицким. Этот уникальный исторический источник представляет собой обширное собрание фотографий, имеющих отношение к Январскому восстанию. Среди прочего, он содержит фотографии ссыльных Воронежской губернии. См.:

истории ссыльных в городе Валуйки: отрывки из мемуаров Марцина Залеского и письма Кароля Качковского.

Марцин Залеский (род. 11 ноября 1826 – † 11 июня 1891) — не путать с известным польским художником-неоклассицистом — представитель польской шляхты, родился в деревне Семидубы Дубенского уезда, провел детство и юность на Волыни и в Галиции у своего деда, Эразма Коморовского, бывшего генерала войска польского^{2 3}. В мемуарах Марцин Залеский описывает свое детство, прошедшее в имении деда на границе двух империй. Помимо обыкновенного для дворянина XIX века домашнего образования Марцин Залеский посещал австрийскую школу, а позже — Кременецкий лицей, где преподавание велось на русском языке. После обучения в Одессе, будучи подданным Российской империи, поступил на полковую службу в Елисаветградский гусарский полк. В 1849 г. участвовал в Венгерском походе Николая I. Январское восстание застало его на должности маршалка шляхты (предводителя дворянства) города Дубно. За поддержку восстания 4 февраля 1864 г. был сослан в Чердынь, откуда переехал в Валуйки, где прожил два года, с сентября 1864 г. до октября 1866 г.⁴

Марцин Залеский оставил подробные мемуары, охватывающие значительную часть его жизни. Они были посмертно опубликованы львовским издательством «Губрынович и Шмидт» в 1893 г. и, насколько нам известно, с тех пор не переиздавались. Как утверждают издатели, к литературным опытам Марцин Залеский приступил после возвращения на Подолье, где он поселился в селе Соломна в 1873 г. В частности, Залеский писал стихи, которые читал в узком семейном кругу. Мемуары существовали в двух редакциях — в полной редакции, завершенной к 1883 г., и в сокращенной, датированной 1890 г. Опубликованная издательством «Губрынович и

Sikorska-Kulesza, J., & Burdowicz-Nowicki, J. (2018). *Album policmajstra warszawskiego : Pamiątka buntu od 1860 do 1865* (Wydanie 1-e). Państwowy Instytut Wydawniczy.

² Zaleski, M. (1893). *Wspomnienia Marcina Zaleskiego 1830-1873* (s. 16–21). Gubrynowicz i Schmidt. <https://polona.pl/preview/c8549b46-3a71-4d93-84be-6803be214e2b>

³ Даты смерти и рождения указаны, в том числе, в некрологе Марцина Залеского. См.: *Marcin Prawdzic Zaleski [...] zasnął w Panu dnia 11go Czerwca 1891 r. [...] (1891)*. Biblioteka Jagiellońska, 224649 V Za 80. <https://fbc.pionier.net.pl/id/oai:jbc.bj.uj.edu.pl:851528>

⁴ Stępień, S., & Miceł, M. (2022). *Powstańcy styczniowi więzieni w twierdzy kijowskiej: Zarysy biogramów* (s. 278). Południowo-Wschodni Instytut Naukowy w Przemyślu.

Шмидт» книга представляет собой компиляцию этих двух текстов⁵.

Несомненно, мемуары изначально задумывались автором как публичное высказывание и предназначались для печати. Для них характерен литературный стиль изложения: факты биографии перемежаются историями из жизни, отвлеченными рассуждениями, цитируются песни и поэзия.

Ниже мы приводим небольшой отрывок из мемуаров, описывающий путешествие по Восточной Слобожанщине и пребывание в Валуйках. Данный отрывок уже публиковался на сайте «Обретенная память» в исполнении другого переводчика, однако мы подготовили новую, исправленную редакцию⁶.

Другим источником информации о жизни Марцина Залеского являются мемуары его друга, писателя Юзефа Дунина-Карвицкого, который был знаком с ним на протяжении многих лет⁷. Дунин-Карвицкий почти не рассказывает о жизни ссыльных в Валуйках, о которой он, вероятно, знал мало и из третьих уст. Однако, он затрагивает проблему, о которой современный читатель может не знать и с которой столкнулись многие из ссыльных, включая сосланных в Валуйки Марцина Залеского и маршалка шляхты Кременецкого уезда Витольда Могильницкого, — принудительную продажу земель и имущества под угрозой экспроприации: *«Ничего удивительного, что в те времена, сорок лет назад, продажная цена земли у нас упала до минимума, поскольку на нее буквально не было покупателей. Предложение сто-кратно превышало продажи. Двухлетний срок, которым был связан Марцин Залеский, скоро истекал. После долгих стараний, он смог его продлить и наконец дождался каких-никаких покупателей в лице чешских колонистов, массово прибывших около 1869 года из Австрии на Волынь под протекцией наследника Безака, нового киевского генерал-губернатора князя Дондукова-Корсакова. От имени Залеского его уполномоченный нотариус из Дубно по имени Борович смог совершить раздел имения в Мирогоще, Семидубах и Злынце, но по баснословно низкой цене, если не ошибаюсь — по 16 рублей за морг вместе с постройками.*

⁵ Słowo od wydawcy. (1893). W M. Zaleski, *Wspomnienia Marcina Zaleskiego 1830-1873* (s. III–VI). Gubrynowicz i Schmidt. <http://www.wbc.poznan.pl/Content/268085>

⁶ Мишутин, И. (2021, март 10). Ссылка Марцина Залеского. *Обретенная память*. <https://old.waluiki.eu/docs/raznoye/marcin/>

⁷ Dunin-Karwicki, J. (1904). *Z moich wspomnień* (Т. 4). A. G. Dubowski. <https://polona.pl/preview/3354c9ce-34a3-4888-85f0-fa0b43bfbcb8>

[...] Но сейчас цена за тот же морг земли превышает 200 рублей!»⁸

Принудительная продажа земель оказалась проблемой и для других ссыльных представителей шляхты в Валуяхах. Показателен в этом отношении случай сосланной в Валуи-ки госпожи Костровицкой: как писал корреспондент газеты «Дзенник Познаньски», чиновники пользовались уязвимым положением ссыльных и в обход закона скупали за бесценок их имущество, что и произошло в случае госпожи Костровицкой^{9 10}. Таким образом, ссылка облегчала местным властям

⁸ «Nic jednak dziwnego, że w owej epoce, przed 40-ma laty, sprzedażna cena ziemi u nas upadła do minimum, bo literalnie nie było na nią kupców. Podaż o stokroć przewyższała sprzedaż. Termin dwuletni, obowiązujący Marcina Zaleskiego, upływał wkrótce. Po długich staraniach, potrafił on go prolongować i nareszcie, na szczęście, doczekał się siakich takich kupców, w osobie Czechów kolonistów, napływających około 1869 r. masami z Austrii na Wołyń i wysoce wówczas protegowanych przez następcę Bezaka, nowego kijowskiego generał-gubernatora, księcia Dondukowa-Korsakowa. W imieniu Zaleskiego umocowany jego dubieński notaryusz Borowicz potrafił przeprowadzić parcelację dóbr Miroszowszcza, Semiduby i Złińce, lecz po bajecznie niskiej cenie, jeżeli się nie mylę—po 16 rubli za morg wraz z budynkami. [...]. Lecz obecnie cena tego samego morga przewyższa 200 rubli!» Dunin-Karwicki, J. (1904). *Op. cit.* (s. 164).

⁹ Korespondencje Dziennika Pozn. (1868, maja 1). *Dziennik Poznański: wychodzi codziennie z wyjątkiem poniedziałków i dni poświęconych*, X(101), 1. <https://polona.pl/preview/d94ca9cf-15b8-4ed0-99e7-56754dfeffa2>

¹⁰ «Экспроприация нашей собственности — это всегда важнейший вопрос, которым москали занимаются в первую очередь. [...] Среди прочего, приведу вам пример обхода закона, совершенный председателем объединенных судебных палат в Вильне Лакиером и полицмейстером Измайльским. Пани Костровицкая за участие в основании [конгрегации] сестер Милосердия в Вильне, что, вообще говоря, было дозволено правительством, была выслана Муравьевым в Валуи Воронежской губ. на проживание, в результате чего, согласно указу от 22 декабря 1865 г., ее имущество по приговору было выставлено на продажу. Имущество это, а конкретно [имения] Ростыняны и Жечи, расположенные в Виленской губернии, частью состояло из хозяйств, которые раньше принадлежали иезуитам и которые пани Костровицкая, как прилегающие к имению земли, имела в вечной аренде. Итак, о покупке этих имений, как безусловно принадлежащих пани Костровицкой, а также и бывших иезуитских земель, заявили господа Лакиер и Измайльский. Однако, во время переговоров о покупке тех имений вышел царский указ, предписывающий приостановить продажи бывших иезуитских земель. [Виленский губернатор] Панютин, получив указ, немедленно пришел к Лакиеру, устно уведомив его о содержании указа и призывая не подписывать в гражданском суде акт о купле-продаже иезуитских имений. Лакиер заверил его, что все выполнит, как только получит сам указ. Однако, едва Панютин вышел, он выслал эстафету к полномочному представителю Костровицкой с просьбой явиться. Представитель явился, и к вечеру того же дня акт купли-продажи упомянутого имущества на имя Лакиера и Измайльского был готов — по цене, равной одной шестой его истинной стоимости. На следующий день тот же Лакиер с большой помпой огласил царский указ и разослал его всем подвластным себе судам!» («Wywłaszczenie nas z majątków, to

экспроприацию имущества, поскольку поляки, не имея возможности вернуться, вынуждены были совершать продажу через третьих лиц, и это открывало возможности для злоупотреблений.

Кароль Качковский * (1797–1867) — профессор Варшавского университета, главный врач польской армии во время Ноябрьского восстания. После 1831 г. жил в Эльблонге, затем переехал в Галицию, где занимался врачебной практикой, писал энциклопедические статьи. После Январского восстания был сослан в Одессу, затем — в уездный город Валуйки, откуда писал своим корреспондентам глубоко эмоциональные письма, опубликованные много лет спустя после его смерти, в 1915 г., в варшавской газете «*Kurjer Narodowy: dziennik polityczny, społeczny, ekonomiczny i literacki*». Эту публикацию мы приводим с предисловием анонимного издателя. В письмах излагаются обстоятельства жизни в ссылке, детали быта и личные переживания врача. В обширном наследии Качковского, которое включает не только труды по медицине и педагогике, но и воспоминания о путешествии в Крым, эти письма фактически неизвестны.

Кароль Качковский и Марцин Залеский, оба воспитанники Кременецкого лицея, принадлежали разным поколениям, и, вероятно, познакомились уже в Валуйках, где Качковский, судя по письмам, оказался не позже весны 1864 г. и прожил там до 1867 г. Марцин Залеский неоднократно упоминает Качковского в своих воспоминаниях. Письма Качковского

* В русских источниках иногда упоминается как Карл Григорьевич Качковский.

zawsze najważniejsza sprawa, którą Moskale przedewszystkiem się zajmują. [...] Pomiędzy innemi przytoczę wam przykład obejścia prawa, spełniony przez Lakiera prezesa połączonych izb sądowych w Wilnie i Izmailskiego policmajstra. Pani Kostrowicka za udział w założeniu sióstr Miłosierdzia w Wilnie, na co, nawiasem mówiąc, rząd zezwolił, wystaną została przez Murawiewa do Watyjek w gub. woronieńskiój na mieszkanie; skutkiem tego, na mocy ukazu z 22 grudnia 1865 r. dobra jej skazane zostały na sprzedaż. Dobra te a mianowicie: Rostyniany i Rzecze, w gubernii wileńskiej położone, składały się częścią i z folwarków dawniej do dóbr jezuitckich należących, a które p. Kostrowicka, jak przyległe swym dobrom, dzierżawiła wieczyście. Otóż o nabycie dóbr tych, tak bezwarunkowo własnych pani Kostrowickiej, jak i pojezuickich, zgłosili się p. Lakier i Izmailski. W czasie jednak umów o nabycie tych dóbr wyszedł ukaz carski, nakazujący ustrzymanie sprzedaży majątków pojezuickich — Paniutin, otrzymawszy ukaz, natychmiast udał się do Lakiera, uwiadamiając go o treści ukazu i ustnie wzywając, aby odtąd aktu kupna i sprzedaży dóbr jezuitckich w izbie sądowej cywilnej nie dopełniał. Lakier zapewniał go, iż w zupełności się do tego zastosuje, jak tylko ukaz otrzyma. Zaledwie jednak wyszedł Paniutin, wystął natychmiast sztafetę do pełnomocnika Kostrowickiej, wzywając go o przybycie. Pełnomocnik stawił się i tego dnia w nocy akt kupna i sprzedaży powyższych dóbr na rzecz Lakiera i Izmailskiego był sporządzony za cenę wyrównującą jedną szóstą części prawdziwej wartości. Na drugi dzień tenże Lakier z wielką pompą ogłaszał ukaz carski i rozestął go wszystkim podwładnym sobie sądom!»). Ibid.

подтверждают отдельные факты жизни ссыльных, к примеру, проведение научных лекций, а также позволяют уточнить хронологию событий.

Представленные документы интересны как источник информации о жизни польских ссыльных в европейской части Российской империи, об организации их быта, участии ссыльных в местных сообществах. Публикация этих документов — еще один фрагмент мозаики, дополняющий историю польских ссыльных, которых, по выражению Кароля Качковско-го, *«судьба [...] оторвала от семьи, от домашнего очага и бросила в далекую и чужую страну»*.

I. Из воспоминаний Марцина Залеского

* Последний избранный маршалеk шляхты Кременецкого уезда Витольд Могильницкий. (Здесь и далее — примеч. переводчика).

Забыл выше отметить, что мой друг Могильницкий *, с которым мы состояли в длительной переписке, поделился со мной доброй вестью, что он, стараниями братьев переведенный в Воронежскую губернию вместе с бездетной женой, которая следовала за ним в Верхотурье, за две недели до меня уже выехал на новое место ссылки. Поэтому, когда после недели неторопливого путешествия из Москвы через Тулу и Орел я остановился в Воронеже, и видя, что в губернских городах ссыльных не размещают, а также памятуя о милейшем обращении со мной господина Лашкарева, я попытался найти способ разузнать, куда выслали моего товарища, и нельзя ли под каким-либо иным предлогом выехать туда же.

Вообще-то, тамошним губернатором был родственник, князь Владимир Трубецкой, внук моей двоюродной тетки, госпожи [Луизы] Валентиновны Росцишевской, однако политический преступник в России и на родного брата не может рассчитывать. Более того, губернатора в городе не было, он проводил ежегодную ревизию в уездах своей губернии. Тогда, подойдя к начальнику канцелярии, перебросившись с ним парой слов, и убедившись в его цивилизованном нраве, я с

деланым безразличием спросил, нельзя ли мне узнать адрес Могильницкого, дабы послать ему поклон от друзей.

«Хорошо, что вы напомнили», — ответил на это секретарь, — «Могильницкий неделю тому назад выехал в уездный город Валуйки и очень просил, чтобы я уговорил вас поехать туда же». Не веря своей удаче, я сделал вид, будто возражаю, и сказал, что Валуйки, по слухам, совсем нищий городишко, однако, когда меня заверили, что все шесть городов губернии, предназначенных для ссыльных, почти одинаковы, я позволил себя уговорить и попросил лишь дать мне один день отдыха в Воронеже. «Поезжайте на постоянный двор да отоспитесь, сколько будет надо, но только предупреждаю, что без особого разрешения господина губернатора больше недели здесь находиться нельзя. Накануне отъезда, пожалуйста, доложите мне, чтобы у меня было время предупредить жандармов, которые должны вас сопровождать».

После такого утешительного доказательства, что все территориальные вехи * — это лишь ничтожный довесок к соответствующим порядкам местных властей, я, в более легком расположении духа, разместился на три дня на довольно приличном постоялом дворе. А когда, уже по собственной воле, я захотел ехать и попросил главу жандармерии выделить мне неизбежных ангелов-хранителей, тот пожаловался, что не может найти людей, и настойчиво уговаривал меня остаться еще на пару дней.

Валуйки на реке Валуй, впадающей в Донец *, находятся приблизительно в 140 верстах к югу от Воронежа. Городок довольно бедный, однако по сравнению с Чердынью, он показался мне просторней и лучше застроенным; лишь полное отсутствие деревьев да большие расстояния между домами на прямых широких улицах вдвойне подчеркивали пустоту последних. В том, что касается построек, среди которых было так же мало каменных и кирпичных, Чердынь имела преимущество, поскольку там на сруб отбирались превосходные материалы, дома были крыты досками, а иные — кровельным железом, и лишь из-за отсутствия белил они казались мрачными, — тут же белые стены немного приободряли глаз, но сооруженные кое-как, наподобие наших хижин в Подолье, крытые чаще всего соломой под гребенку или тростником, дома выставляли благосостояние жителей в крайне негативном свете.

На самом деле мужик здесь зажиточный, хлеба имеет с избытком, скот хороший, а лошади холеные. Однако мещанин из-за недостатка торговых ремесел здесь гораздо бед-

* Притеснения
— от фр.
vexation.

* Ошибка
Залеского. Река
Валуй является
притоком Оскола.

* Курсивом
обозначены
слова
и выражения,
в оригинале
написанные
по-русски.

нее, чем в Перми, где пушнина, дичь, лесные промыслы и разнообразные рудники, от золотых до серебряных, при наличии судоходных рек, дают обильный, пусть и не всегда законный, доход. Зато беднейшим из бедняков приходится тяжело, почти как местному населению в непроходимых чащах Чердыни. Это вогулы, остяки и самоеды, чаще всего по-прежнему идолопоклонники, потому что, пусть они и были принудительно крещены присланными *попами*, * жизнь они ведут кочевую на непроходимых лесных топях, где можно укрыться от притворного христианства и блюсти свои языческие обряды. Кормятся они, главным образом, рыбой, чаще всего сырой, и даже тухлой, которая для них является лакомством. Используют этих людей для лесных промыслов, поэтому они должны быть очень ловкими и работящими. Но в городе они — редкое зрелище; за семь месяцев моей жизни в Чердыни лишь раз мне довелось их увидеть. Исподнего они не носят вообще, только рубахи, сшитые из оленьих шкур мехом наружу с подвязанным капюшоном на голове. Костюм этот называется *савики*, и он делает их воистину похожими на гигантских сов. Речь этих племен не имеет ни малейшего сходства с русским языком. Оседлое население в Пермской губернии — по большей части пришлое, главным образом, из бывших ссыльных, скорее всего, немало должно быть среди них потомков барских конфедератов, можно найти и наших солдат из армии Костюшко, а среди местных фамилий и по сей день встречаются боярские родовые имена.

Мой товарищ Могильницкий принял меня в Валуйках как брата. Уже неделю проживая на довольно удобной квартире, он пригласил меня к себе, а его жена к моему приезду созвала на вечернее чаепитие почти всю колонию. Я познакомился там с госпожой Костровицкой с сыном и дочерью из Литвы, с выдающимся старцем, врачом Каролем Качковским из Житомира, двумя баронами Клоттами, отцом и сыном из Могилевской губернии, супругами Клемашевскими с дочерью из Гродно, с Завадзкими, с Масальским и Лейтозовым из Вильны, молодым Дверницким из Царства *[Польского]* и многими другими. В совокупности число высланных в Валуйки тогда доходило до сорока, а позже еще и увеличилось.

Зная из последних писем жены, что, оставив младших дочерей под присмотром своих родителей в Подолье, она вскоре вместе со старшими сыновьями разделит мое изгнание, и что мой добрый брат решил ее проводить, я снял целое поместье с шестью комнатами и кухней и с понятным нетерпением ожидал прибытия дорогих гостей. Однако уже закон-

чился теплый и солнечный сентябрь, прежде чем последние письма дали мне знать, что они выехали и уже находятся в Житомире. Когда я после подсчетов смекнул, что они вот-вот должны приехать, то невзирая на начинающуюся слякоть, я сразу после обеда стал выходить на несколько верст за город им навстречу и ждал возле переправы парома на Валуге до позднего вечера, а затем, разуверившись в своих надеждах, печальный и все более снедаемый тревогой, нехотя плелся обратно.

16 октября обильный снег присыпал еще не замерзшую грязь, пора была настолько непотребная, что выйти за город было невозможно, и по случаю именин дочери госпожа Костровицкая пригласила наш широкий кружок на вечер к себе домой. И вот мы беседуем после чаепития, когда сосед мой, литовец Лейтозор, войдя, приближается ко мне и сообщает с литовской флегматичностью, что мной интересуется некий господин, который ожидает меня в сенях. Я быстро выбегаю, стгорая от любопытства, и, глазам своим не веря, узнаю своего брата. Пусть благодарит Бога и свою собственную стойкость за то, что я не задушил его в безумных объятьях. За мной высыпали любопытствующие гости в уверенности, что я помешался.

— Где жена?! дети?! — кричу я в безумии.

— Здоровы, слава Богу, ждут тебя.

Без шапки лечу через всю улицу и вот уже я у ног моей жены-ангела, и мальчики прижимаются ко мне — и тут мы все, даже слуги, залились слезами.

Вняснилось, что моей жене, которая довольно сильно захворала в Житомире, пришлось там пролежать несколько дней, и это сильно задержало их приезд. Путешествие, несмотря на чрезвычайно плохие дороги, было удачным, но начиная от Харькова, они, выехав нанятым экипажем прямым до Валук, вынуждены были останавливаться на ночлег в селах, где из-за отсутствия станций им приходилось ночевать в крестьянских хатах. Поскольку хаты были невелики, группа разделялась таким образом, что жена со служанкой размещалась в одной, дети с бонной * — в другой, а брат занимал третью. Уже на последнем ночлеге перед Валуйками едва начало светать, как жену разбудил какой-то шорох в избе. Открыв глаза, она с ужасом видит гигантскую фигуру бородатого кацапа* с огромным окровавленным ножом в руке, а в распахнутых дверях висит обнаженный, будто бы человеческий силуэт на колу. От страха жена теряет дар речи, но конвульсивным усилием вскакивает с кровати. «Спи, матушка, спи, рано еще», — вежливо говорит селянин, —

* Гувернантка.

«я просто снасти ищу». — Это был мясник, который зарезал барана и, содрав шкуру, повесил его в сених, а когда ему что-то потребовалось в хате, он вошел безо всяких церемоний. К счастью, бедная моя жена не заболела от пережитого ужаса.

Брат привез печальные вести о делах в стране. Генерал-губернатора Анненкова заменили на дикого Безака, который старался перещеголять Муравьева — вешателя литовского. Постоянные аресты и преследования стали в порядке вещей. Среди множества знакомых и родственников наш шурин, Тадеуш Зеленецкий, по недоказанному делу сидел в каменецкой тюрьме, а его миллионное состояние было конфисковано. Всеобщая паника была так велика, что все сделки были приостановлены, и по всей стране полностью рухнули кредиты. При таких обстоятельствах брат, видя невозможность дальнейшего ведения моего хозяйства в одиночку, был вынужден сдать имущество мое и моей жены в аренду еврею на три года по смехотворной цене в пятьдесят копеек за один морг* земли. Доходов с него не хватало на уплату налогов, сборов и других местных нужд. Таким образом, единственным источником пропитания для нас на какое-то время стала распродажа по чрезвычайно низкой цене имущества, личных вещей, серебра и драгоценностей жены. При мысли о том, что будет дальше, разумом овладевал страх, однако положение многих изгнанников вокруг было куда более плачевным, оставалось только смириться перед неисповедимым приговором небес.

Пожив у нас три дня, брат мой поехал назад, а для меня в Валуяхках началась новая жизнь. Кроме немки бонны, жена привезла с собой вторую служанку, очень хорошую женщину, которая неплохо умела готовить. Поэтому мы с легкостью наладили собственное хозяйство и ежедневно у нас бывал на обеде кто-либо из беднейших ссыльных. Продовольствие в Валуяхках было совсем недорогим, например, за мясо мы платили по копейке за фунт, а за хорошо раскормленного индюка — по 50 копеек. Рыба была в изобилии, однако все покупки приходилось совершать раз в неделю, на пятничном торгу у крестьян, которые в этот день свозили с окрестных деревушек на городской рынок всевозможные овощи, зелень, молоко, мясо и т.д.

Однажды при покупке провизии, которую я чаще всего совершал лично, со мной приключилось своего рода оригинальное происшествие. Приценившись к дюжине фунтов масла, я даю крестьянину десятирублевую ассигнацию и прошу дать сдачи. «Мелочи у меня нет», — отвечает он, — «заплатишь в следующую пятницу». «Как же ты можешь давать мне в долг», — отвечаю я в удивлении, — «не зная меня

* Единица измерения.
1 морг ≈
0.5755 га.

лично и даже не зная, где я живу?» *«Как тебя не знать»*, — был ответ, — *«ведь ты паляк, вы честные люди. Уж нашему брату-то бы не поверил»*. Горячо его поблагодарив, скорее за лестное мнение, нежели за услугу, я показал ему, где живу и попросил прийти в следующую пятницу. И такого рода отношение к нам не было чем-то исключительным.

Местные горожане тоже показали себя упреждающими и вежливыми. Барон Корфф, один из самых богатых землевладельцев округа, вместе со своей супругой, как и некоторые другие, одарил нас, женатых и наиболее основательных людей в колонии, своим визитом. А когда во время маскарада в городе устроили игры с танцами, принять участие были приглашены многие из ссыльных. В то время нам было не до танцев, но, чтобы проявить взаимную вежливость, мы с Могильницким решили *faire acte de présence* * на одной из таких игр, разумеется, без жен. Там велись тайные разговоры, и нам шептали на ухо: «Поспешили вы, господа, с постановкой политического вопроса, стоило подождать нас, потому что мы, *китайцы*, быстро решаться не умеем...» — и тому подобные отдельные высказывания. И как бы в подтверждение тому, что они действительно китайцы, на тех же гуляниях всем известная содержанка местного маршала П... плясала в одной кадрили с госпожой баронессой и другими замужними представительницами общества.

На протяжении первого года в Валуйках колония ссыльных росла практически непрерывно. Из недавно сосланных приехала целая семья Билиньских из Литвы: муж, жена и пятеро маленьких детишек; Станислав Нововойский и Пашкевич из Волыни, немолодая госпожа Шульц с племянницей, госпожой Левандовской, семья Медекшовых, переведенная из Чердыни. Чтобы добровольно проведать Могильницких, приехали его мать и брат Бронислав, а к доктору Качковскому — жена с дочерью и воспитанница.

Здесь нельзя не упомянуть о безумном потоке муравьево-безаковских постановлений, которые последовали за растущим числом добровольных поездок членов семьи к ссыльным. Невзирая на законность паспортов, выданных самими же властями, полиция выполняла тайный приказ задерживать на месте всех прибывающих в страну с визитом и отбирать их паспорта. Из-за этого еврей, приехавший к Качковскому по денежному вопросу, провел в отшельничестве в Валуйках полгода, прежде чем ему удалось из самого Петербурга добиться дозволения на отъезд. Госпожа Могильницкая с сыном были вынуждены пересидеть у нас целый год, а бедной госпоже Качковской, добровольно навестившей

* Фр.
«обозначить свое присутствие»,
«побывать».

престарелого супруга, выпала куда более печальная доля. Проболев несколько месяцев, она распростилась со своей семьей и с белым светом. Ксендз, живущий в Воронеже и обслуживающий три губернии, не успевал выполнить последний христианский долг перед умершей; потому старейший в колонии, восьмидесятилетний барон Клотт взял простой деревянный крест и пошел впереди, молодые на плечах понесли тело, и вся колония, читая молитвы на усупение души, проводила прах почившей на вечный покой.

Это произвело огромное впечатление на местных, и соболезнования их были тем сильнее, что Качковский, известный врач, никому не отказывал в безвозмездном своем совете. Однако и впечатления, и самое сильное сострадание быстро тускнеют, если печальная действительность не движается с места.

Вспоминая Качковского, я должен добавить, каким громадным уважением он пользовался среди русских. Во время революции 1830-го года народное правительство назначило его генерал-врачом целой армии. Должно быть, кто-то из ссыльных сообщил эту деталь жителям Валуек. Достаточно сказать, что не только вольные граждане, но и крестьяне, которые приходили к нему за советом, не звали его иначе, как Ваше *Превосходительство*.

Большое горе посетило в Валуях и меня самого, когда моя жена тяжело заболела желтухой. Пару месяцев мы чрезвычайно за нее тревожились, и лишь с помощью действенных советов доброго господина Кароля Качковского молодые все еще силы превозмогли в конце концов зло. Я и сам немного позже оказался одной ногой в могиле у болотистого Валуя. Какое-то внутреннее воспаление так яростно напало на меня, что уже три врача качали надо мной головами.

Но бывали там и минуты более непринужденные. Прежде всего, чтобы занять наших пусть пока еще и маленьких мальчиков, старшему из которых едва исполнилось шесть лет от роду, я учил, а скорее даже забавлял их основами наук, и на мои уроки также приходил сын Билиньских, который был немногим старше. А молодой Дверницкий просил меня давать вместе с ним уроки французского.

Позднее, когда многие ссыльные пожелаали развлечься какой-либо умственной деятельностью, доктор Качковский взял на себя труд прочитать лекции по естественной истории, Могильницкий — мировой истории, а я, имея некоторое количество учебных пособий, которые привезла жена, взялся рассказывать историю нашей родины. Такие лекции устраивались в домах лекторов два раза в неделю, а поскольку чита-

ли мы их по памяти, приготовления к ним занимали немало времени. По завершении доклада многочисленный кружок оставался выпить чаю и перекусить, и остаток вечера скрашивался музыкой, песнями, чтением стихов или дружескими играми. Зимой кто-то подал идею любительского театра, однако сложности с поиском подходящих произведений оказались непреодолимыми. В угодку желаниям молодежи я постарался написать небольшую комедию, которую с успехом сыграли дважды.

Летняя пора предоставляла куда более разнообразные развлечения в виде дальних прогулок, пикников, купаний, сбора орехов в ближайшем лесу и различных походов за город для упражнений и для забавы. Месяцы и годы сливались друг с другом, и в нашем положении нельзя было даже помыслить о каких-либо переменах.

В 1866 году весть о преступном покушении в Петербурге испугала нас и вселила в нас новую тревогу и неуверенность. Когда, однако, пришло официальное заявление, что на жизнь царя посягнул Каракозов*, то есть чистокровный русский, наши сердца исполнились облегчения, поскольку никакого очевидного повода для усиления преследований не было. Однако всевластным наместникам в Вильне и Киеве думалось иначе. От имени императора, предрешая судьбы даже тех, кто в административном порядке без суда и без предъявления обвинений был выслан из страны, было объявлено всем землевладельцам этой категории, что им милостию даруется два года, чтобы собственноручно продать свое имущество. По истечении указанного срока государство само займется его экспроприацией посредством публичных аукционов, пусть даже и при минусовой цене; при этом (*nota bene!*) не дозволялось покидать места ссылки, предписывалось это делать только с разрешения уполномоченных лиц.

Учитывая единовременно вышедший указ, запрещающий полякам покупать недвижимое имущество во всех наших провинциях, оставалась единственная перспектива: побыстрее найти русских купцов, которые прекрасно осознавали, что через два года они с легкостью купят лучшие участки земли по той цене, какую сами великодушно назначат.

В этой безвыходной ситуации, в крайней степени отчаяния, я схватился за первую соломинку, на которую натолкнул меня случай. После смерти нашего отца, из-за случившейся в стране смуты, раздел имущества между братьями и сестрами не был завершен в соответствии с буквой закона. На этом основании я подал прошение куда следовало, чтобы мне сперва позволили отъехать в родной край для улаживания дел, и

* Революционер-террорист
Дмитрий
Владимирович
Каракозов.

чтобы тогда, когда я уже буду окончательно знать, что именно мне принадлежит, я мог выполнить волю суда и отбыть срок до конца. Вопреки самым смелым ожиданиям во второй половине октября 1866-го года меня отправили в трехмесячный отпуск с любезным дозволением путешествовать без почетного сопровождения полиции. Это была настоящая сенсация, поскольку с тех пор, как четыре года назад начались ссылки, я был первым, кто оказался удостоен милости взглянуть краем глаза на свою родину.

Это было слабым утешением, поскольку трехмесячный срок висел над головой, как дамоклов меч. Мы попрощались с добрыми товарищами по ссылке, которые почти все в волнении сердца проводили нас за три версты до паромной переправы; в печальном настроении духа мы дружески пожали ладони и расстались. Только в глубине души я твердо решил, что уже не буду подвергать опасности возвращения в Валуйки свою бедную жену и детей.

Первый день поездки к Харькову был ясный и сухой; осенней ночью началась слякоть, и дорога стала гораздо трудней: по восемь сильных лошадей в двух тяжелых экипажах с трудом тянули нас. А в Харькове во время однодневного отдыха на беду хватил мороз, и земля затвердела, словно разглаженная гладильным катком.

О краткости отпуска уже и не было речи, ибо умереть месяцем раньше либо месяцем позже — разница не велика, однако жена была на сносях, и каждый день был исчислен и неизмеримо дорог. Эх! с божьей помощью, хоть и маленькими шажками, пускаемся в дальнейший путь. И каким-то счастливым образом минуем Полтаву — и мы уже в Пирятине.

Этот уездный городок был мне хорошо знаком со времен военной службы. В полку весело пролетели два года, молодая трактирщица Анна Ивановна потчевала гусаров хорошо, несмотря на то, что нередко они подтрунивали над ней, а еще чаще — над ее тучным мужем. Хотя прошло уже 20 лет, но пища все так же нужна в дороге, и я велел ямщику ехать прямиком в трактир. Переступив порог того самого дома, узнаю ту же, уже степенную, женщину. «Как поживаешь, Анна Ивановна?!», — удивленно восклицаю я. «Простите», — говорит она, — «простите, но я и впрямь не узнаю вас». «Ну, припомни гусара полка княгини Ольги; однако, потом поговорим, а сейчас, матушка, моя жена и дети голодны, а слуги не ели приличной пищи со вчерашнего дня. Вспомни былые времена, угости путников, как ты умеешь, да поскорее». Добросер-

дечная баба мигом принялась за работу и, не отрываясь от занятия своего, жаловалась, что овдовела, что потеряла мать, а вслед за ней — и детей, что теперь город опустел, трактир никому не нужен, и так захлопотала, что менее чем через час вкусно сваренный обед стоял на столе. А когда после еды я в ответ заговорил о собственной беде, то она заламывала руки и не раз утирала слезы. Едва привели свежих лошадей, я попросил счет. *«Нет»*, — говорит она, — *«вы несчастный, с вас брать деньги грешно»*. И лишь после того, как я принялся настаивать, она приняла скромную плату, благословив нас в путь. Есть добрые сердца на Божьем свете, но почему же они не откликаются на стоны миллионов?

На вторую станцию за Пиряτιным уже опускалась темная ночь, когда мы переезжали длинный вал у деревни Тепловки, принадлежащей князю Долгорукому, и при этом уже слегка поврежденные передние колеса экипажа разлетелись в щепы. Хорошенькое дельце! Однако местность была полностью мне знакома, на этих землях когда-то стоял мой эскадрон, а во дворце князя я бывал частым гостем. Поэтому, несмотря на метель, я оставляю жену и детей посреди вала, а сам пешком торопливо иду ко дворцу через роскошный парк. Должно быть, я плутаю, потому что от здания нет ни следа, только торчат лачуги, жутко воют собаки, да виднеется слабый огонек в маленьком окошке за низкой стеной без крыши. Где собаки, там и люди; кто-то ведь должен там быть; я отмахиваюсь от дворняги и оказываюсь на кухне к великому удивлению дремлющего на лавке сторожа. «Что тут у вас происходит? Где дворец? Где ваша дворня?» *«Дворец сгорел, никого нет, только князь один во флигеле»*. «Ну так проводи меня до его дома, я давний знакомый, а сейчас я в дороге, нужна помощь». «Все это напрасно», — сонно и с неохотой бурчит он; князь слаб и лежит, а единственный слуга куда-то ушел на час. Чудесная перспектива! Однако умиловив сторожа рублем, я последовал его совету и дошел до господина комиссара, который жил поодаль, при хуторских постройках. Удача распорядилась так, что его женой была полька; были высланы люди и пусть с великими трудностями, но экипаж был доставлен на двор комиссара. Там пришлось нам гостить два дня, прежде чем починили колесо, но все это оказалось к лучшему, поскольку моя жена, чувствуя себя нездоровой, все это время пролежала и могла хоть немного отдохнуть. Благородные хозяева уступили нам свои покои и с огромной

предупредительностью заботились о нас. О самом же князе под большим секретом я узнал печальные вещи.

Zaleski, M. (1893). Wspomnienia Marcina Zaleskiego 1830-1873 (s. 269-289). Gubrynowicz i Schmidt.

Перевел с польского языка **НИКОЛАЙ БЕЛОПОЛЬСКИЙ**

II. Из писем Кароля Качковского

Известный и многими ценимый писатель Болеслав Лютотский в недавно опубликованном очерке под названием «Шестьдесят третий» (в издании «Тыгодник иллюстрированный», №19 за 1907 г.) справедливо отметил, что «шестьдесят третий год, проклинаемый одними и незамеченный другими, засыпанный пеплом забвения, еще не нашел своего выразителя, психолога, летописца», что «этот год меньше и хуже всего известен из истории лет, последовавших за разделом [Польши], и о нем мы имеем самое превратное и поверхностное представление». И затем, разбирая причины того, почему до сих пор у нас нет истории того времени, он клеймит вред, который история, политика и практика причинили поколению шестьдесят третьего года, и справедливо утверждает, что «точка зрения из сегодняшнего дня должна нам, по крайней мере, позволить понять неотвратимый ход событий, а также почтить память павших, погибших и замученных во имя правды и веры».

Одним из тех, кто жил в то время, кто заслуживает памяти в веках и может служить примером для грядущих поколений, несомненно был доктор Кароль Качковский.

В письмах из ссылки, которые я привожу ниже, выражается портрет безупречного мужа, достойного гражданина страны, истинного борца за веру и правду, абсолютного патриота. Более известный как профессиональный врач, чем как общественный деятель, Качковский писал письма своему школьному другу из Кременца, позже товарищу по изгнанию, который вскоре вернулся в страну.

Доктор Кароль Качковский родился в Варшаве в 1797 году, закончил Кременецкий лицей, потом получил степень доктора медицины в Виленском университете. Сначала он практиковал в Кременце, к которому чувствовал, как почти все воспитанники Чацкого, сыновью привязанность, потом — в Варшаве, какое-то время во Львове, Владимире-Волынском, в своем имени Пулинах в Вольны, затем — в Бердичеве, в Житомире, наконец поселился в Одессе, откуда был выслан в Сибирь. И повсюду он блистал гражданскими

и национальными достоинствами и пользовался большой репутацией как врач.

Остальное пусть Качковский расскажет о себе сам, в письмах, публикуемых ниже.

В. УЛЬТИМУС¹¹

4 АПРЕЛЯ 1864 г., ВАЛУЙКИ

Уважаемый пан!

Письмо Твое вручил мне господин исправник три дня тому назад по прошествии обычного контроля. Ты, досточтимый пан, без труда поймешь, сколько радости доставило мне Твое письмо, но вместе с тем Ты должны понять, как меня опечалило, что судьба, схожая с моей, оторвала Тебя, досточтимый пан, от семьи, от домашнего очага и бросила в далекую и чужую для Тебя страну. Что делать — такова воля Божья! Среди этого несчастья еще счастлив тот, на кого Бог не обрушил тяжелого удара, и кого Он охранил от потери дорогих людей. Такое несчастье выпало мне — мой единственный сын, моя единственная надежда и утешение, оставил меня на сей земле¹². Такова, Господи, воля Твоя, пути Твои неисповедимы. Слезы и тяжелые вздохи объединяют нас.

Прости мне, уважаемый пан, что на Тебя, опечаленного изгнанием, я набрасываю свой черный саван. Скорбь ищет облегчения. Чувство сострадания не ошибается, и единство (Кременецкой) Школы — тому зарок.

Есть и благодать Божья в том, что, заброшенные в чужой край, мы сблизимся друг с другом и образуем товарищество — тихое, скромное, терпеливое и дружное. Мы надеемся, что в Тебе, уважаемый пан, мы найдем милого друга, а Ты будешь здесь среди своих.

¹¹ Письма Кароля Качковского, написанные им в Валуяхах, были опубликованы под заголовком «Год 1863-й» с предисловием В. Ультимуса в газете «Kurjer Narodowy : dziennik polityczny, społeczny, ekonomiczny i literacki» в №№ 56, 59 и 61, которые вышли 29 сентября, 2 и 4 октября 1915 г. В данной публикации мы решили оставить предисловие В. Ультимуса, по-видимому, ответственного за выбор и редакцию писем. Отметим, что письма до 30 апреля 1864 г. включительно были опубликованы в №56 упомянутого издания, письма до 31 декабря 1864 г. включительно были опубликованы в №59, а все оставшиеся — в №61.

¹² Зыгмунт, сын Кароля Качковского от первого брака, родившийся в 1831 г., умер в Валуяхах в 1863 г. В 1865 г. там же скончалась жена Кароля Качковского Стефания. См.: Szymt, A. (2015). Krzemieńczanin Karol Kaczowski – naczelný lekarz armii powstańczej. W T. Skoczek (Red.), *Powstanie listopadowe 1830-1831: Dzieje, historiografia, pamięć* (s. 33–52). Muzeum Niepodległości w Warszawie.

Трудно заранее условиться о жилье, мы будем искать его, и оно найдется, вместе с содержанием, наверняка, не дороже указанной цены. Все мы здесь живем стесненно, поскольку средства наши сейчас подходят к концу. Что поделять — к материальной нехватке человек привыкает легче.

Здесь часто поговаривают, что пан Дымша тоже собирается пополнить наш круг. Не имею чести знать его лично, но слышал о нем от других, и мое сердце стремится к нему. Разве было бы не чудесно, если бы вы договорились друг с другом и организовали бы себе общее жилье со столованием. Вместе было бы проще и удобней найти что-либо подходящее. Что Ты думаешь об этой затее? Если Ты хочешь для себя отдельного уголка, дай мне знать, и мы, чтобы Тебя порадовать, поищем среди местных жилищ.

30 АПРЕЛЯ 1864 г.

На письмо от 20 апреля, которое мне вручили вчера, я отвечу позднее.

Есть уже готовая квартира совсем рядом с Завадскими — две комнатки с подходящей мебелью, с обслуживанием покоев, с самоваром и чайным сервизом, с водой, четыре рубля ежемесячно.

NB: Услуги касаются только комнат, но не обуви и платья.

Ultimus, W. (1915, września 29). Rok 1863.

Kurjer Narodowy: dziennik polityczny, społeczny,
ekonomiczny i literacki, (56), s. 2.

5 СЕНТЯБРЯ 1864 г.

Не могу удержаться и не написать хоть пару слов любимому Ректору. Почтовая *[каре́та]* отходит, в прихожей и в так называемой «зале» предостаточно пациентов, поэтому не буду все подробно расписывать, хотя был бы рад по-стариковски поболтать.

Приехали Могильницкие. Глава семьи сам был у меня вчера с письмом от любимого Ректора. Был час обеда, и мы разделили, что Бог дал, а добрая Павлинка состряпала. Радость наша была печальной. Такое сочетание существительного с прилагательным — это только наша особенность, его мы понимаем и чувствуем. Прибывших с Волыни я обнял и поцеловал — теперь занимаемся поисками для них уютного уголка. С квартирами тяжело, поскольку и пациенты занимают часть из них. Мы связаны с ними узами товарищества, о целостности которых я неустанно пекусь. Молодым людям я напоминаю Твои слова: «работа и работа, и при том — скром-

ность», — повторяю я и будут повторять они; уж не знаю, что из этого выйдет.

Завтра мы все *in gremio* выбираемся на прогулку — хотим встретить ясные осенние дни в лесу.

Мы будем ждать Его Благородие Губернатора, чтобы хотя бы отчасти познакомиться с Его Особой и с Начальником канцелярии. Окажем почести тем, кто делает нам добро.

9 НОЯБРЯ 1864 г.

Вся наша колония находится в добром здравии и согласии. Усердствуем в работе и учении. Мы поделили между собой географию, историю и естественные науки. Мне достались последние. Раз в неделю нужно что-нибудь рассказать о природе, но память уже подводит, а книг здесь нет. Как бы мне пригодились книги о Вселенной, что-нибудь о гигиене с более глубоким взглядом на все. Выбери мне что-нибудь, дорогой Ректор; несколько рублей я тебе пришлю, как только получу книги. Времени у меня мало, поскольку, как ты знаешь, я днем занят больными, а по вечерам мы встречаемся тут и там, чаще всего у меня.

Работа врача дает мне не много — бедняков больше, чем богатых, словесной благодарности больше, чем материальной. Не раз сожалел о том, что нет здесь Тебя, дорогой пан.

Вы, должно быть, уже получили вести из Воронежа, однако же я обязан, дорогой пан, дать Тебе отчет о своем путешествии. Я приехал через три часа после Твоего отъезда. Очень мне было досадно. Ровно то, к чему я стремился всем сердцем, обошло меня стороной. Я застал нашу дорогую пациентку на первый взгляд в более обнадеживающем состоянии, однако это была просто передышка в бою. Вечером начался сильный жар, болезнь приобретала грозные формы. Незамедлительная помощь быстро дала результат, и через три дня все дурное миновало. Я предоставил благодарных самим себе, а наградой мне была удовлетворенность моих чувств. Случилось то, чего я так страстно желал — отблагодарить за столько услуг, оказанных обездоленным и несчастным. Материального вознаграждения принять я не захотел — стоимость поездки была покрыта, и больше я не взял ни гроша. Это благородный и гостеприимный дом. В дороге и впоследствии в Валуяхах я познакомился с Князем Губернатором. Это чиновник уважаемый, ибо он строг, но справедлив. Колонию нашу он хвалил за то, что она тихая, и правила в ней никогда не нарушаются. Глава канцелярии достоин своего начальника, в нем есть неподкупность, чест-

ность и строгость, превыше всего строгость. Княжна — благородная и вежливая дама, полная христовых добродетелей и милосердия. Я познакомился с несколькими семьями, на что мне хватило пять дней. Словом, поездка была приятная, поскольку погода стояла хорошая; приятной была и остановка в Воронеже, мне оказали вежливый прием и отблагодарили, приятным было и возвращение, поскольку колония сердечно меня приветствовала.

11 НОЯБРЯ 1864 г.

Старые и молодые шлют Тебе, Ректор, знаки надлежащего уважения и благодарность за то, что помнишь нас. Само собой разумеется, что оба пола в этом едины. Я часто повторяю Твои слова молодым и читаю им вслух: «нужно работать и работать». Мы, пожилые и старики, на совесть заботимся о том, чтобы уберечь молодежь от праздности. Увлекаем ее различными занятиями. Мы распределили между собой науку языкам, географии, арифметике, рисованию. Каждый день какая-нибудь лекция — нужно учиться. Когда-нибудь они будут благодарны нам за нашу заботу и братскую доброту. У нас чудесная погода, зима стоит мягкая, без ветра и снега. Сама дорога неплохая, однако белый покров очень тонкий.

31 ДЕКАБРЯ 1864 г.

Завтра начинается Новый год. Старый прошел в терзаниях душевных и сердечных. На все воля Божья! Лишь бы наступающий год светил нам счастливой звездой, всегда развевал черные тучи и принес нам радостные и мирные дни.

Посылаю в ответ свой Билет (фотографию).

Колония наша находится в добром здравии, поскольку я хворать никому не позволяю, хотя сам страдаю насморком. В сочельник мы разделимся пополам: будем праздновать в двух домах по 24 человека...

Ultimus, W. (1915, paŹdziernika 2). Rok 1863.

Kurjer Narodowy: dziennik polityczny, społeczny, ekonomiczny i literacki, (59), s. 2.

26 МАЯ 1865 г.

Уж седые брови мои стали хмуриться, так давно я не получал вестей от тебя, любимый Ректор. Но вот приносят мне столь вожделенное письмо. Сразу же у меня посветлело в глазах и отлегло от сердца. Слава Богу, ты здоров и снова идешь своим путем. Письмо от тебя, любимого нашего товарища, передается из рук в руки по всей колонии. Каждая

деталь в нем глубоко нас волнует, потому что все это свое, любимое, уважаемое, чтимое. О, если бы только исполнилось твое пророчество, и мы вскоре встретились на *[Ясной]* Горе! Потому что души наши желают того же — если бы тело было свободным — молиться о свободе и сердечном утешении у подножия алтаря в Ченстохове. Мы мечтаем об этом в нашем домашнем кругу. Колония наша слегка перехворала, теперь все стоят на ногах и практически здоровы. Почти все мы пьем сыворотку, иногда отдельно, иногда с соками. Холода, порывистые ветры, сильная засуха не слишком способствуют лечению, мы пытаемся лавировать, как умеем. Мне приятно заботиться о здоровье нашей доброй маленькой компании.

До сих пор мы смогли совершить лишь одну поездку в монастырь. Когда бы кто со стороны взглянул на наши две товарищеские цепи, сразу бы понял, если он способен мыслить и чувствовать, что узы в них спаяны общим чувством, что они объаты тоской, и что лишь надежда, как утренняя зоря, веющая легким теплом, вырывает у нас радостные слова. Фотографический аппарат уловил бы только печаль в каждой черте лица. Ты и сам был звеном в такой цепи, такая бедственная жизнь тебе знакома.

Наша семья Могильницких едет на пару недель в Воронеж. У Костровицкой есть надежда, что она скоро вернется в родимый дом.

Здоровье мое подобно дереву, разбитому ударом молнии. Обломки его разлетелись, часть ствола остается еще в земле, еще тянет из нее соки, однако потихоньку опадают остатки коры и ветки с пня. И лишь зеленый листок свидетельствует о том, что остатки жизни выполняют свое предназначение. Дорогая моя жена, милые мои девочки, Каролька и Павлинка, не дают моей жизни разрушаться, и я тоже подбадриваю себя, как могу, и ищу тот живительный материал, которым являются работа и воспоминания о друзьях.

28 ФЕВРАЛЯ 1867 г.

Печально мне было на сердце, что от тебя, честной мой приятель, я не получил ни словечка. Не утешений я прошу, ибо один Бог утешит такую боль в сердце, но лишь весточки от тебя. Где ты? Как твои дела? Посреди гонений и личных несчастий человек с трепетом ждет и даже требует некоего утешения от тех, кто дорог его сердцу. Я понес страшную утрату в лице дражайшей моей жены, которая после множества тяжелых скитаний добралась до меня, чтобы улады семейной жизни развеселили угрюмого старика. Конечно, жена, дочь и воспитанница принесли мне тихое и блаженное до-

машнее счастье — омрачала его лишь тоска по второму сыну. Однако же мрачные дни моей жизни были скрашены присутствием дорогих мне людей. Но грянул гром! Пропало солнце, закончились счастливые дни! Я пережил тяжелый приступ болезни горла. Целую ночь не отходила от меня дорогая моя жена, а когда захотела освежиться блеском утренней зари в первых числах июля, вышла на холод, и в ту же минуту у нее начался сильный жар; она вернулась в свою комнатку и с кровати уже не встала. У меня самого был жар, и я уже утратил мужество и надежду, хотя раньше всегда лечил ее сам, и даже во время самых тяжелых болезней ни от кого не нуждался в помощи. В этот же раз я был всего лишь смятенным консультантом, а вернее даже наблюдателем, который с ужасом и отчаянием смотрит за развитием болезни. В то время, как меня пытались утешить врачи, я чувствовал и видел близость смерти. Свершилось! — после потери сына я потерял и своего первейшего товарища. Мы с Каролькой и Павлинкой стали словно сироты. Мы насыпали могильный холм из чужой нам земли. Зеленый покров на нем, орошенный нашими слезами, послушно соединился с землей, будто бы укрепляя могилу. Ах, если бы сама природа могла бы встать у нее на страже! Люди будут дурно с ней обращаться, разобьют ее!

Мы трое, сироты, мечтали о будущем, о том, как мы вместе будем жить, и тут разрушились наши мечты. Дядя Павлинки, бездетный старик, эгоист, скупец, никогда ни единым грошом не помогавший племяннице, вдруг вызывает ее к себе, угрожая навредить ей морально и материально, если она не будет послушна его воле. Подчинение, которое завещал нам естественный закон, и страх перед утратой ее материального благополучия вынудили нас выслать дорогое дитя в Подолье. Получив благословение и всевозможную помощь, вместе со специально нанятой для этой поездки служанкой, она выехала от нас через несколько недель после смерти своей попечительницы. Теперь дочь для меня все — моя подруга, моя попечительница. Под стражей ее любезного сердца тянутся мои дни, в глубокой душевной тоске. Я доживаю остаток жизни в полной покорности Божьему приговору. Работой пытаюсь притупить больные свои чувства. Всегда много желающих обратиться ко мне за советом, это занимает меня на время, хотя материальной выгоды от этого мало. Зимой я никуда не выхожу. Мы жадно читаем несколько газет и литературных журналов. Выписываем *Revue des deux mondes*. Мы охотно общаемся, как и раньше. Правда, наша колония становится все печальней, поскольку доходы каждого из нас чрезвычайно страдают. Кроме того, многие из нас уехали. У нас есть

дозволение выехать в Херсон — ждем весны. Все оставшиеся хорошо себя чувствуют. Мы понесли новую тяжелую утрату в связи со смертью П. Собаньской, тети Карольки — траур не прекращается в моем доме. Что делать! Логика и разум не могут постичь этой загадки жизни. Почему?.. За что?.. Но мы идем дальше — финал близок — со спокойной душой, с чистой совестью, в любой момент жизни мы будем готовы сказать: «Да будет, Господи, воля Твоя! Аминь.»

Ultimus, W. (1915, października 4). Rok 1863.

Kurjer Narodowy: dziennik polityczny, społeczny,
ekonomiczny i literacki, (61), s. 2.

Перевел с польского языка **НИКОЛАЙ БЕЛОПОЛЬСКИЙ**

Арест Аркадия Животко большевиками в 1918 году в его воспоминаниях

АРКАДИЙ ЖИВОТКО, ПРЕДИСЛОВИЕ ВЯЧЕСЛАВА
ЛАНДАКОВА

Предисловие

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕАЛИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ на рубеже XIX–XX веков были таковы, что Слобожанщина уже давно утратила свою автономию, а часть ее территории оказалась включена в состав соседних губерний. Территория Острогожчины была почти полностью передана в Воронежскую губернию, где длительное отрицание украинской идентичности слобожан сформировало особую региональную ситуацию, в украинской традиции обозначаемую как Подонье.

Несмотря на свое особое положение, Подонье сохраняло живую украинскую культурную традицию, проявлявшуюся в общественной, научной и творческой деятельности его уроженцев.

Одним из представителей этой культурной среды начала XX века был Аркадий Животко, уроженец слободы Пухово Острогожского уезда. Соединив в себе слобожанскую

традицию и классическое образование, он сделал изучение и осмысление истории своего края центральным делом своей научной и общественной деятельности.

Существенное влияние на формирование взглядов Животко оказал общий интеллектуальный кризис позднеимперской эпохи, осмыслявшийся современниками как утрата государством способности выражать культурную и историческую специфику регионов. В русской и украинской мысли этого времени — у Л. Н. Толстого, М. П. Драгоманова, И. Я. Франко — империя все чаще рассматривалась как форма власти, сохраняющая административную целостность, но утрачивающую связь с живыми культурными реалиями^{1 2 3}.

Воспитанный в украинской культурной среде Подонья, Животко получил общее образование в воронежской гимназии. Уже в юности проявился его интерес к общественно-политической деятельности: связь с партией эсеров привела к его временному отчислению из гимназии⁴.

Продолжив образование в столичном университете, он становится частью студенческого украинского национального движения, развитие которого позднее на родной Острогожчине стало для него делом всей жизни.

Революционные события 1917 года и последующий распад империи открыли для Животко возможность активного участия в украинском общественном и культурном движении. В этот период он был вовлечен в работу украинских образовательных и государственных инициатив, связанных с процессом национального самоопределения.

После революции 1917 года и временного прекращения преследования украинского национального движения, Животко более открыто ведет общественную и политическую деятельность. Он становится одной из ключевых фигур украинской жизни Подонья и представляет этот край в Центральной Украинской Раде, выражая политическую волю местно-

¹ Толстой, Л. Н. (1952). Рабство нашего времени. В *Полное собрание сочинений Л.Н. Толстого в 90 томах* (Т. 34). Государственное издательство «Художественная литература». (Оригинальный текст опубликован в 1900).

² Драгоманов, М. П. (1915). *Чудацькі думки про українську національну справу* (Партія Українських Соціалістів-Революціонерів). Наклад і друк партійної друкарні.

³ Франко, І. (1917). Що таке поступ? Накладом Української Книгарні. <https://diasporiana.org.ua/ideologiya/12272-franko-i-shho-take-postup/>

⁴ Животко Аркадій Петрович. (2021, ноябрь 9). Воронежская энциклопедия. <https://vrnency.ru/vol-2/ve-2-zh/b-00060-zh>

го населения, которое стремилось к воссоединению с Украиной⁵.

В 1917–1918 годах Животко участвует в украинском государственном строительстве в Киеве, посещает Воронеж и Острогожск. Однако поражение Украинской революции, крах Украинской Народной Республики и установление советской власти сделали дальнейшую деятельность на родине невозможной. После наступления большевиков в начале 1919 года, он был вынужден покинуть территорию УНР⁶.

С начала 1920-х годов Животко находился в эмиграции. Проживая на Волыни и в Кременце, находившихся под контролем Польши, он занимается публицистической и педагогической деятельностью и становится заметным деятелем украинской эмиграции⁷.

В поисках более устойчивой украинской интеллектуальной среды, в 1923 году Животко переезжает в Прагу — столицу Чехословакии, где проводилась политика поддержки украинской эмиграции и сформировался так называемый Пражский украинский центр⁸.

Значительная часть его жизни и научной работы прошла именно в Праге — одном из главных центров украинской интеллектуальной эмиграции межвоенного времени. Здесь Животко преподает в Украинском высшем педагогическом институте имени Драгоманова, занимается историческими исследованиями, архивной и издательской работой и входит в Украинский исторический кабинет⁹. Его активность в сохранении и осмыслении украинского исторического опыта приобретает огромное значение на фоне его вытеснения и искажения в советском каноне.

Во время нацистской оккупации Чехословакии Животко продолжал работать как сотрудник, а затем и как один из руководящих работников Украинского исторического кабинета, включенного в структуру архивов протектората.

В апреле 1945 года, с приближением Красной армии и перед лицом угрозы репрессий как эмигрант УНРовского круга, он был вынужден эвакуироваться из Праги.

После эвакуации, Животко оказался среди украинских перемещенных лиц в Германии, в американской зоне окку-

⁵ Голобуцкий, П. В. (2005). Животко Аркадій Петрович. В В. А. Смолій (Ред.), *Енциклопедія історії України* (НАН України, Інститут історії України, Вип. 3). Видавництво «Наукова думка».

⁶ Ор. cit. (2021, ноябрь 9). *Воронежская энциклопедия*.

⁷ Голобуцкий, П. В. (2005). Ор. cit. *Енциклопедія історії України* (Т. 3).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

пации, в Асхаффенбурге, где получил статус перемещенного лица. Здесь оккупационная администрация разрешила ему продолжать его деятельность, и он стал одним из руководителей архивно-музейной работы украинской эмиграции, занимаясь сохранением украинских архивов в тяжелых условиях послевоенных лагерей перемещенных лиц¹⁰.

Именно здесь, в Асхаффенбурге, 12 июня 1948 года Аркадий Животко преждевременно умер, так и не вернувшись на родину¹¹. Его жизненный путь — от слобожанской глубинки через имперский образовательный центр к европейской эмиграции — отражает судьбу целого поколения украинских интеллектуалов, оказавшихся между крахом империй и несостоявшейся национальной государственностью.

Труды Аркадия Животко сохраняют особую ценность как свидетельство украинской интеллектуальной традиции Подонья и эмиграции, а также как попытка восстановления исторической непрерывности слобожанской украинской культуры, прерванной насилием, цензурой и изгнанием.

Печатаемый здесь отрывок из дневника Аркадия Животко об аресте в январе 1918 года был впервые опубликован в 1923 году в Праге, уже после его вынужденного отъезда из Подонья и вскоре — из страны, оказавшейся под контролем большевиков¹². К этому времени исход украинской революции был уже ясен: независимые политические и культурные структуры ликвидированы, украинское движение подавлено, а его активные участники либо уничтожены, либо вытеснены в эмиграцию.

Дыша украинской мечтой, Животко улавливает разлитую в воздухе отраву лжи и насилия новой власти и прощается с родным Подоньем навсегда.

¹⁰ Тимошик, М. С. (2002). Аркадій Животко та його роль у ствердженні українського журналістознавства в діаспорі. *Українське журналістознавство: зб. наук. статей*, 3, 56–61.

¹¹ Голобуцький, П. В. (2005). Ор. cit. *Енциклопедія історії України* (Т. 3).

¹² Животко, А. (1923). *З мого щоденника. Вільна спілка: Неперіодичний орган літератури, науки та громадського життя*, Ч. 2, 14–22.

І. Аркадій Животко. «Из моего дневника»: перевод на русский язык с примечаниями

ВЫЛ ЯНВАРЬ 1918 ГОДА. ПАМЯТНЫЙ ЯНВАРЬ. На Воронежчине только что установилась советская власть. Просветительский кружок украинской молодежи села Р.* Острогожского уезда пригласил меня прочитать доклад на Шевченковском вечере. Я только что в тот день вернулся домой из поездки по уезду. Получив телеграмму, должен был выехать через несколько часов, чтобы заранее увидеться с членами кружка и сориентироваться в том селе, в тех уже неопределенных в то время настроениях, которые местами начали принимать конкретные выступления против украинского движения. Сказал об отъезде своим, старым физически, но молодым в те дни духом и верой и любовью к возрождению Украины, родителям. Предчувствие чего-то недоброго охватило всех нас в тот день.

Чувствовалась какая-то настороженность.

Промелькнула грусть.

После обеда ко мне пришли кружковцы нашего села — члены Совета местной «Просвиты» и комитета Селосоюза — Павел, Илько и Свирид¹³.

Болтали, обменивались впечатлениями от последнего крестьянского съезда, который несколько дней как закончился и на котором так блистательно провалились представители большевиков и советской власти на Острогожчине, во главе с довольно грязным и ненадежным человеком — Рыжковым¹⁴. Вспоминались их выступления и картина, когда они должны были покинуть съезд.

* Село Россошь Острогожского уезда (сегодня — город Россошь Воронежской области).

¹³ Аркадий Животко был одним из создателей отделения Общества «Просвіта» (рус. «Просвещение») в сл. Пуховой Острогожского уезда. Общество «Просвіта» — организация возрождения и поддержки украинской культуры. Подробнее об украинском национально-освободительном движении в Острогожском уезде См.: Животко, А. (1942). *Острогожчина: Осередок Подоння*. Видавництво «Колос». А ТАКЖЕ: Животко, А. (1943). *Подонь: Українська Вороніжчина в культурному житті України*. Видавництво Юрія Тищенка. — Примеч. ред.

¹⁴ По состоянию на 1917 г. Рыжков упоминается среди членов Острогожского уисполкома и ревкома. См.: Обращение Острогожского временного революционного комитета к гражданам и солдатам с призывом твердо стоять на страже завоеваний революции. 30 августа 1917 г. (1957). В *Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917-1918 гг. (Сборник документов и материалов)* (с. 137). Воронежское книжное издательство. — Примеч. ред.

Советовались о распространении просветительской работы, об открытии таких просветительских кружков в тех ближних селах, где их еще не было, о съеме большего помещения для читальни-библиотеки, о распространении кооператива и т.д. Чем дальше, тем больше я чувствовал и видел из той информации, которую имел от своих товарищей, что просветительская работа и интерес к ней охватывали все более широкие круги крестьянства. Казалось, силы росли.

Заговорив о моей поездке в Р., помню, Павел выразил мне свои опасения в связи с моими последними выступлениями, как в Острогжске, так и в некоторых соседних селах... Не советовал ехать. То недоброе настроение передалось всем присутствующим.

Но там меня ждали мои друзья по работе, мои товарищи. Я должен был ехать. Я верил и надеялся, что через день, через два я смогу вернуться снова домой и тогда уже больше времени уделить работе в своем селе. На том, в конце концов, и порешили.

Когда же прощался с товарищами-крестьянами, то как-то невольно у меня вырвалась просьба, чтобы, если бы что и случилось недоброго, помнили своего друга (так они меня все время называли), а также, чтобы не забывали в дни печали моих старых родителей — навещали их¹⁵.

Попрощались.

Перед отъездом, по результатам разговоров того вечера, я оставил письмо ко всем односельчанам, которое написал еще до крестьянского съезда, но в распространении которого тогда не было необходимости, потому что я был на съезде лично. В этом письме я старался подробно объяснить ту грязь, тот обман и демагогию, которыми уже нагло начали оперировать так называемые руководители судьбы нашего крестьянина и рабочего. В этом письме я подробно остановился на характеристике украинского движения вообще и на Воронежчине в частности, на тернистом пути этого движения, остановился на значении для нас Центральной Рады и на ее задачах, а также из кого и как она состоит, далее охарактеризовал таких лиц, как М. С. Грушевский, В. К. Вин-

¹⁵ В начале 1919 года, уже в Каменце-Подольском, случайно пришло мне дорогое письмо от родителей. Это было уже последнее известие. Из письма я узнал, что мои друзья и товарищи-крестьяне всей общиной действительно не забывали моих старых родителей, во всем стараюсь защитить и помочь им в час печали. Такое сердечное и чуткое отношение было не только со стороны односельчан, но и от соседних сел, что вызвало в душе отца, который писал мне, чувство глубокой благодарности к ним и веру в лучшее будущее, которую он, старик, передал и мне. — Примеч. авт.

ниченко и других выдающихся членов нашего парламента и правительства^{16 17 18}.

На вокзал меня провожал отец и, как всегда, прощаясь, благословил, прося не задерживаться долго и приехать домой хотя бы на несколько дней.

— Ведь сейчас праздники (это были рождественские праздники), — добавил он, когда я уже залезал в товарный вагон, полный разного люда.

Это было мое последнее свидание и последнее прощание с моими родителями; с теми, кто научил меня любить то, что дорого для меня и по сей день.

В селе Р. меня поразил тот пьяный хаос, который там царил, и который я почувствовал еще на вокзале.

Был уже вечер. Я нанял извозчика, последнего, который еще оставался. Подошел какой-то сударь и, почему-то пытаюсь говорить по-украински, попросил его подвезти. Я, правду говоря, хотел избежать этого, но он, не дожидаясь моего ответа, уже устроился рядом со мной, говоря извозчику ехать. Что же делать? Пришлось согласиться. По дороге мой сосед очень интересовался жизнью нашего города, пытался расспрашивать; спрашивал, по каким делам я приехал в Р. и т. д. У меня же не было никакого желания разговаривать, и я либо просто молчал, делая вид, что не слышу, так как устал, либо отвечал очень кратко. Он мне не понравился. Что-то слишком развязное и настойчивое было в его поведении. А еще речь. Я же видел его впервые. Почему он

¹⁶ Впоследствии, уже также в Каменце, я случайно встретил одного беглеца, который, между прочим, рассказывал мне о том, что это письмо долго циркулировало по деревням моей волости. — Примеч. авт.

¹⁷ Украинская Центральная Рада (УЦР) — общественно-полит. организация, созданная в марте 1917 г. в Киеве, ставшая руководящим органом укр. нац.-освобод. движения и высшим законодательным органом УНР, провозглашенной в ноябре 1917 г. III Универсалом. Существовала с марта 1917 г. по апрель 1918 г., приняла ключевые универсалы, Конституцию УНР, законы, герб, гимн, но была распущена после переворота П. Скоропадского. См.: Верстюк, В. Ф. (2019). Українська Центральна Рада. В. А. Смолій та ін. (Редкол.). В *Енциклопедія історії України: Україна—Українці* (Кн. 2). НАН України. Інститут історії України. http://www.history.org.ua/?termin=Ukrainska_Tsentralna — Примеч. ред.

¹⁸ Винниченко Владимир Кириллович (род. 1880 – † 1951) — украинский прозаик, драматург, политический деятель, игравший ключевую роль в Центральной Раде. После Февральской революции 1917 г. стал заместителем председателя УЦР, а затем возглавил Генеральный Секретариат, выступая за политическую самостоятельность Украины, провозглашенную IV Универсалом. В 1918 г. руководил Директорией, организовав восстание против гетмана Скоропадского. См.: Панченко, В. Є. (2005). Винниченко Володимир Кирилович. В *ЕСУ* (Т. 4). <https://esu.com.ua/article-34033> — Примеч. ред.

так старался с первого же слова говорить по-украински, что получалось как-то нехорошо.

Так въехали в село. Я сказал извозчику остановиться на одной из улиц у рынка и пошел пешком, не обращая внимания на «товарища» по путешествию.

В селе еще продолжалась пьяная вакханалия дня из-за разгромленного винного склада. Было еще не очень поздно, и я решил сразу же навестить своих друзей. Зайдя к одной из девушек из кружка, я узнал, что меня ждут и что некоторые уже собрались.

Мы пошли вместе в кружок.

Мрачное настроение я застал среди молодежи кружка. После обсуждения ситуации выяснилось, что если завтра будет то же самое, что и сегодня, а судя по всему, так и будет, то назначенный вечер, безусловно, не состоится. Некоторые еще спорили и доказывали, что организация таких вечеров и выставок может помочь отвлечь внимание от винного склада, но это были лишь единичные и совершенно неубедительные доводы.

Согласились вечер отменить, а день использовать для организационных дел кружка. Кроме того, я надеялся в этот день провести совещание с кем-то из местных крестьян, близких мне, с которыми я все время поддерживал связь.

На этом и разошлись, договорившись сообщить тем, кого не было в этот вечер, собраться на следующий день после обеда, с тем расчетом, чтобы вечером я смог уехать.

Уже около полуночи я пошел в так называемый отель, в котором обычно останавливался, когда приезжал в Р., и в котором было две маленькие комнатки (два «номера», как говорила, гордясь, хозяйка).

Уставший за последние дни, не спавший предыдущей ночью, так как был в пути, я сразу же лег и крепко заснул.

Проснулся утром от тревожного стука в дверь и разгрома за ней. Узнал голос хозяйки и девушки из кружка, к которой я заходил вчера. Впустив в комнату девушку, которая была ужасно встревожена и волновалась, я узнал, что в течение уже некоторого времени сегодня разные личности неопределенного вида (думали, что их со стороны привлек запах спирта) расспрашивают обо мне и угрожают. Спрашивали и у ее родственников, и у нее самой. Посоветовавшись с кем-то из своих, она прибежала предупредить меня и сказать, что не стоит собираться сегодня, как решили. Я полностью согласился.

— А вам, — добавила она, — лучше не выходить до вечера отсюда. Так все говорят. Я буду как-то информировать вас обо всем, а вечером можно будет незаметно пройти.

Вот так! Добровольный арест, значит. Хорошее дело! Нет, если уж так, то лучше сразу как-нибудь выбраться на вокзал, а по дороге, возможно, еще и навестить кого-нибудь. У меня были дела, и хотелось переговорить с кем-нибудь из членов уездного крестьянского совета, которые в тот день были дома. Так я и сказал ей. Передав некоторые соображения кружку молодежи и попрощавшись с подругой, о которой и сейчас сердечно и тепло вспоминаю, я вышел из «отеля». Переходя через площадь, вдруг оказался среди каких-то двух сударей. Один из них, указывая на меня, спросил кого-то из группы, стоявшей в стороне:

— Это он?

Из группы вышел один в тулупе и, улыбаясь, кивнул головой. Я взглянул на это лицо: знакомое, но сразу не мог вспомнить, где мы встречались. Вспомнил уже позже. Вспомнил, как этот дядька некоторое время назад в солдатской шинели в Острогжске грозился мне кулаками и орал: «Мы тебе покажем Центральную Раду! Всякие там буржуи выдумали какую-то Украину, и он туда же!» Сударь, который спросил, взял меня за руку и потянул. Я запротестовал, освобождая руку.

— Не разговаривай! — но руку отпустил. Я спросил, что это значит. Более мягко ответил на это второй:

— Приказано проверить Ваши документы.

Меня повели к комиссару, как называли его мои «охранники». Маленькая комнатка. За столом такая же маленькая, незаметная фигура комиссара. На столе револьвер.

— Для чего? — промелькнуло у меня в голове.

— Это кто? — спросила фигура из-за стола.

— Арестовали на базаре, — ответил первый.

— Покажите Ваши документы, — обратился комиссар уже ко мне. Достая единственный документ, который был при мне (кроме украинских удостоверений и членского билета Ц. Р.) — «Удостоверение П.-Н. Института», адресованное на представление военному начальнику в начале 1917 года¹⁹. Показываю. Долго вертит и рассматривает этот документ. Наибольшее его внимание привлекла печать — старорежимная.

¹⁹ В 1917 г. Аркадий Животко окончил Психоневрологический институт в Петрограде. См.: Тимошик, М. С. (2009). Животко Аркадий Петрович. В ЕСУ (Т. 9). <https://esu.com.ua/article-19111> — Примеч. ред.

— Что это Вы мне показываете? Разве это документ? Я спрашиваю Вас, есть ли у Вас наш документ? — вспылила фигурка за столом.

— Нет, не имею.

— Не имею, — передразнил он.

— А как следует говорить не можете²⁰?

— Я отвечаю так, как могу.

— Не лгите! А на каком же Вас учили?

— Я отвечаю Вам так, как умею, — повторяю.

— Ну, мы с Вами поговорим по-другому. Сразу научитесь. Выскочит хохлацкая дурь. Уведите его пока что! — обратился он с последними словами к первому «блостителю пролетарского порядка».

Оказался в каком-то «хлеву». Холод ужасный. Грязь. Пола нет. Сесть не на что. Одно маленькое окошко без стекол. Дверь заперли на засов, и кто-то еще встал возле нее, наверное, какой-то часовой.

Осматривая свой новый «номер», думал, не стоит ли покинуть его каким-нибудь способом, но, поразмыслив, решил, что, вероятно, все это какое-то недоразумение, и меня отпустят, а попытка бежать может навредить. Лучше подождать. Не впервые. А может, и не в последний раз. Нужно закалять себя. Такие мысли бродили в голове. Было очень холодно. Чтобы хоть немного согреться, я ходил из угла в угол, делал разного рода гимнастические упражнения и даже начал танцевать. Во время использования такого «свободного» времени дверь открылась, и в «хлев» ввели какого-то мужчину. Он казался хорошо выпившим. Сразу начал мне жаловаться на «порядки», ругать их и, наконец, перешел к «критике» новой власти. Я держался настороженно. Главное, от этого пьяного не было слышно специфического алкогольного запаха. Да и речь казалась подозрительно украинской. Я полностью занялся согреванием себя. От холода начало ужасно ломить ноги... Было холодно, больно. Мне была безразлична болтовня моего «товарища», и я почти не поддерживал его попытки завязать разговор. Через некоторое время дверь снова открылась, и его куда-то увели. Только к вечеру пришли за мной. Привели снова в ту же комнату комиссара.

— Ну, г-н Украинец, как Вы провели время? — встретила меня фигурка за столом. Молчу.

— Что же, будет сегодня вечер, того, как его, вашего Шевченко? Вы же приехали сюда свои речи распускать?

²⁰ Этот сударь все время говорил на очень плохой мешанине из украинского и московского языков, стараясь как можно лучше говорить по-московски, что иногда приводило просто к курьезам. — Примеч. авт.

Молчу.

— С Вами говорят, прошу отвечать! — раздраженно воскликнул комиссар.

— Я приехал по своим делам.

— Какие же это Ваши дела? — ухмыляясь, язвительно спросил он.

— Хотелось купить себе кое-что из одежды. Но когда вышел на рынок, меня там арестовали, вероятно, по недоразумению. Что же до того, кто я, то Вы можете спросить хоть по телефону в Л. Волости²¹.

Я надеялся на хороший ответ оттуда.

— Да-да, это мы и без Вашего совета уже сделали. Знаем Вас. На этот раз я Вас отпущу, но советую оставить свои глупости и не показываться с ними к нам, иначе... — далее этот сударь перешел на более мягкий тон и начал уговаривать меня относительно работы с ними, доброго отношения, объяснял мне, что такое «советская власть». От этого объяснения не раз хотелось искренне рассмеяться, такая наивность была в мыслях и словах. Мне думалось, что он как-то по ошибке попал за этот стол, в эту комнату, что, на самом деле, это лучший «экземпляр» буржуазного строя, со всеми его негативными чертами. Каким образом этот сударь попал в «социалисты»?

Я не считал нужным вступать с ним в какие-либо разговоры, и когда он закончил свое «нравоучение», я начал настаивать, чтобы меня отпустили. Сударю «социалисту», вероятно, не понравилось мое равнодушие к его «красной» речи, и он снова перешел на свой обычный тон.

— Мы выйдем из ваших голов всякие там «Рады». Хватит уже ваших генералов, — кричал он, но в конце концов все же отпустил.

По правде говоря, я очень обрадовался такому, собственному, неожиданному для меня концу и сразу же направился на вокзал, чтобы быстрее уехать. Но неожиданности дня не закончились.

На вокзале было много людей самого разного характера. Больше всего было солдат в серых шинелях. Кое-где происходили «акты» срезывания погон у тех, кто еще не успел или

²¹ Вероятнее всего, речь идет о Лысянской волости Острогожского уезда, поскольку в ее состав входила сл. Пуховая, где родился Аркадий Животко и где он занимался политической деятельностью до своего отъезда из Воронежской губ. в 1918 г. О принадлежности сл. Пуховой к Лысянской волости См.: РГИА Ф. 592 Оп. 7 Д. 1328 *Государственный крестьянский поземельный банк. Дела по выдаче ссуд. Воронежская губерния. Острогожский уезд. О ссуде товариществу крестьян на покупку земли. 8 мая 1901 г.* — Примеч. ред.

не подумал об этом сам. Эти «акты» происходили под аккомпанемент смеха и грязной московской брани. Было здесь на вокзале также много и таких, которых привлек запах спирта из разбитого винного склада. В разных местах можно было видеть маленькие пирушки. Были пьяные и подвыпившие. Попадались женщины с мешками, наполненными бутылками с водкой. Поезда, на котором я мог бы уехать, еще не было.

Я притулился у одного из столов. Хорошо замерзнув и наголодавшись в «гостях» у Р. комиссара, теперь, хоть и в душной, но по крайней мере теплой атмосфере, поужинав и склонив голову на руки, я задремал.

Не знаю, сколько времени прошло. Вдруг я почувствовал, что меня кто-то толкает. Подняв голову, я увидел возле себя трех вооруженных солдат. Сначала я ничего не мог понять, в чем дело. Наконец понял. Пришли за мной, потому что приказано отвести меня к коменданту. Почувствовал неладное. К тому же, я увидел рядом с собой вчерашнего попутчика с вокзала. Встретились глазами. Он сразу же повернулся и куда-то исчез. Пришлось идти. Комендант, вооруженный, как говорят, до зубов, перепоясанный для чего-то лентами с патронами, встретил меня пронзительным взглядом.

— Поставьте ближе эту хохлацкую сволочь! — бросил он в сторону моих охранников хорошей московской речью.

Меня подвели к столу, на котором среди бумаг валялись недоеденные куски хлеба и колбасы. В комнате было много каких-то людей. Кто именно там был, хорошо не помню, кроме двух молодых парней в серых шинелях, также арестованных, как я узнал из допроса, за какой-то шпионаж на Донецком фронте.

— Как имя? — обратился ко мне комендант, приготовившись записывать.

— А. Животко, — коротко ответил я.

— Животков? — подняв голову, с нажимом переспросил он.

— Нет, Животко, — также с нажимом ответил я.

— Бросьте свои выходки. Вам же лучше будет, — продолжил комендант.

— Я отвечаю на Ваш вопрос, — говорю ему.

— Прошу отвечать мне на «русском языке».

— Я не умею.

— Тогда мы Вас сегодня научим, если не научились в университете, — злобно посмотрел он на меня.

— Я в университете не учился, — отвечаю, и мне становится как-то противно смотреть, как начинает раздражаться этот новый «охранник».

— Знаем Вас, поповское отродье! Вы состоите членом Центральной Рады?

— Да, я член Центральной Рады.

— К какой партии принадлежите?

— Я украинский соц.-революционер, — отвечаю.

— Вы хохлацкий бандит, а не соц.-революционер, — уже бросив свои бумажки, обрушился он на меня, — какой Вы социалист?!

— Я член партии, которая ставит своей задачей достижение социалистического строя и улучшение судьбы украинского крестьянства, — уже нервничая, отвечаю я и чувствую, что начинаю все больше волноваться и нервничать.

— Вы были комиссаром по украинским делам?

— Да, несколько дней был таким, но потом отказался.

— Почему Вы отказались?

— Потому что увидел, что наши задачи и интересы разные, и что меня могут использовать перед нашим крестьянством в тех направлениях, с которыми я согласиться не могу.

— О каких направлениях вы говорите?

— Я говорю о ложной и враждебной информации о Центральной Раде, а также о враждебности в сущности всех москвичей к украинскому возрождению.

Мне хотелось как можно быстрее отвечать. Хотелось остро ударить этим отвратительного нового «охранника» старого типа, который так напомнил мне давние времена петербургской охраны и убитого теперь знаменитого охранника фон Котена, который когда-то так убеждал меня в том, что революционные идеи — это выдумки евреев, и что служить и помогать «Охранному отделению» — значит служить роду.

В то время и охранник фон Котен, и жандарм Вишневский получили мой ответ. Теперь настало время дать ответ новому «охраннику», новому жандарму «рабочей, социалистической» власти. Было противно.

— Что Вы делали в Р.? — продолжил комендант.

— Собственно ничего, кроме того, что целый день промерз под арестом, — ответил ему.

— Я Вас не об этом спрашиваю. Прошу отвечать более серьезно. Зачем Вы приехали в Р.? — раздраженно воскликнул он.

— Мне нужно было кое-что купить для себя.

— Это ложь. Нам известно, зачем Вы приехали. Мне приказано Вас задержать и поступить с Вами, как с врагом советской власти.

Последние слова ударили меня ужасом, и целый рой тревожных мыслей закружился в голове. Дело принимало более серьезные формы, чем я думал.

— Отведите в сторону, — кивнул он на меня охранникам.

Я отошел, а мое место занял сударь, который утром на площади подтвердил, что я «тот самый».

— Вы знаете этого человека? — спросил комендант, указывая на меня.

— Так точно, знаем.

— Что Вы можете рассказать?

— Да то, что он очень часто в городе кричал, что нужно бить всех большевиков, потому что большевики против народа идут, а они за народ значит.

— Кто они?

— Да те же генералы, что в Киеве, что в этой самой Центральной Раде. А этот все про какую-то Украину кричал. А я ему еще тогда сказал, что мы тебе покажем эту Украину.

— А что он делал здесь, в Р.?

— Они тут какой-то переворот...

— Кто они?

— Да эти самые украинцы. И тут эта шваль завелась.

— Ты откуда все это знаешь?

— Да я, ваше благородие, уже сколько дней за ним слежу.

— Хорошо. Молодец. Теперь можешь идти.

Когда новый шпик исчез, комендант, как кот, подполз ко мне и процедил сквозь зубы: — У-у, сволочь...!

Далее, допросив, кажется, уже наспех, еще кого-то из арестованных, он подал мне подписать протокол моего допроса.

Я отказался. Этот отказ разозлил коменданта, и он, подойдя ко мне с бумагой, попытался заставить подписать, но когда я во второй раз отказался, ударил кулаком по голове. Затем, подойдя к какому-то военному, начал что-то говорить. Результатом разговора был приказ куда-то нас отвести. Куда? Думал, что где-нибудь снова запрут. Вывели на перрон. Нас было трое, а охранников четверо. Как сейчас помню, была ясная, лунная, морозная ночь. Я попытался вежливо спросить ближайшего ко мне солдата, куда нас приказано отвести, но получил грубый ответ: «Туда, куда надо!» — Думал, что нас повезут под конвоем в Острогожск, но когда повели через

пути, кровь ударила в виски. Нервная дрожь пробежала по телу.

Я не знал, куда нас ведут, но путь, по которому вели, вызывал самые ужасные догадки.

Ни разу в жизни не чувствовал такой решимости.

На путях стояло несколько товарных поездов. Нужно было их обходить.

Видимо, лентяй, наши конвоиры повели нас под вагонами. Как сейчас помню этот момент. Когда я оказался под вторым вагоном, рядом со мной был лишь один охранник, остальные уже вылезали по другую сторону поезда. Словно электрическим током меня толкнуло назад, и через момент я оказался позади поезда, бежав что было сил вдоль вагонов... Перепрыгнул через тормоз второго поезда. Бежал дальше. Слышал крики охранников, ругань, несколько выстрелов из ружья. Слышал все это, но мысль работала, быстро ориентируясь в местности. Оказавшись уже за вокзалом, я увидел яму для мусора. Вскочил в эту яму и притих. Еще слышал какую-то беготню, ругань, а потом все стихло.

Долго ли сидел в той яме, не знаю.

Весь сильно дрожал. Потом, тихо осмотревшись вокруг, вылез и бегом подался за вокзал, между каких-то насыпей или просто небольших холмиков, время от времени прячась за ними и выжидая. Но вокруг уже было тихо, лишь со стороны села в морозном воздухе иногда слышались пьяные возгласы. Хотя было очень холодно, я был весь мокрый от пота. Очень, очень хотелось смеяться, и идя дальше, я уже не мог сдерживать нервный смех, который бил в моей груди. Я был на свободе. Я чувствовал ее всем своим существом. Ужас где-то позади, а я — на свободе. «Свобода, какая же ты волшебная, какая ты привлекательная!» — билось сердце.

Через три дня я уже был в Харькове в окружении своих товарищей.

С тех пор я уже не видел своей родины, но еще сильнее полюбил свободу. Это было в январе 1918 г.

Животко, А. (1923). З мого щоденника. Вільна спілка: Неперіодичний орган літератури, науки та громадського життя, Ч. 2, 14–22.

II. Аркадій Животко. «З мого щоденника»: оригінальний текст українською мовою

ВУВ СІЧЕНЬ 1918 РОКУ. ПАМ'ЯТНИЙ СІЧЕНЬ. На Вороніжчині тільки що заступила совітська влада. Просвітній гурток української молоді села Р. Острогожського повіту викликав мене прочитати доклад на Шевченківському вечері. Я тільки що в той день повернувся до дому з подорожі по повіту. Отримавши телеграму, мусів виїхати через кілька годин, щоб завчасу побачитися з гуртянами та орієнтуватися в тому селі, в тих вже непевних у той час настроях, що почали подекуди набирати конкретних виступів проти українського руху. Сказав про від'їзд моїм, старим фізично, але молодим в ті дні духом та вірою й любов'ю до відродження України, батькам.

Немов передчуття чогось недоброго огорнуло всіх нас в той день.

Відчувалась якась настороженість.

Промайнув смуток.

По обіді прийшли до мене гуртяне нашого села — члени Ради місцевої «Просвіти» та комітету Селоспілки — Павло, Ілько та Свирид.

Балакали, обмінювалися вражіннями від останнього селянського з'їзду, що кілька днів як закінчився й на якому так блискуче провалилися представники большевиків та совітської влади на Острогожщині, на чолі з досить брудною та непевною людиною — Рижковим. Пригадувалися їх виступи та картина коли вони мусіли покинути з'їзд.

Радилися про поширення просвітянської праці, про відкриття таких просвітянських гуртків в тих ближчих селах, де їх ще не було, про винаймлення більшого помешкання для читальні-бібліотеки, про поширення кооператива і т. д. Щодалі я більш відчував і бачив з тих інформацій, які мав від своїх товаришів, що просвітня праця та інтерес до неї захоплювали все більші кола селянства. Здавалося сили зростали.

Торкнувшись моєї подорожі до Р., пам'ятаю, — Павло зауважив мені свої побоювання в зв'язку з останніми виступами моїми, як в Острогожську, так і в деяких сусідніх селах... Не радив їхати. Той недобрий настрій передався всім присутнім.

Але ж там чекали мене мої приятелі по праці, мої товариші. Я мусів їхати. Я вірив і сподівався, що через день,

через два я зможу повернутися знову до дому, й тоді вже більше часу віддати праці у своєму селі. На тому зрештою й вирішили.

Коли ж прощався з товаришами селянами, то якось несвідомо у мене вирвалося прохання, що, як би що й трапилося недоброго, то щоб пам'ятали свого друга (так весь час вони мене звали), а також, щоб не забували у дні смутку моїх старих батьків — відвідували їх²².

Попрощались.

Перед від'їздом вже, в наслідок розмов того вечора, я залишив лист до всіх односельчан, що був написаний мною ще до селянського з'їзду, але в поширенню якого тоді не було потреби, бо я був на з'їзді особисто. В тому листі я старався докладно вияснити той бруд, тую брехню та демагогію, якими вже нахабно почали оперувати так звані провідники долі нашого селянина та робітника. В тому листі я докладно спинився на характеристиці українського руху взагалі й на Вороніжчині зокрема, на тернистому шляху того руху, спинився на значінню для нас Центральної Ради та на її завданнях, а також з кого й як вона складається, далі схарактеризував таких осіб, як М. С. Грушевський, В. К. Винниченко, та інших видатних членів нашого парламенту й Уряду²³.

На двірці проводив мене батько й, як завжди, прощаючись поблагословив, прохаючи не затримуватись довго та хоч на кілька днів приїхати до дому.

— Бо зараз же свята (то були Різдвяні свята), — додав він, коли я вже влізав до товарового вагону, повного ріжним людом.

То було останнє побачення й останнє прощання моє з моїми батьками; з тими, хто вивчив мене любити те, що дороге для мене й до сьогодні.

В селі Р. мене вразив той п'яний хаос, що там панував, і який я відчув ще на двірці.

²² В початку р. 1919 вже у Кам'янці на Поділлі випадково залетів до мене дорогий лист від батьків. То була вже остання звісточка. З листа довідався, що мої друзі й товариші селяне цілою громадою дійсно не забували моїх старих батьків, у всьому стараючись охоронити та допомогти їм в час смутку. Таке сердечне й чутливе відношення було не тільки збоку односельчан, але й від сусідніх сел, що викликало в душі батька, який писав мені, почуття глибокої подяки до них і віру в ліпше майбутнє, яку він, старий, передавав і мені. — А. Ж.

²³ Згодом вже також у Кам'янці я випадково бачився з одним втікачем, який між іншим оповідав мені про те, що той лист довго кружляв по селах моєї волости. — А. Ж.

Був уже вечір. Я наняв візника, останнього, який ще лишився. Підійшов якийсь добродій і, чомусь намагаючись балакати по українськи, попросив його підвезти. Я, правду кажучи, хотів уникнути того, але він, не чекаючи моєї відповіді вже мостився біля мене, кажучи візникові їхати. Що ж робити? Мусів погодитися. По дорозі мій сусіда дуже цікавився життям нашого міста, намагався розпитувати; запитував, в яких справах я приїхав до Р. і т. д. У мене ж жадного бажання розмовляти не було, і я або просто мовчав, вдаючи, що не чую, бо втомлений, або відповідав коротенько. Не подобався він мені. Щось занадто розв'язне й настирливе було в його поводженню. А тут ще мова. Я ж вперше бачив його. Чому він так намагався з першого ж слова балакати по українськи, що виходило так якось недобре.

Так в'їхали до села. Я візникові сказав спинитися на одній з вулиць біля торгу, й пішов уже пішки, не звертаючи уваги на «товариша» по подорожі.

В селі ще продовжувалася п'яна вакханалія дня від розгромленого винного складу. Було ще не дуже пізно, й я вирішив зараз же відвідати своїх друзів. Зайшовши до одної з гуртянок, я довідався, що мене чекають, і що дехто вже посходився.

Ми пішли разом до гурту.

Невеселий настрій я застав серед гуртян молоді. З обміркування становища виявилось, що коли й взавтра буде те ж саме, що сьогодні, а воно певно буде так, по всіх ознаках, то призначений вечір відбутися безперечно не може. Дехто ще сперечався й доказував, що влаштування таких вечорів, ви-став, може прислужитися до відтягнення уваги від винного складу, але то були лише поодинокі й цілком не переконуючі доводи.

Погодилися вечір відмінити, а використати день для організаційних справ гуртка. Окрім того, я сподівався в цей день ще зробити нараду де з ким з місцевих селян, близьких мені, з якими я весь час мав зв'язок.

На тому й розійшлись, умовившись, повідомити тих, кого не було в цей вечір, зібратися на другий день після обіду, з тим розрахунком, щоб у вечері я зміг виїхати.

Вже близько півночі я пішов до т. зв. готелю, в якому звичайно спинявся, коли приїздив до Р. і в якому було дві маленьких кімнатки (два «номера», як казала, пишаючись хазяйка).

Утомлений за останні дні, не спавши в попередню ніч, бо був у дорозі, я зараз же ліг і міцно заснув.

Прокинувся ранком від тривожного стуку у двері й від розмови за ними. Впізнав голос хазяйки й дівчини гуртянки, до якої я вчора заходив. Впустивши до кімнати дівчину, яка була страшенно стрівожена й хвилювалася, я довідався, що на протязі вже якогось часу сьогодні різні особи непевного вигляду (думали, що то їх зі сторони притягнув спиртний дух) розпитують про мене й погрожують. Питали оце й у її родичів та у неї. Порадившись де з ким зі своїх, вона прибігла попередити мене та сказати, що не варто збиратися сьогодні, як вирішили. Я цілком погодився.

— А Вам, — додала вона, — ліпше не виходити до вчора звідці. Так всі кажуть. Я буду якось інформувати Вас про все, а увечері можна буде непомітно пройти.

Оттаке! Добровільний арешт, значить. Добре діло! Ні, коли вже так, то ліпше зараз же якось виберусь на двірці, а по дорозі може ще й відвідаю кого. Мав справи й хотілося перебалакати де з ким з членів повітової Селянської Ради, які в той день були дома. Так і сказав їй. Передавши деякі міркування до гуртка молоді й попрощавшись з товаришкою, про яку ще й тепер сердечно й тепло згадую, я вийшов з «готелю». Переходячи через площу, раптом опинився серед якихось двох добродіїв. Один із них, вказуючи на мене, запитав когось з гурту, що стояв осторонь.

— Єта он?

З гурту висунувся один в кожусі й усміхаючись, кивнув головою. Я глянув на те обличчя: знайоме, але зразу не міг пригадати, де ми зустрічались. Пригадав вже пізніше. Пригадав, як той дядько кілька часу тому в салдатській шинелі в Острогожську погрожував мені кулаками та верещав: «Ми тобі покажемо Центральную Раду! Всякіє там буржуї видумали какують Україну й він туди ж!» Добродій, який запитав, взяв мене за руку й потягнув. Я запротестував, звільняючи руку.

— Не разгаваривай! — але руку випустив. Я запитав, що то означає. Більш лагідно відповів на це другий.

— Наказано перевірити Ваші документи.

Мене привели до комісара, як називали його мої «охоронителі». Маленька кімнатка. За столом така ж дрібненька, непомітна фігура того комісара. На столі револьвер.

— Для чого? — промайнуло у мене в голові.

— Єто хто? — запитала зза столу фігура.

— Арештували на базарі, — відповів перший.

— Покажіть Ваші документи, — звернувся комісар вже до мене. Дістаю єдиний документ, що був при мені (окрім посвідок українських та членського квитка Ц. Р.) — «Удосто-

вереніє П.-Н. Інституту», адресоване на представлення військового начальнику з початку 1917 р. Показую. Довгенько крутить та оглядає цей документ. Найбільшу увагу його звертала печатка — старорежимна.

— Що це Ви мені показуєте? Який то документ? Я питаю Вас, наш документ маєте? — вскипіла фігурка за столом.

— Ні, не маю.

— Не маю, — перекривив.

— А як слід говорити не можете?²⁴

— Я відповідаю так, як можу.

— Не брешіть! А по якому ж Вас учили?

— Я відповідаю Вам так, як я вмію, — повторюю.

— От ми з Вами побалакаємо по іншому. Зразу вивчитесь. Вискочить хахлацька дурь. Відведіть поки що його! — звернувся він з останніми словами до першого «блюстителя пролетарського порядку».

Опинився в якомусь «хліві». Холод жахливий. Бруд. Підлоги нема. Сісти нема на чому. Одно віконце маленьке без шиб. Двері замкнули на колодку, й хтось ще став біля них, певно якийсь вартовий.

Оглядаючи свій новий «номер», думав, чи не варто б покинути його якимсь способом, але, поміркувавши, вирішив, що властиво може все це від якогось непорозуміння, й мене випустять, а спроба втекти може пошкодити. Ліпше вичекати. Не вперше. А може й не востаннє. Треба загартовувати себе. Такі думки снувалися в голові. Було дуже зимно. Щоб хоч трошечки зогрітися, я ходив з кутка в куток, робив різного роду гімнастичні вправи й навіть починав танцювати. Підчас використання такого «вільного» часу двері відчинилися й до «хліву» ввели якогось чоловіка. Він здавався добре випившим. Зразу ж почав мені нарікати на «порядки», лаяти їх, і нарешті перейшов до «критики» нової влади. Я тримався насторожено. Головне, що від цього п'яньенького не чути було специфічного алкогольного духу. Тай мова видавалася підозріливо-українською. Я цілком занявся зогріванням себе. Від холоду починало страшенно ломити ноги... Було зимно, боляче. Мені байдуже було базікання мого «товариша» і я майже не підтримував його заходів до розмови. Через якийсь час, двері знову відчинилися й його кудись забрали. Аж над вечір прийшли по мене. Привели знову до тієї ж кімнатки комісара.

²⁴ Цей добродій весь час балакав дуже поганою мішаниною української й московської мов, намагаючись як-найліпше говорити по московськи, що іноді доводило просто до курйозів. — А. Ж.

— Ну, г-н Українець, як Ви провели час? — зустріла мене фігурка за столом. Мовчу.

— Що ж, буде сьогодні вечір, того, як його, вашого Шевченки? Ви ж приїхали сюди свої теревені розпускати?

Мовчу.

— З Вами балакають, прошу відповідати! — роздратовано вигукнув комісар.

— Я приїхав по власних справах.

— Які ж то Ваші власні справи? — всміхаючись уїдливо запитав.

— Хотів купити собі дещо для одіжі. Але коли вийшов до торгу, то там мене було заарештовано, певно по непорозумінню. Що ж до того, хто я, то ви можете запитати хоч по телефону в Л. Волости.

Я сподівався на добру відповідь звідти.

— Так, так, це ми й без Вашої поради вже зробили. Знаємо Вас. Цей раз я Вас відпущу, але ражу покинути Ваші дурощі й не показуватися з ними до нас, інакше... — далі цей добродій перейшов на більш лагідний тон й почав намовляти мене щодо праці з ними, до доброго відношення, виясняв мені, що таке «совітська влада». Від того вияснення нераз хотілося щиро розсміятися, така наївність була в думках і в словах. Мені думалося, що він якось помилково попав за цей стіл, в цю кімнату, що властиво це ж найліпший «екземпляр» буржуазного ладу, зо всіма його негативними рисами. Яким чином цей добродій попав у «соціалісти»?

Я не вважав потрібним вступати з ним в будь які розмови й коли він закінчив своє «нравоученіє», я почав настоювати, щоб мене було відпущено. Добродієві «соціалістові» певно не вподобалася така моя байдужість до його «красної» промови й він знову перейшов на свій властивий тон.

— Ми виб'ємо з ваших голів всякі там «Ради». Досить вже ваших генералів, — кричав він, але зрештою таки відпустив.

Правду кажучи, я дуже зрадів такому, властиво, несподіваному для мене кінцю, й негайно ж подався до двірця, щоб швидше виїхати. Але несподіванки дня не закінчилися.

На двірці була сила людей самого різного характеру. Найбільш було салдатів у сірих шинелях. Подекуди відбувалися «акти» зрізування погонів у тих, хто ще не встиг, або не подумав над тим сам. «Акти» ці відбувалися під акомпанімент сміху й брудної московської лайки. Було тут на двірці також багато й таких, яких притягнув горільчаний дух розбитого винного складу. В різних місцях можна було бачити

маленькі бенкети. Були п'яні і й підвипивші. Траплялися жінки з мішками, наповненими пляшками з горілкою. Потягу, з яким я міг би виїхати, ще не було.

Я притулювся біля одного із столів. Добре намерзшись та наголодувавшись у «гостях» Р. комісара, тепер хоч і в задушливій, але принаймні теплій атмосфері, повечерявши, схиливши голову на руки, я задрімав.

Не знаю, чи довго то було. Раптом я почув, що хтось мене штовхає. Підвівши голову, я побачив коло себе трьох озброєних салдатів. Зразу нічого не міг розібрати, в чому річ. Нарешті зрозумів. Прийшли по мене, бо наказано мене відвести до коменданта. Недобре відчув. До того ж я побачив побіч мене вчорашнього попутчика з двірця. Зустрілися очима. Він зразу ж повернувся й кудись зник. Мусів іти. Комендант, озброєний, як кажуть, до зубів, перехрещений для чогось лентами з набоями, зустрів мене пронизливим поглядом.

— Поставте ближче цю хохляцьку сволоч! — кинув він до моєї варти доброю московською мовою.

Мене підвели до столу, на якому валялися поміж перами, недоїдки хліба, ковбаси. В кімнаті було багато якихось людей. Хто саме там був, добре не пам'ятаю, окрім двох молодих хлопців у сірих шинелях, також заарештованих, як я довідався з допиту, за шпигунство якесь на Донецькому фронті.

— Як ім'я? — звернувся до мене комендант, приготувавшись записувати.

— А. Животко, — коротко відповів я.

— Животков? — підвівши голову, з притиском перепитав.

— Ні, Животко, — також, з притиском відповів я.

— Киньте Ви свої виходки. Вам же ліпше буде, — продовжував комендант.

— Я відповідаю на Ваше запитання, — кажу йому.

— Прошу мені відповідати «русским язиком».

— Я не вмію.

— То ми Вас сьогодні навчимо, як що не навчилися в університеті, — злісно глянув на мене.

— Я в університеті не вчився, — відповідаю й мені робиться якось гидко дивиться, як починає цей новий «охранник» дратуватися.

— Знаємо Вас, попівське отродьє! Ви состоїте членом Центральної Ради?

— Так, я член Центральної Ради.

— До якої партії належите?

— Я український соц.-революціонер, — відповідаю.

— Ви хохлацький бандит, а не соц.-революціонер, — вже покинувши свої папірці, визвірився на мене він, — який Ви соціаліст?!

— Я член партії, яка ставить своїм завданням здобуття соціалістичного ладу й поліпшення долі українського селянства, — вже нервуючись відповідаю й почуваю, що починаю все більш хвилюватися й нервуватися.

— Ви були комісаром по українських справах?

— Так, кілька днів був таким, але потім зрікся.

— Чому Ви зріклися?

— Тому, що побачив, що наші завдання й інтереси ріжні, й що мене можуть лише використовувати перед нашим селянством в тих напрямках, з якими я погодитися не можу.

— Про які то напрямки Ви кажете?

— Я кажу про ті неправдиві та ворожі інформації про Центральну Раду, а також про ворожість в суті всіх Московців до українського відродження.

Мені хотілося, яко мога скоріше відповідати. Хотілось гостро вдарити цим того огидного нового «охранника» — старого типу, який так нагадав мені давні часи петербурзької охранки та забитого тепер знаменитого охранника фон-Котена, який колись так переконував мене в тому, що революційні думки, то є вигадки Жидів, та що служити й допомагати «Охранному Отделенію», то значить служити народові.

В той час і охранник фон-Котен, і жандарм Вишневський мали мою відповідь. Тепер настав час дати відповідь новому «охранникові», новому жандармові «рабочей, соціалістической» влади. Було гидко.

— Що Ви робили в Р.? — провадив далі комендант.

— Властиво нічого, окрім того, що цілий день промерз під арештом, — відповів йому.

— Я Вас не про те питаю. Прошу відповідати більш серйозно. Чого Ви приїхали до Р.? — дратуючись вигукнув.

— Мені треба було дещо купити для себе.

— Це брехня. Нам відомо, для чого Ви приїхали. Мені наказано Вас затримати й поступити з Вами, як з ворогом совітської влади.

Останні слова мене вдарили жахом, і цілий рій стурбованих думок закрутився в голові. Справа набірала більш серйозних форм, аніж я думав.

— Відведіть на бік, — кивнув на мене до вартових.

Я відійшов, а моє місце зайняв добродій, який ранком на площі підтверджував, що я є «той самий».

— Ви знаєте цю людину? — запитав комендант, вказуючи на мене.

— Так тошно. Знаєм.

— Що Ви можете розказати?

— Так што очінь часто у городі чув, кав вон кричал, што нужно всіх большевіков бить, тому што большевики проти народу ідуть, а вони за народ значить.

— Хто вони?

— Та ті ж генерали, што у Києві, што в етой самой Центральной Раді. А етот всьо про какуюсь Україну кричал. А я йому ще тогда сказал, што ми тібе покажим ету Україну.

— А що він робив тут, у Р...

— Вони тут какойсь переворот...

— Хто вони?

— А еті саміє што Українці. І тут ета шваль завілась.

— Ти звідки ж все це знаєш?

— А я, Ваше благородіє, уже сколько дньов за ним пасу.

— Добре. Молодець. Тепер можеш іти.

Коли новітній шпик зник, комендант, мов кіт, підповз до мене й процідив крізь зуби: — У-у, сволоч...!

Далі, допитавши, здається вже наспіх, ще когось з арештованих, подав мені підписати протокол мого допиту.

Я відмовився. Ця відмова обурила коменданта й він, підійшовши до мене з папером, намагався примусити підписати, але коли я вдруге відмовився, вдарив кулаком по голові. Потім, підійшовши до якогось військового, почав щось балакати. Наслідком балачки був наказ нас кудись відвести. Куди? Гадав, що кудись знову замкнути. Вивели на перон. Нас було трьох, а вартових чотирі. Як зараз пам'ятаю, була ясна, місячна, морозна ніч. Я спробував лагідно запитати ближчого до мене салдата про те, куди нас наказано відвести, але отримав грубу відповідь: «Туди, куди треба!» — Думав, що нас повезуть під конвоем до Острогжська, але коли повели через тори, то кров ударила в виски. Нервові тремтіння пробігло по тілу.

Я не знав, куди нас ведуть, але шлях, яким вели, збужував самі жахливі догадки.

Ще ні разу в житті не відчував такої рішучості.

На торах стояло кілька товарових потягів. Треба було їх обходити.

Певно лінуючись, наші конвоїри повели нас під вагонами. Як зараз пам'ятаю цей мент. Коли я опинився під другим вже вагоном, біля мене був лише один вартовий, решта вже вилазили по другий бік потягу. Немов електричним током мене штовхнуло назад, і через мент я опинився позаду по-

тягу, біжучи що було сили повз вагонів... Перескочив через тормаз другого потягу. Біг далі. Чув крики вартових, лайку, кілька вибухів з рушниць. Чув усе те, але думка працювала, швидко орієнтуючись в місцевості. Опинившись вже за двірцем, я побачив яму для сміття. Вскочив до тієї ями й притих. Ще чув якусь біганину, лайку, а потім все стихло.

Чи довго сидів у тій ямі, не знаю.

Весь тремтів дуже. Потім, тихо оглянувши навколо, виліз і бігом подався поза двірцем, поміж якихось чи то насипів, чи просто невеличких горбиків, час від часу ховаючись за ними й вичікуючи. Але навколо вже було тихо, лише з боку села, в морозному повітрі іноді чулися п'яні вигуки. Хоч було дуже зимно, але я був увесь мокрий від поту. Хотілося сміятися дуже, дуже, і йдучи далі, я вже не міг затримувати той нервовий сміх, що бив мої груди. Я був на волі. Я відчував її всим єством. Жах десь позаду, а я — на волі. «Воле, яка ж ти чарівна, яка ти принадна!» — билося серце.

Через три дні я вже був у Харкові в оточенні своїх товаришів.

З того часу вже не бачив своєї батьківщини, але ще дуже челюлюбив волю. То було в січні 1918 р.

Животко, А. (1923). З мого щоденника. Вільна спілка: Неперіодичний орган літератури, науки та громадського життя, Ч. 2, 14–22.

Гражданская война и преследование духовенства в Валуйском уезде

АНДРЕЙ САМОХОТКИН, АНДРЕЙ КОРОЛЕВСКИЙ

Предисловие

Сводки из газет «Южный край», «Воронежский вестник церковного единения», «Воронежский телеграф» за 1918 год, публикуемые в данной подборке, — важный вспомогательный источник по истории гражданской войны в Валуйском уезде. В той же мере, в какой и телеграмма валуйских беженцев о поиске защиты у гетмана Скоропадского из ЦГАВОВУ, которую мы также здесь публикуем.

Газета «Южный край» издавалась в Харькове и являлась одним из ключевых региональных периодических изданий украинско-российского пограничья в период революционных потрясений. По состоянию на 1918 год издание велось параллельно в двух форматах — утреннем и вечернем. Это обстоятельство имеет принципиальное значение для исследователей, поскольку номера обоих выпусков совпадали по дате и порядковому номеру, но публиковали в них совершенно разные материалы. Интересующие нас статьи выходили именно в вечерних номерах, что следует учитывать при их библиографической верификации. Сводки из газеты «Южный край» стали доступны благодаря работе исследователя

Андрея Королевского, который осуществлял поиск и копирование оригинальных текстов в Государственной архивной научной библиотеке в г. Киеве, в Украине.

Газета *«Вестник церковного единения: Орган духовенства и мирян Воронежской епархии»* выходила с 22 июня 1917 по 28 июля 1918 года в Воронеже. Сначала — два раза в неделю, затем — еженедельно. Редакторами газеты были священники П. П. Сергеев и В. Я. Бахметьев. *«Вестник церковного единения»* заменил *«Воронежские епархиальные ведомости»* и публиковал новости о жизни приходов епархии, объявления, очерки.

Что касается *«Воронежского телеграфа»*, газета издавалась в 1869-1918 годах в Воронеже, до того как быть закрытой по решению местного Совета трудящихся. Интересующие нас сводки из газеты *«Воронежский телеграф»* были получены нами в Российской государственной библиотеке.

Авторство сводок остается неустановленным — они были опубликованы анонимно, без указания конкретных корреспондентов, что, впрочем, являлось стандартной практикой.

Исторический контекст публикаций — весна и лето 1918 года, время крайней нестабильности, военного насилия и глубокого социального раскола, охвативших Валуйский уезд в ходе Гражданской войны. В подборке сводок отражаются эпизоды массовых грабежей, реквизиций, панических отступлений большевистских отрядов. Сводки также рассказывают о панике среди железнодорожников и эвакуации, о развале логистики, об атмосфере террора и разорения. Сообщения фиксируют тяжелое положение беженцев и систематическое насилие со стороны красноармейцев.

Отдельного внимания заслуживают свидетельства об убийстве шести священнослужителей Валуйского уезда: протоиерея Иоанна Сахарова, священников Федора Бедина, Христофора Курбатова, Иоанна Набивача, Михаила Погребникова, Иоанна Садовского. Более подробную информацию об убитых священнослужителях мы решили дать в приложении к этому материалу.

Таким образом, публикуемые здесь сводки представляют собой ценное дополнение к картине гражданской войны на украинско-российском пограничье. Их публикация — шаг к возвращению памяти о людях и событиях, оказавшихся на периферии исторической памяти.

I. Присвоение 20 000 рублей В.Н. Гаевского Валуйским советом рабочих и солдатских депутатов

Из деятельности валуйских большевиков. Валуйки, Воронежской губ., пред оставлением большевиками, также подверглись разграблению советскими войсками. У жителей советской властью реквизировались и просто грабились деньги, ценное имущество, скот и пр. На состоятельных лиц накладывалась контрибуция. Такой контрибуцией был обложен житель Валук В.Н. Гаевский. Гаевского, под угрозой смерти, заставили выдать чек на 70000 руб., хранившихся на текущем счету в харьковском отделении Московского народного банка. Требование было предъявлено от имени Валуйского совета рабочих и солдатских депутатов. Когда Гаевский получил возможность выехать из Валук, выяснилось уже в Харькове, что большевики по выданному Гаевским чеку успели получить из банка всего лишь 20000 руб. Занятие Харькова германо-украинскими войсками помешало им «дополучить» остальные 50000 руб.

ЮКВВ. 1918. 14 мая. №24.

II. Сообщение 19 июня 1918 г. о служащих железных дорог в Валуйках, отряде Сиверса

Валуйки. 19 VI. Валуйки переживают все кризисы и все виды голода. Открыть движение не представляется возможным. Большевиками эвакуированы все вагоны, материалы, топливо, станционный и телеграфный инвентарь. Из пакгаузов и элеватора вывезено все. По всему валуйскому узлу «хоть шаром покати». Здания все целы. Стекла же во всех зданиях побиты от орудийных выстрелов. Зенитные орудия, стреляя по германским аэропланам, вносили панику среди населения города и служащих. Эвакуацию служащие бойкотировали. Эвакуировалось десять человек молодежи, не валуйские жители. Отряд Сиверса жил очень долго. Служащие для ночлега собирались в больницу, боясь резни, которую хотела произвести часть красногвардейцев Сиверса. Сам же Сиверс, успокаивая служащих, давал им «верных» красногвардейцев для охраны. Отряд Сиверса устраивал дикие оргии, все беспощадно реквизировал. Служащие Валук и Купян-

ска были в Воронеже, где от большевистского управления получали жалование за май месяц и ряд доплат.

Наш кор.

ЮКВВ. 1918. 20 июня. №54.

III. Поездка из Харькова в Валуйки 30 июня 1918 г. Сведения о состоянии железных дорог, вокзалов, о расстреле священников Валуйского уезда Бедина, Сахарова, Садовского, Погребникова, Набивача

Исполняя специально поручение «Южного края», я 30 июня выехал из Харькова в Валуйки для информации газеты о жизни фронта и уездов; едем смешанным поездом, сквозным до Уразовского моста. Из окон вагона открывается вид на необозримую ширь полей. Пестреют железнодорожные огороды, пчельники, зеленеют низкорослые хлеба. Путь, до Купянска включительно, имеет обычный в мирное время щегольской вид. Снежные защиты, запасные рельсы и шпалы сложены в штабеля. Трава по бровкам полотна тщательно выполота. В вагонах теснота и давка. Масса пассажиров: торговки, крестьяне, разночинцы. По вагонам шныряют мальчишки-газетчики, выкрикивая названия харьковских газет. Газеты продаются по «твердой» цене: 50 копеек за номер. Поезд идет быстро, вне своего расписания. На двух перегонах поезд нагонял по 30 минут. Характерно, что уроки прошлого не научили администрацию валуйского отделения регулировать движение поездов. Вагоны выдерживаются по станциям. На станции Рогань поезд стоял 30 минут, в Мохначе — 2 часа

Линейная железнодорожная администрация не может нарушить расписания, и поезда произвольно стоят. На мой вопрос: «Что за странный график, который тормозит движение при наличии свободного перегона?» один из ревизоров движения поездов ответил:

Р а с п и с а н и е 1 9 1 4 г о д а .

Начальник отделения не считается со временем и не следит за рациональностью движения, сокращением простоев, отсюда и задержки.

Из беседы с инспектором участка Харьков–Купянск–Валуйки, С.Н. Азаровым выяснилось, что «график действительно вышел в тираж, и необходимо начальнику отделения А.И. Борткевичу его изменить». На всех станциях германские отряды, патрули и комендатуры. Помещаются германские солдаты в здании вокзала, занимая 1, 2 классы, дамские и мужские уборные и часть контор. Занятие 1, 2 классов и дамских уборных лишает публику необходимых удобств. В Мохначе, например, где большой наплыв дачников, заняты 1, 2 классы, дамская комната и три квартиры стрелочников. Публика ютится на перроне под открытым небом. По всем станциям до Валуек в праздники к приходу поездов собираются хороводы девушек в ярких костюмах, с ожерельями из... серебряных николаевских рублей. У каждой такой деревенской модницы висит от 15 до 25 рублей. Таких живых серебряных коллекций я от Харькова до Валуек насчитал 123. В хороводах парни отсутствуют: они заняты косьбой.

До Чугуева все поселки, деревни и села заняты дачниками. Наплыв дачников очень большой. Около Чугуева хлеба и луга значительно лучше, и вообще, чем дальше от Харькова, тем хлеба выше и гуще. Станция Чугуев живет дачниками. Бывшая в мае и первой половине июня месяца погрузка дров и леса прекращена за отсутствием вагонов. Доходность станции в мае месяце достигла 80 000 рублей. Служащие не получали жалованье за два месяца. На телеграмму начальника станции о помощи, данную им непосредственно управляющему Слободской жел. дор., был получен ответ:

«За непосредственное обращение объявляется начальнику станции выговор».

Какой иронией после этого звучат слова священного писания: «Просите и дастся вам». По распоряжению начальника валуйского отделения, в целях экономии, уменьшен оклад жалованья начальнику станции и его помощникам, таким образом, они из служащих городской станции третьего класса приравнены к служащим станции четвертого класса.

В городе, по распоряжению подстаросты Змиевского уезда по Чугуевскому району Надеждина, распущена демократическая дума и восстановлена в правах прежняя, цензовая. По окрестностям Чугуева бойко идет продажа разграбленного из Чугуевского военного училища имущества. Одежда продается [по] 25–40 рублей, простыни — по 10–15 рублей. Рас-

хищенное при большевистском владычестве имущество частью было возвращено, часть перепуганными перспективой суровых кар крестьянами было брошено в реку; более храбрая часть населения надежно припрятала и теперь спекулирует. Продается на базарах все: тарелки, ножи, вилки, хозяйственные принадлежности. При ловле рыбы бреднем вылавливали фляги, котелки и геодезические инструменты.

Целый ряд мостов на участке Харьков–Валуйки с саженными пролетами большевиками не взорван, по неимению времени. Отступление их носило панический характер.

Подъезжаем к разъезду Гренниковка. Поезд на подъеме тащится медленно. Видны разрушенные снарядами дома, разграбленные, полуразрушенные усадьбы, хутора. И так по обеим сторонам Гренниковки.

Подъезжаем к исторической отныне станции Тополи. Станция два месяца была центром боев германцев с большевиками и десятка два раз переходила из рук в руки. Само пассажирское здание большевиками сожжено. Стоят голые стены. Пол, потолок, притолоки, двери расхищены крестьянами при тушении пожара. Казарма дорожного мастера полуразрушена. Жилой дом служащих не имеет ни дверей, ни окон, [ни] рам, ни лестниц и даже перил. Все расхищено окрестным населением.

Станционное имущество и инвентарь разграблены. Из пакгауза унесены: гири, весы; из станции: печати, бланки, книги. Вагон пшеницы 500 пудов и 700 пудов подсолнуха увезены крестьянами.

Телеграфный аппарат помещается в жилом доме. Жилой дом значительно поврежден тремя снарядами. Служащие ютятся в комнатухах. Снарядные бреши заделаны. К ремонту дома приступлено. Мебель у служащих вся разграблена. Служащие подвергались оскорблениям и арестам.

В Тополях ожидается карательный отряд. Крестьяне, прослышав о нем, ночью подкидывают на территорию станции двери, измазанные глиной, рамы, окна. Погрузка грузов за отсутствием документов, штампелей, книг и бланков не производится. Прибытие груза есть. После 17 часов пути наш поезд прибыл на Уразовский пост, находящийся на 70 верст от Харькова, в версте от станции Уразово. Мосты через реку Уразово большевиками сильно повреждены взрывами. Движение на перегоне Тополи–Уразово двухпутное. Обе фермы моста разорваны по середине. Железные швеллера ферм нуждаются в больших пластырях. Пост Уразово помещается в вагоне. Около моста находятся германские саперный и инженерный отряды, живущие в классных вагонах. К ис-

правлению моста германскими инженерами приступлено. На Уразовском посту стоит рабочий поезд с материалом. Около поста под открытым небом скопляется масса беженцев из Прибалтийского края, прибывших из мест, занятых большевиками. Беженцы направляются в Уразово и Валуйки. Масса голодающих. Сообщение с Уразовым и Валуйками на лошадях. Извозчики выезжают неохотно. С пассажира, смотря по виду, возчики берут от 25 до 45 рублей за 20 верст. Дорога от Валук идет через Уразово. Около Уразово германские части производят обучение. Едем шагом: песок. Навстречу германские обозы, кавалерия, артиллерия, вереница крестьянских телег с германскими посылками. На обозах сидят гладко выбритые германские солдаты, спокойно покуривающие трубки. Ориентируются германские солдаты на местах лучше местных жителей. Проезжаем село Шелаево. Деревянная церковь пробита насквозь снарядами. Снаряд, пробив обе деревянные стены транзитом, полетел дальше. Священник Бедин расстрелян по суду революционного трибунала за фразу: «Советская власть здесь, в Уразове, больше месяца не продержится». Священника заменяет иеромонах Валуйского Успенского монастыря.

Во всем Валуйском уезде зарегистрировано еще четыре случая расстрелов священников: Сахарова, протоиерея валуйского собора; Садовского, священника села Престена; Погребникова села Старого Хутора и Набивач села Саловка. Все расстреляны по приговору военно-полевого суда за «контрреволюционную» деятельность. Среди расстрелянных протоиерей Сахаров — известный валуйский общественный деятель, священник Набивач — литератор.

Л. С.

ЮКВВ. 1918. 11 июля. №71.

IV. Повседневная жизнь и беженцы в Валуйках, злодеяния красноармейцев в Никитовке, положение в Купянске

Валуйки — город беженцев от большевиков, из всех мест, занятых большевиками; особенно много их здесь из слободы Никитовки, — купечество, интеллигенция, бывшее офицерство. Беженцами полны гостиницы, постоянные дворы и частные квартиры.

Рассказы беженцев о большевистских грабежах и насилиях не поддаются описаниям. В Никитовке, после отступления большевиков был образован комитет общественной безопасности. Советская власть усмотрела в этом «контрреволюцию» и ночью явились с пулеметами и артиллерией; бросили 30 бомб и устроили варфоломеевскую ночь, требуя выдачи членов общественного комитета. Расстреляны: бывший офицер В.М. Лихобабенко, землевладелец, дворянин П.Н. Агиев, гражданин П.Ф. Ольшанский и целый ряд лиц. Передают, что две роты красноармейцев отказались расстреливать Ольшанского, бывшего солдата. Убийство совершил сам организатор красной армии Бондаренко, который убил Ольшанского за его украинофобство. На сходе Бондаренко бросил такую фразу:

— Доконал, израсходовал Ольшанского.

Набеги на жителей, несмотря на перемирие, не прекращаются. Большевистские отряды рыскают по полям и лесам, на месте расстреливают всех выехавших из занятых ими селений.

Имения и хутора разграблены. Конно-рысистый завод известного спортсмена и коннозаводчика С.А. Цветкова взят на учет советской властью. Часть лошадей уведена, часть падает от бескормицы.

С завода большевиками забраны три матки, выигрывавшие тысячи рублей, и рысак производитель «Гамбузино». С утратой таких производителей завод теряет свою ценность. Самый завод намечен к разбору. Владелец завода как беженец живет в Валуйках.

Продуктами Валуйки не богаты. Хлеб — 30 копеек, получить его можно без карточек; масло подсолнечное, благодаря наличности заводов, отпускается по 1 р. 50 к. [за] фунт, сало — 5 руб., молоко — три рубля четверть. Овощей мало. Морозы убили огурцы и редиску. Картофель — 30 коп. ф. Запасов хлеба у крестьян нет, а потому привоза его на базарах тоже нет.

Станция Валуйки эвакуирована донельзя. Все паровозы и вагоны большевиками угнаны. Эвакуированы: склад топлива, материальный склад, хлеб из элеватора. Захвачено все, что можно. В Валуйках, на станционных путях стоял штаб армии Сиверса. Отзывы о Сиверсе самые лестные. Он сдерживал банды красноармейцев, которые имели «большую склонность к грабежу» и грабили даже служащих. Гуманное отношение Сиверса к не-большевикам вызывало ряд нареканий со стороны красноармейцев. Нередко на путях происходили митинги, на которых выносились порицания Сиверсу,

«гуманисту к буржуям»; на дверях и стенах вагонов аршинными буквами писалось:

«Смерть изменнику Сиверсу, покровителю буржуев».

Валуйский совет уехал в Воронеж вскоре после занятия германцами Купянска, но Сиверс по настоянию валуйского городского самоуправления его вернул, чем еще более озлобил красноармейцев.

Носятся слухи, что Сиверс убит. Однако, воронежские газеты этот слух не опровергают.

Железнодорожная новая громадная из пяти корпусов больница ввиду отрезанности от Воронежа с 1-го июня официально закрыта, за отсутствием средств. В больнице находятся на излечении 15 железнодорожных служащих. Заведующий больницей, доктор В.Н. Пихлау, бывший председатель валуйского районного комитета, внес на нужды больницы свои 6 000 руб., дабы дать возможность железнодорожникам лечиться по недорогой цене.

Мосты валуйского узла на перегоне Валуйки — Принцевка и Валуйки — Мандрово взорваны.

Жители и беженцы много рассказывают также о деятельности председателя валуйского совета Авилова.

— Я, — говорил Авилов, — по убеждениям эсер. Поддерживаю тактику большевиков, больше же всего сочувствую анархизму.

И Авилов по уездам проявлял свой «интернационализм» вовсю. Беда, если на допрос к Авилову попадал интеллигент или священник. Издевательствам над ними не было конца. Первых он площадно ругал, называя предателями революции, холуями буржуазии, вторым бросал:

— Как вам, длинногивый, не стыдно в такое время быть священником.

Грабежи и реквизиции производились по распоряжению Авилова повсюду.

Красноармейцы, — по словам прибывших из Лисок железнодорожников, — не унывают. Держат себя победителями. Свои неудачи и бесконечные отступления объясняют «переломлением», и все уверенно говорят о скором торжестве рабочего класса.

В Валуйках учрежден торгово-хозяйственный отдел для товарообмена между Украиной и центральными державами, согласно постановлениям Брест-Литовского мирного договора. Торгово-хозяйственный отдел предполагает, что покупка товаров должна быть по возможности предоставлена местным фирмам вообще, а закупленные запасы должны, соглас-

но предварительно заключенным договорам, поставляться торгово-хозяйственному отделу.

Вернулись из Киева председатель земской управы Г.С. Лордкипанидзе и член управы В.Г. Лукин, ездившие на съезд земств Украины и по земским ходатайствам. По отдельным ходатайствам, возбужденным валуйским земством, выяснилось следующее. Правительства в принципе согласно с тем, чтобы все дотации, какие до сих пор получало земство от Российского правительства, выдавались Украинским правительством. Обещана неопределенная сумма займа из 80-ти миллионного фонда, ассигнованного на все земские и городские самоуправления Украины. По ходатайству об улучшении материального положения народного учителя установлено, что законопроект об установлении оклада народного учителя в 150 рублей уже прошел через министерство освіти и сейчас находится на рассмотрении министерства финансов. Валуйским педагогическим курсам обещана поддержка в сумме не менее половины всего бюджета.

На обратном пути я заехал в Купянск.

Центром общественного внимания Купянска служит открытое письмо редактора-издателя газеты «Утро» Филиппенко начальнику городской стражи Сухих «Провинциальная история». Соль письма — описание инцидента, произошедшего между Филиппенко и Сухих в саду.

Компания молодых людей, среди которых был и Сухих, дебоширила и пела песни. Ужинавший Филиппенко заметил: «Сам начальник милиции пьян, дебоширит, и никто не может указать ему на все неприличие его поведения». В ответ на замечание Филиппенко Сухих обещал «испороть» редактора-издателя и нанес ему ряд оскорблений. В письме, помещенном на страницах газеты «Утро», Филиппенко пишет: «Настоящим письмом мне хотелось бы выяснить перед гражданами города Купянска, что вы, как начальник городской стражи, не на своем месте». Филиппенко привлекает Сухих к ответственности за оскорбление.

За отсутствием запасов топлива городское самоуправление объявило, что подача электрической энергии будет прекращена. На станции Купянск Слободской ж.д. движение поездов совершенно упало, идет сокращение штатов служащих. Особенно сокращение коснулось мастеровых и рабочих службы тяги. На станции масса беженцев, направляющихся в Минскую губернию. Беженцы «акклиматизировались» и спекулируют предметами первой необходимости. Станция Купянск Юго-Восточных ж.д. переживает период реставрации. Начальник станции А.М. Серников обставил свое руко-

водство станцией чисто олимпийским величием. Служащие, которые в дни революции отказывались служить с ним, теперь испытывают прелести экономии и сокращения штатов. Что касается общего руководства станцией, то оно дальше тенденции к экономии не распространяется. Поезда имеют непроизводительные простои. Подготовка к погрузке и выгрузке грузов из смешанных и курсовых поездов не производится, на что уже было обращено внимание ревизорами движения. Станция имеет грязный вид. На станционных путях вблизи пассажирского здания — груды навоза.

На вокзалах, по линии ж.д. и в городе висят обращения к населению, подписанные командующим бригадою генерал-майором фон Иордан. Обращение призывает крестьянство взять хлеб, причем за каждые 25 пудов привезенного хлеба германское командование обещает, что украинское хлебное бюро будет выдавать по бутылке водки.

Получение водки обещано и в Сватове, Лучке и Кабанием.

Крестьяне продают романовскую водку из Оскола по цене 40 руб. бутылка.

Л. С.

ЮКВВ. 1918. 16 июля. №74.

V. О положении Валуйского Успенского монастыря, об аресте почитаемой иконы Николая Чудотворца в Алексеевке, о реквизициях, хищениях монастырской собственности, о гибели рыбы в реках Валуй и Оскол

В конце шестнадцатого века, при царе Федоре Ивановиче, среди болот и лесов в сторону от города Валук, отставным служивым человеком Корнилием был основан Валуйский мужской монастырь.

В царствование же Михаила Федоровича, после того как на город Валуйки напали литовские люди и черкасы, разорив, осквернив и разрушив обитель, монастырь был возобновлен, и Михаил Федорович снабдил монастырь книгами, ризами и инвентарем, выстроив новые строения.

С 1613 года по 1917 год, монастырь жил тихую жизнью скромных иноков. В текущем году, в период большевистского разгула в Валуйках, монастырь подпал под опеку не столько советской власти, сколько проходящих красноармейцев. Немаловажную роль в жизни монастыря сыграл валуйский совет с председателем Авиловым и штаб армии Сиверса.

Монастырь в течение трехмесячного большевистского царствования в Валуйках пережил все ужасы издевательств, социализации, грабежей и реквизиций.

Валуйским поземельным комитетом и крестьянами окрестных сел были отобраны монастырские: земли 36 десятин, 100 десятин леса, причем лес беспощадно вырубался крестьянами-колесниками; не осталась без «воздействия» водяная мукомольная мельница, единственно верный источник доходов монастыря; были взяты на учет все хозяйственные постройки и инвентарь, большая часть которого разграблена красноармейцами. Из монастырской гостиницы красноармейцами увезены самовары, постельное и столовое белье, коврики, посуда, кровати, матрацы, словом, все, что только можно было захватить.

У игумена и братии, после целого ряда обысков, отобрали деньги, ордена, кресты и ценные книги.

Грабежи и бесплатные реквизиции доходили до того, что у монастырского регента была отобрана скрипка и камертон.

Из амбаров вывозились хлеб, овощи. Всего большевиками вывезено из монастыря разного рода вещей и отобрано денег на сумму 38 000 рублей.

Подмонастырским сельским советом были запечатаны пещеры с пещерной церковью. Красноармейцы спускались в катакомбы, ища оружие и контрреволюционные прокламации. В монастырских храмах красноармейцы делали обыски, ходили в фуражках, курили. На хорах собора красноармейцы спали, играли в карты, курили, пили вино и водку. Стрельба в храме в цель была обычным явлением. Красноармейцы дали, между прочим, более тридцати выстрелов в копию почитаемой чудотворной иконы Николая Чудотворца. Подлинная икона, отправленная игуменом с одним иеромонахом и монахами для служения молебнов по домам в уезде, большевиками в Алексеевке была арестована. О судьбе сопровождавшей ее братии неизвестно.

9-го мая, в день отступления советских войск из Валук, красноармейцами, под начальством пяти комиссаров, был произведен последний, пятый по счету обыск в храмах монастыря и у игумена. Стали требовать с последнего деньги.

— Вот вам пять тысяч рублей, считайте, — сказал игумен, — а я пойду в ризницу за остальными.

Не доверяя друг другу, красноармейцы начали считать деньги, не послав с игуменом конвоя; игумен же скрылся в дровах, а затем в течение двух недель жил тайно от братии в келье одного монаха.

На Валуйский Николаевский Успенский монастырь валуйским советом была, между прочим, наложена контрибуция в размере 800 000 рублей. Монастырь, очень бедный и, по словам игумена, не имевший в кассе более 10 000 рублей, естественно, не мог внести требуемой суммы, и после целого ряда издевательств над игуменом, валуйский совет, после произведенной ревизии книг, пораженный бедностью монастыря, скрепя сердце согласился принять только 9 122 р. 27 к.

Небезынтересно, что во всех обысках, хищениях, грабежах, судя по рапорту игумена воронежскому епископу, принимали участие и руководили обысками крестьяне Подмонастырской слободки, по преимуществу солдатская молодежь.

Командующий армией Сиверс своей защитой монастыря от грабежей, а братии — от побоев, оставил в монастыре хорошее воспоминание, как идейный большевик, сам боровшийся с бандами красноармейцев.

В монастыре в покоях игумена я пробыл 12 часов.

В настоящее время монастырь оправился от большевистских ужасов... Монахов насчитывается 120 человек. При монастыре гостиница со 100 номерами. Ночлег и стол богомольцам и всем приезжающим бесплатный, монастырский. Монастырь живет с доходов от водяной мукомольной мельницы. Трапеза монахов и игумена самая простая.

Берега рек Валуй и Оскол сдаются монастырем в аренду. Рыбы до большевиков было много, после же их ловли рыбы, путем взрывов динамита в воде, отчего рыба, плавающая на 15 сажений в длину реки, оглушалась и всплывала наверх реки, где ее брали руками и сетками; после такой «ловли», рыбы стало мало, так как при взрывах погибала масса мелкой рыбы, находящейся в периоде роста.

ЮКВВ. 1918. 19 июля. №77.

VI. Злодеяния красноармейцев в сообщении беженцев из Валуек, Уразово, Троицкого

Купянск. 3 XII. Бежавшие из Валуек, слоб. Уразовки и села Троицкого, занятых большевиками, передают факты о возмутительных зверствах красноармейцев, кинувшихся прежде всего грабить и «ликвидировать» местных буржуев. Последних расстреливали на глазах жен и детей, а иногда и вместе с последними. Женщины насиловались, над трупами совершались глумления. Передают, что в Уразовке местные хулиганы встретили большевиков с колокольным звоном.

Наш кор.

ЮКВВ. 1918. 5 декабря. [№172?]

VII. Захват крестьянами Николо-Тихвинского монастыря в селе Пятницкое

То, о чем было написано в нашей газете, как предупреждение, по поводу Варваринского ж. монастыря, к сожалению, разразилось и над Пятницкой Николо-Тихвинской обителью.

Случилось то, чего боялись все, и чего не хотели все-таки предотвратить.

С 8 января монастырь взят под контроль и управление крестьян. Составился какой-то Совет, явились представители его в монастырь и стали хозяйничать. Прежде всего, открыли запечатанный властями дом покойной строительницы обители, распорядились с ее вещами, затем пошли на монастырскую вальцовую мельницу, потребовали книгу, сделали проверку и в качестве контролера и весовщика посадили своих людей, а сестер заставили исполнять все прежние низшие послушания.

Против захватчиков были вызваны солдаты-кавалеристы, 5-6 человек; эти приехали 9-го и до сих пор пока в обители, ведут между двумя сторонами переговоры.

Жизнь идет в монастыре своим чередом, сестры трудятся, службы Божьи служатся, — что будет дальше, ведает Господь.

Таковы вести.

Тяжело про них писать. Тяжело потому, что этого могло не быть.

Крестьяне села Пятницкого от захватчиков стоят в стороне... Они могли бы защитить обитель и, вероятно, защитили бы, но с ними и их желаниями не захотели считаться.

Теперь — вот и расплата.

Бедные сестры и бедный монастырь!

ВЦЕ. 1918. Четверг. 18 января. №6. С. 4.

VIII. Безвыходное положение с продовольствием в Валуйках в феврале 1918 г.

Валуйки. Несмотря на то, что по переписи прошлого года излишков в уезде числится до 700000 пудов, хлеб крестьяне не дают. В одном частновладельческом имении хлеб был разграблен, но вскоре посланные кавалерийские части отобрали этот хлеб. В последнее время замечается снова наплыв мешочников из голодающих губерний. Положение, в сущности, создается безвыходное.

ВТ. 1918. Пятница. 22 (9) февраля. №31. С. 3.

IX. Отправка хлеба из Валук в голодающий Петроград

Вследствие наступившего голода в Петрограде и северных губерниях сделано распоряжение об отправке из Валук 17 вагонов хлеба.

ВТ. 1918. Воскресенье. 3 марта (18 февраля). №39. С. 3.

X. Нападение на Валуйский Успенский монастырь в феврале 1918 г.

Мы получили сведения, что в начале февраля группа каких-то вооруженных лиц появилась в Валуйском монастыре, потребовала ключи от настоятеля, раскрыла свечные ящики и забрала находившиеся там деньги. Эти же лица пошли по кельям монахов, искали золото и серебро и, не найдя таковых, забрали у монахов и имеющиеся бумажные деньги.

Больших денег, конечно, ни в свечных ящиках монастыря, ни у монахов грабители не нашли, всего взяли сотню-

полторы. Осматривали кладовые монастыря и пещеры, которые закрыли.

Этими же лицами производились самочинные обыски и хищения и у разных лиц г. Валук. Но когда были вызваны из Уразовой кавалерийские солдаты, непризванные ревизоры чужих карманов бесследно скрылись.

ВЦЕ. 1918. Четверг. 14 (1) марта. №18. С. 4.

XI. Собрание братства св. Николая в Валуйском Успенском монастыре

Из жизни БРАТСТВА СВ. НИКОЛАЯ. Г. ВАЛУЙКИ. И под ужасами событий еще не замирает братская церковная жизнь в некоторых уголках нашей епархии. 12 февраля по стар. ст. при Валуйском Успенском монастыре состоялось Общее Собрание членов религиозно-просветительского Братства во имя св. Николая. Собрание открылось молебным пением с поминовением всех живых о здравии и о упокоении усопших членов-братчиков. Слово на текст «Вси благочестно жити хотящие — гоними будут» сказано почетным пожизненным членом — игуменом Игнатием. Из числа 180 членов присутствовало около 50 человек.

После отчета за 1917 год, прочитанного секретарем, говорились речи членов мирян разных слоев общества, отметивших плодотворную просветительскую для беднейшего народа деятельность Братства, указана была заслуга Успенской обители по щедрой благотворительности окрестному населению, особенно ближайшему к монастырю. В годину общественных народных бедствий обитель в течение сотни лет давала приют и пропитание гонимым, обиженным и голодным. От Братства как церковной организации от всего уезда избраны были 10 членов мирян содействовать в совещаниях ведению хозяйственных дел монастырскому совету старцев и вместе с тем быть представителями в учреждениях для защиты св. обители. Переизбран был состав совета на 1918 год.

После вечной памяти мученически усопшему Высокопреосвященному Киевскому митрополиту Владимиру и многолетия Братству шли до поздней ночи частные оживленные, душевные беседы членов-братчиков о текущем моменте.

Братчик.

ВЦЕ. 1918. Четверг. 21 (8) марта. №19. С. 3.

XII. О контрибуции, наложенной на Валуйский Успенский монастырь в феврале 1918 г.

В ВАЛУЙСКОМ МОНАСТЫРЕ. Нам передают, что в последнее время в Валуйском уезде совершено много арестов богатых лиц. Был арестован, между прочим, и игумен Валуйского монастыря о. Игнатий.

На монастырь была наложена контрибуция в 800 тыс. руб., а на братию — в 10 тыс. руб. Братия при помощи добрых людей, кажется, внесла требуемую сумму, монастырь же внести 800 тыс. руб., конечно, не мог.

ВЦЕ. 1918. Четверг. 28 (15) марта. №21. С. 3.

XIII. Нападение на священника Михаила Погребникова 9-10 марта 1918 г.

ЗВЕРСКОЕ НАПАДЕНИЕ НА ДОМ СВЯЩЕННИКА. В ночь под 10 марта вооруженной бандой разбойников в 6 человек совершено нападение на дом священника села Старого Хутора Валуйск. у. о. Михаила Погребникова. Часов в 11 ночи разбойники постучались в двери с заявлением будто бы о требах, когда их впустили, они дерзко потребовали от о. Михаила 35 тысяч. На ответ священника, что таких денег он не только никогда не имел, но даже и не видел, один из разбойников пригрозил о. Михаилу смертью. Ему велено одеться и идти за грабителями. О. Михаил попросил разрешения помолиться дома в последний раз. И в тот момент, когда священник опустился на колени, раздался выстрел, о. Михаил ранен пулей на вылет в плечо. На выстрел из кухни выбежала прислуга и с негодованием кинулась на разбойников. Раздался второй выстрел, в нее. Очевидно, пуля попала в сердце, — смерть прислуги была моментальная.

О. Михаил тяжело раненный на следующий день был отправлен в земскую больницу.

Семья и друзья о. Михаила просят всех пастырей епархии помолиться за собрата.

Собрat.

ВЦЕ. 1918. Воскресенье. 7 апреля (25 марта). №24. С. 3-4.

XIV. Нападение на Валуйский Успенский монастырь 26 февраля 1918 г.

РАЗБОЙНИКИ В ВАЛУЙСКОМ МОНАСТЫРЕ. В ночь на 26 февраля ст. ст. совершено нападение на Валуйский монастырь. Банда неизвестных вооруженных лиц человек в 30 окружила монастырь часов в 10. Начались обыски будто бы оружия и золота, начиная с кельи игумена и по всем кельям братии. Ничего ни у кого не нашли. Надо сказать, что это уже чуть не 5-й обыск со времени переворота. Ожесточенные бесплодностью своего налета разбойники с угрозой оружием запретили монахам выходить из келий, велели отпереть собор, привели туда о. настоятеля, наставили два револьвера к голове его и требовали сознаться, где спрятано золото.

В обители никакого сокровища, кроме серебряной утвари, не было. За три дня до этого случая выданы были последнее сбережения по предписанию и ордеру. Разбойники, потерявшие всякое чувство человечности, после издевательств над одиноким, беззащитным настоятелем, стали стрелять в храме надо головой преклонившего колена о. игумена.

Не насытившись сим, разбойники вывели на паперть о. настоятеля, раздели его на морозе, зверски излили на него свою демонскую злобу, затем обшарили номера гостиницы, забрали по несколько копеек из кружек; настойчиво требовали золота и денег. Послушники, мальчики сносили копейками *, высыпали последнюю свечную выручку 53 руб. Разъяренные звери-люди в 2 часа ночи с этим и скрылись из монастыря.

* Так в тексте.

О. настоятель от потрясений серьезно заболел. Братья монастыря обращаются к пастырям Воронежской епархии с просьбой помолиться о болящем игумене Игнатии.

Проезжий.

ВЦЕ. 1918. Воскресенье. 7 апреля (25 марта). №24. С. 4.

XV. Эвакуация продовольствия из Валук

Комиссар губерн.[ской] продовольств.[енной] управы Синицын телеграфировал по прямому проводу в Валуйки местным организациям и властям о срочной отгрузке всех продо-

вольственных продуктов и предметов первой необходимости в Воронеж.

ВТ. 1918. Среда. 10 апреля (28 марта). №68. С. 2.

XVI. Детали организации эвакуации продовольствия из Валук

На заседании 9 апреля губернской продовольственной управой обсуждался вопрос о мерах, предпринятых в связи с возможным передвижением немецких войск в пределы Воронежской губернии. Управа постановила: «Принять экстренные меры к эвакуации продовольственных грузов с линии Лиски — Валуйки — Волоконовка и с этой целью поручить комиссару Синицыну вести переговоры с Воронежским железнодорожным революционным комитетом, не возьмет ли он на себя эвакуацию означенной линии при содействии эmissаров, без непосредственного участия на месте комиссаров управы, которые, в виду отсутствия председателя и разрешенного комиссару отдела продовольствия отпуска, в данное время крайне обременены текущими делами; в случае же, если железнодорожный революционный комитет не согласится принять на себя эту обязанность без участия комиссара управы, поручить комиссару Сини[цын]у принять на себя руководство эвакуацией железнодорожного узла при содействии железнодорож[ного] рев[олюционного] комитета и эmissаров. Установить с сего числа постоянное, на время эвакуации, очередное дежурство ответственных служащих: Чибрикова, Вдовина, Чухрита и Новицкого на ж.-д. телеграфе ст. Воронеж для приема и отправки телеграмм по делам, касающимся означенной линии. Поручить комиссару Синицыну установить также автомобильное дежурство шоферов».

ВТ. 1918. Четверг. 11 апреля (29 марта). №69. С. 2.

XVII. Украинские и германские разъезды в Валуйках в апреле 1918 г.

16 апреля в продолжении дня из Валук на имя губернской продовольственной управы поступило несколько телефонограмм. Первая из них, как уже вчера сообщалось, говорила о том, что положение в городе осложняется, украино-

германские войска в 40 верстах. Вторая телефонограмма сообщала, что разъезды противника приближаются, и позже вечером была телефонограмма, сообщающая, что разъезды эти в нескольких верстах от Валук.

И последнее из Валук было сообщение, что украинско-германские разъезды появились в Валуйках, но быстро удалились. Разъезды были очень малочисленны.

Вчера помощник комиссара продовольственной управы г. Ланда говорил с Валуйками по прямому проводу. Оттуда сообщили ему, что в Валуйках спокойно, немецкие разъезды скрылись.

ВТ. 1918. Четверг. 18 (5) апреля. №75. С. 2.

XVIII. Убийство священников в сообщении «Воронежского вестника церковного единения»

Убийство священников. В Валуйском уезде, как сообщает «Вор. Тел.», темными элементами расстреляны священники: о. Иоанн Набивач, Фед. Бедин, Хр. Курбатов и И. Садовский.

ВЦЕ. 1918. Четверг. 16 (3) мая. №32. С. 4.

XIX. Телеграмма, адресованная валуйскими беженцами Роману Будбергу, о поиске защиты у гетмана Скоропадского

КИЕВ ГОСПОДИНУ МИНИСТР[У]
ЗЕМЛЕДЕЛИЯ КОЛОКОЛЬЦЕВУ *

ПР * КИЕВ ЧУГУЕВА * N 55 ПР 25 22 /5 10 10

Принята 22/V 1918 г. * №6

[Служебный штамп черными чернилами:] 40 Бодо 2к

ПРОСИМ РОМАНА ЮЛИЕВИЧА БУДБЕРГА ХОДАТАЙСТВОВАТЬ ПЕРЕД ГЕТМАНОМ О СПАСЕНИИ ВАЛУЙСКОГО УЕЗДА ОТ ПОГОЛОВНОЙ РЕЗНИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОТ ИМЕНИ ВАЛУЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ ВЕЛИЧКОВСКИЙ ;

ЦГАВОВУ. Ф. 3766. «Министерство зарубежных дел
Украинской державы, г. Киев». Оп. 1. Д. 69.

* Печатаем
прописными,
желая сохранить
телеграфный
стиль оригинала.

* Сокращение
для слова
«принята».

* Отправлена
из Чугуева
Харьковской
губернии.

* Дата
карандашом.

XX. Священник Федор Бедин : некролог в «Воронежском вестнике церковного единения»

Великим постом трагически погиб (был убит) священник Тихвинской церкви сл. Богородицкой (Шелаево) о. Федор Александрович Бедин.

По словам жены трагически погибшего о. Феодора, Неонилы Ивановны Бединой, ее муж был арестован 10 марта 1918 г., в субботу 1-й недели Вел. Поста. Арестованный под конвоем прибыл в Валуйки и здесь, по снятии допроса, был посажен в тюрьму.

Местным благочинным о. Анатолием Дементьевым доведено было официально до Епархиального Начальства об аресте священника Бедина и о командировании на место его из Валуйского монастыря иеромонаха, для совершения богослужения. К освобождению арестованного были приняты меры со стороны Епархиального Начальства, которое просило свой Епископский Совет как народных избранников, командировать одного из своих членов для переговоров в Воронежский Юридический Отдел Советской власти. Таким членом был избран уполномочен Б. А. Рукин. Независимо от сего от имени Его Высокопреосвященства немедленно было донесено Св. Синоду об аресте свящ. Ф. Бедина и поручено произвести формальное следствие по поводу означенного ареста свящ. о. Иоанну Садовскому.

При каких обстоятельствах погиб священник о. Федор Александрович Бедин, остается доселе неизвестным.

После погибшего о. Феодора Бедина осталась жена и двое учащихся сыновей, воспитанников Воронежской духовной семинарии.

Свящ. о. Федор Бедин родился 8-го июня 1866 г. в семье священника сл. Алексеенковой, Бирюченского у., на 10-м году был определен в число учеников приготовительного класса Бирюченского училища, в 1880 году поступил в Воронежскую духовную семинарию, и здесь отличался своими успехами, а в 1886 г. окончил курс с выдающимся успехом, получив аттестат 1-го разряда с званием студента семинарии. В том же 1886 г. 25 октября был определен надзирателем в родное свое духовное училище, а в 1888 г. 5 февраля сделался в нем учителем. В 1890 г. рукоположен Архиепископом Анастасием на священническое место в сл. Богородицкую (Шелаева), Валуйского у. Эта слобода находится в 12 верстах от гор. Валук и в 6 верстах от сл. Уразовой.

Поступив на приход, молодой, энергичный и интеллигентный пастырь о. Федор обратил особенное внимание на народное образование. Благодаря его трудам, стараниям, энергии и умелости, в сл. Шалаеве была построена величественная церк. приход. школа, считавшаяся выдающейся в уезде. В приходе сл. Шалаевой есть еще три земских школы, — в которых о. Федор вел преподавание Закона Божия.

Выдающийся, неутомимый молодой сельский пастырь о. Федор Александрович Бедин пользовался доверием и расположением духовенства всего округа. Он в 1895 г. на благочинническом окружном собрании единогласно был избран уполномоченным вести дела во всех подлежащих правительственных учреждениях по поводу получения планов и крепостных актов на церковную, причтовую, полевую и усадебную землю, вследствие известного распоряжения покойного Архиепископа Анастасия.

Поручения скоро и с успехом было им выполнено.

С 1892 г. пять трехлетий подряд бессменно проходил выборную почетную должность окружного депутата по делам церкви, причта и прихода на благочиннических и епархиальных съездах.

По выборам также состоял помощником благочинного.

За свою беспорочную и отлично-усердную пастырскую службу Св. Церкви он имел отличия и награды включительно до золотого наперсного креста, от Св. Синода выдаваемого, полученного им 6 мая 1916 года.

Безвременно и насильственного прервана его жизнь 52-х лет без 2-х месяцев. Неизвестно, где и кем погребен его прах.

Примечательно, что родитель о. Феодора, свящ. Александр Бедин, пострадал за народ от помещиков и властей за преждевременное прочтение в церкви манифеста 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян, а сын его о. Федор пострадал от народа.

Свящ. Федор Лукин.

ВЦЕ. 1918. Воскресенье. 7 июля (24 июня). №44. С. 3-4.

XXI. Убийство священника Михаила Погребникова в сообщении «Воронежского телеграфа»

Г. Валуйки. — На днях шайкой грабителей совершено в с. Старом Хуторе Казинской волости нападение на дом мест-

ного священника М. Погребникова. Выстрелами грабителей прислуга священника была убита наповал, а сам он тяжело ранен и, отвезенный в соседнюю земскую больницу, через день умер. Покойный окончил курс в Воронежской учительской семинарии и был около 10 лет народным учителем.

Советской властью города наложена денежная контрибуция не только на помещиков и купцов, но и на духовенство. Сумма контрибуции различна, но не менее 1000 р., при чем изъятия никому не делается. Священник с. Карабанова, обремененный значительной семьей, собирал положенную на него контрибуцию среди своих прихожан, обещая в рассрочку уплатить взятое у крестьян. Наложена контрибуция и на Валуйский Успенский монастырь.

ВТ. 1918. Пятница. 29 (16) марта. №58. С. 3.

XXII. Расправа над представителями духовенства и бывшими землевладельцами Валуйского уезда в сообщении «Воронежского телеграфа»

Г. Валуйки. И город, и уезд переживают ужасные, кошмарные дни: по обвинению в контрреволюции духовенство и бывшие землевладельцы арестовываются и препровождаются в город для заключения в тюрьму. Через меру усердствующие, потерявшие человеческий образ исполнители приказаний об аресте во многих случаях расправляются с арестуемыми на месте или по пути в город. В числе жертв кровавой расправы приехавшие из Валук называют священников — сл. Саловки И. Набивача (бывшего народного учителя, оконч. в 1890 г. курс в Воронежской учит. семинарии), с. Шелаева — Ф. Бедина, с. Пристена — И. Садовского и с. Арнаутова — Х. Курбатова. Из числа убитых землевладельцев называют Д.Н. Бунакова, Б.Б. Лопатинского и С.Н. Гаевского.

ВТ. 1918. Вторник. 17 (30) апреля. №85. С. 3.

Приложение : отдельные сведения о священниках, убитых в 1918 году

Мы посчитали важным дополнить издание сводок газет времен Гражданской войны приложением с краткими биографическими справками священнослужителей, убитых в 1918 году в Валуйском уезде.

Оговоримся, эти биографические справки не претендуют на то, чтобы быть исчерпывающими : так, нам не удалось установить даты рождения священников, кроме Федора Александровича Бедина, чья дата рождения была указана в некрологе «Воронежского вестника церковного единения».

В нашей работе мы опирались на «Воронежские епархиальные ведомости», личный сайт иерея Павла Андреевича Овчинникова, опубликованные нами в этом номере ежегодного бюллетеня газетные сводки.

Чтобы сократить объем примечаний, мы предпочли, как и везде в бюллетене, пользоваться сокращениями (**См. Принятые сокращения**) →.

БЕДИН ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ (род. 8 июня 1866 – † 1918). Из семьи священника сл. Алексеенковой Бирюченского уезда. В 1876 г. поступил в Бирюченское духовное училище, в 1880 г. — в Воронежскую духовную семинарию, которую окончил в 1886 г. с аттестатом 1-го разряда и званием студента. В 1886 г. назначен надзирателем, а в 1888 г. — учителем Бирюченского училища. В 1890 г. рукоположен архиепископом Анастасием в Тихвинскую церковь сл. Богородицкой (Шелаево) Валуйского уезда. Организовал строительство церковно-приходской школы в сл. Шелаево, преподавал Закон Божий в трех земских школах прихода. В 1903 г. содержал на свои средства народную библиотеку при Тихвинской церкви. В 1892–1907 гг. — окружной депутат на благочиннических и епархиальных съездах, помощник благочинного. В 1895 г. избран уполномоченным по делам церковной земли. В 1916 г. награжден золотым наперсным крестом от Священного Синода. Арестован 10 марта 1918 г., содержался в тюрьме г. Валуйки. По сообщению газеты «Южный край», расстрелян по решению революционного трибунала. Место захоронения неизвестно. Остались жена Неонила Ивановна и двое сыновей, учащихся Воронежской семинарии.

Источники : ВЕВ. 1903. 15 января. №2. С. 1069–1080 ; ВТ. 1918. 17 (30) апреля. №85. С. 3 ; ВЦЕ. 1918. 7 июля (24 июня). №44. С. 3–4 ; ЛСПАО. 2025 ; СКДВЕ. 1900. С. 105 ; ЮКВВ. 1918. 11 июля. №71.

КУРБАТОВ ХРИСТОФОР ПЕТРОВИЧ (род. ? – † 1918). Родился в семье священника Петра Курбатова, служившего в церкви с. Арнаутово Валуйского уезда (ныне Красногвардейский р-н Белгородской обл.). Окончил Воронежскую духовную семинарию с аттестатом 2-го разряда в 1892 г. По состоянию на 1900 г. — священник Рождество-Богородицкой церкви в с. Арнаутово Валуйского уезда, где сменил в этой должности отца. Расстрелян в 1918 г. Место захоронения неизвестно.

Источники : ВТ. 1918. 17 (30) апреля. №85. С. 3 ; ВЦЕ. 1918. 16 (3) мая. №32. С. 4 ; ЛСПАО. 2025 ; СКДВЕ. 1900. С. 103 ; ЦВ. 1889. 9 апреля. №15-16. С. 147 ; ЦВ. 1895. 6 мая. №18. С. 164.

НАБИВАЧ ИОАНН АРТЕМОВИЧ (род. ? – † 1918). По состоянию на 1900 г. — диакон Казанской церкви в сл. Казинка Валуйского уезда, где в 1896 г. открыл церковно-приходскую школу для девочек. 12 февраля 1902 г. награжден серебряной медалью «За усердие» за труды по народному образованию, все еще оставаясь диаконом в сл. Казинка. Затем — священник церкви с. Кулагина Оренбургского уезда и церкви с. Ново-Михайловки (Молочай) того же уезда, где открыл приходскую читальню в 1907 г. 30 октября 1907 г. награжден правом ношения набедренника. В 1911–1912 гг. — действительный член Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Оренбургского духовного училища. В 1912 г. награжден скуфьей и принял участие в работе Всероссийского съезда по борьбе с алкоголизмом в Москве. С 29 сентября 1912 г. — священник Архангельской церкви сл. Федоровка Валуйского уезда (ныне с. Саловка Вейделевского р-на). В 1916 г. — действительный член Братства св. Николая при Валуйском Успенском монастыре. 28 марта 1917 г. награжден камилавкой. Плодотворный церковный писатель, публиковался в «Воронежских епархиальных ведомостях», «Оренбургских епархиальных ведомостях», журналах «Христианин», «Церковный вестник». Расстрелян в 1918 г. Место захоронения неизвестно.

Источники : БЕВ. 1897. 15 января. №2. С. 80–81 ; БЕВ. 1902. 15 апреля. №8. С. 151 ; БЕВ. 1912. 7 октября. №41. С. 628 ; БЕВЧН. 1916. 10 апреля. №15. С. 225 ; БЕВ. 1917. 28 мая. №22. С. 225 ; ВТ. 1918. 17 (30) апреля. №85. С. 3 ; ВЦЕ. 1918. 16 (3) мая. №32. С. 4 ; ДЦДОЕ. 2012. С. 7 ; ОЕВ. 1905. 1 августа. №15. С. 387–388 ; ОЕВЧН. 1907. 8 февраля. №6. С. 97–98 ; ОЕВ. 1907. 15 ноября. №45–46. С. 306 ; ОЕВ. 1908. 11 декабря. №49–50. С. 390 ; СКДВЕ. 1900. С. 106 ; СЖХ. 2022.

ПОГРЕБНИКОВ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ (род. ? – † 1918). По состоянию на 1894 г. — диакон Пятницкой церкви с. Фошеватое Землянского уезда, где проводил внеслужебные собеседования с прихожанами о народных суевериях. Автор «Воронежских епархиальных ведомостей». 6 июня 1898 г. награжден серебряной медалью «За усердие» за труды по народному образованию. С 26 июля 1898 г. — диакон Покровской церкви сл. Казначеевка Валуйского уезда. С 30 июня 1905 г. — священник Николаевской церкви с. Старое Валуйского уезда (ныне с. Старый Хутор Валуйского р-на). В 1906 г. — действительный член Воронежского Братства святителей Митрофана и Тихона. Во время революции 1905-1907 гг. убеждал прихожан не участвовать в грабежах. 13 марта 1911 г. награжден правом ношения набедренника. 9-10 марта 1918 г. ранен во время молитвы в ходе ограбления его дома в Старом Хуторе. Отправлен в больницу г. Валуйки, где вскоре умер. Место захоронения неизвестно.

Источники : ВЕВЧН. Приложение : Отчет Братства свв. Митрофана и Тихона за 1894 год. 1895. 1 августа. №15. С. 14-15; ВЕВЧН. 1895. 1 декабря. №23. С. 817-818; ВЕВ. 1898. 15 августа. №16. С. 337-339; ВЕВ. 1905. 15 июля. №14. С. 276; ВЕВЧН. Приложение : Отчет Совета Воронежского Братства святителей Митрофана и Тихона за 1906 год. 1907. 1 сентября. №17. С. 10, 31; ВЕВ. 1911. 10 апреля. №15. С. 175; ВТ. 1918. 29 (16) марта. №58. С. 3; ВЦЕ. 1918. 7 апреля (25 марта). №24. С. 3-4; СКДВЕ. 1900. С. 106; ЮКВВ. 1918. 11 июля. №71.

САДОВСКИЙ ИОАНН МИХАЙЛОВИЧ (род. ? – † 1918). Сын диакона с. Ржавец Задонского уезда. Окончил Воронежскую духовную семинарию в 1895 г. По состоянию на 1898 г. — учитель Еленовской церковно-приходской школы Богучарского уезда. С 12 января 1901 г. — священник Вознесенской церкви с. Пристень Валуйского уезда. Расстрелян в 1918 г. Место захоронения неизвестно.

Источники : ВЕВ. 1895. 1 июля. №13. С. 337; ВЕВЧН. Приложение : Отчет Братства святителей Митрофана и Тихона за 1898 год. 1899. 1 июля. №13. С. 9; ВЕВ. 1901. 1 февраля. №3. С. 52; ВТ. 1918. 17 (30) апреля. №85. С. 3; ВЦЕ. 1918. 16 (3) мая. №32. С. 4; ЮКВВ. 1918. 11 июля. №71.

САХАРОВ ИОАНН МИХАЙЛОВИЧ (род. ? – † 1918). Родился в с. Нижняя Грайворонка Землянского уезда Воронежской губ. (ныне Курская обл.) в семье священника Михаила Сахарова, будучи одним из пяти детей. Окончил Воронежскую духовную семинарию в 1865 г. С 1866 г. — священник в с. Средний

Икорец (ныне Лискинский р-н Воронежской обл.). В 1867 г. перешел в с. Павловское Воронежского уезда. В 1880-1896 гг. — законоучитель и учитель церковно-приходской школы в с. Павловское. С 1896 г. — настоятель Владимирского собора в г. Валуйки. Представитель духовенства в городском управлении г. Валуйки в 1896-1901 гг. Представитель духовенства на земских собраниях в 1896-1905 гг. и законоучитель городского училища в тот же период. С 1905 г. — законоучитель Мариинской женской гимназии. В 1906 г. — действительный член Воронежского церковного историко-археологического комитета. 23-24 июля 1916 г. в г. Валуйки отмечалось 50-летие священнической службы. По случаю юбилея Валуйская городская дума учредила стипендию его имени для женской гимназии. Расстрелян в 1918 г. Место захоронения неизвестно.

Источники : ВЕВЧН. 1907. 1 сентября. №17. С. 579 ; ВЕВЧН. 1916. 2 октября. №40. С. 1069-1080 ; ВЕВЧН. 1916. 9 октября. №41. С. 1106-1126 ; СКДВЕ. 1900. С. 99 ; ЮКВВ. 1918. 11 июля. №71.

Подготовил **АНДРЕЙ САМОХОТКИН**

Составители

КОРОЛЕВСКИЙ АНДРЕЙ (род. 1988), краевед, исследователь Восточной Слобожанщины, доброволец Украинской добровольческой армии (УДА), уроженец г. Нововоронеж Воронежской области.

Ландаков Вячеслав (род. 1979), адвокат, преподаватель. Россия, Воронеж. Уроженец г. Бутурлиновка, слобожанский украинец из с. Ширияво Калачеевского района.

Белопольский Николай (род. 1990), преподаватель, переводчик. Уроженец г. Курска.

Самохоткин Андрей (род. 1996), выпускник Университета Сорбонна по специальностям история и славянские исследования, магистрант Национальной школы хартий. Уроженец г. Валуйки Белгородской области.

ISSN en cours d'attribution

DÉPÔT LÉGAL : juillet 2026

Imprimé en Slovaquie

IMPRIMEUR :

EXPRESTA S.R.O.

Obchodno-výstavný objekt B

Devínska Nová Ves 7465

841 07 Bratislava

Slovaquie